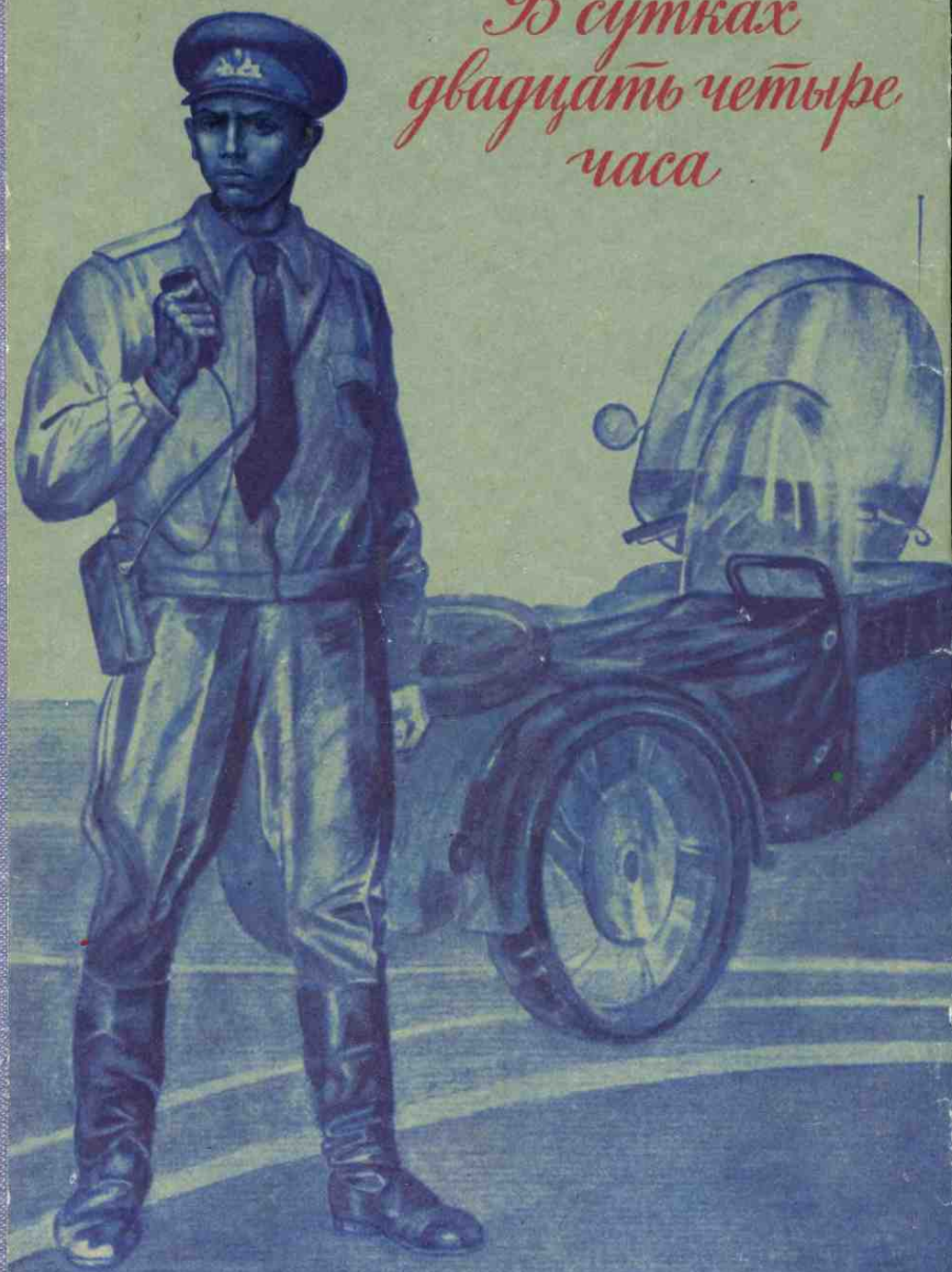

В Л А Д И М И Р К И С Е Л Е В

*В сутках
двадцать четыре
часа*

В Л А Д И М И Р К И С Е Л Е В

*В сутках
двадцать четыре
часа*

Очерки

МОСКВА « ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА » 1984

67
К44

Рисунки
В. Воробьева

К $\frac{4802010000-553}{M101(03)84}$ 330—83

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.

О чем рассказали газетные вырезки

Вот уже много лет я собираю статьи и заметки из газет и журналов, в которых рассказывается о службе милиционеров, о том, как они бесменно охраняют общественный порядок, защищают советских граждан от преступников, хулиганов, борются с расхитителями народной собственности, обеспечивают безопасность движения на дорогах и улицах городов.

У меня накопилось несколько папок таких вырезок. Некоторые из них уже пожелтели, но время от времени я перечитываю их как захватывающие документы о мужестве, бесстрашии, человеколюбии бойцов незримого фронта.

Да, фронта! Я не оговорился. Потому что и теперь милиционеры нередко вступают в схватку с вооруженными преступниками. За мужество и бесстрашие, проявленные при выполнении служебного долга, милиционерам в мирное время вручают боевые награды, как когда-то вручали их воинам на фронте. А случается — присуждают посмертно...

Несколько улиц Москвы названы именами погибших сотрудников столичной милиции. Геройски погиб, защищая людей от преступников, старший лейтенант милиции Василий Тимофеевич Петушков. И улицу, расположенную в районе, где он был участковым инспекто-

ром, назвали улицей Василия Петушкова. Есть в Москве и улица постового Константина Царева...

Спустя почти тридцать лет после окончания Великой Отечественной войны капитан милиции Александр Попрядухин был удостоен высшего отличия в нашей стране — звания Героя Советского Союза. 22 июля 1974 года в Кремле ему вручили орден Ленина и Золотую Звезду. Рискуя жизнью, Попрядухин вызвался задержать особо опасных вооруженных преступников. Выполнить задание Попрядухину помогли безграничная любовь к Родине, бесстрашие и мужество, помноженные на мастерство и отличную физическую закалку.

23 марта 1975 года «Комсомольская правда» напечатала заметку «Погоня». Это произошло на юге Якутии, на трассе Большой Невер — Якутск, сообщала читателям газета. Оперативная группа, в которую входил и двадцатисемилетний сотрудник отдела внутренних дел Алданского райисполкома лейтенант Ариан Игнатьев, получила задание задержать и обезвредить вооруженную группу преступников. Началась тщательная проверка автомашин. И вдруг мимо офицера на большой скорости промчался «уазик». Не теряя ни минуты и не дожидаясь товарищей, Ариан вскочил в служебную машину, и началось преследование. Пятнадцать минут длилась эта погоня. А когда показались дома поселка и лейтенант пошел на обгон, раздалось выстрелы. Игнатьев был ранен в правое плечо и руку. Изрешеченная пулями машина перевернулась. Истекая кровью, Ариан переложил оружие в левую руку, открыл огонь и ранил двух бандитов. Подоспевшие оперативные группы задержали преступников...

А вот еще статья в газете. В ней рассказывается, что за мужество и отвагу, проявленные при задержании опасного преступника, полковник милиции Львов Лев Михайлович посмертно награжден орденом Красного Знамени. На одной из улиц Москвы преступник выстрелом из охотничьего ружья ранил мальчика, угрожал

каждому, кто попытается к нему приблизиться. Прибыв на место происшествия, полковник милиции первым шагнул навстречу опасности... Лев Михайлович не был на войне, не поднимался в атаку. Но, оказавшись лицом к лицу с преступником, не дрогнул. Он пожертвовал собой, чтобы спасти других.

Газета «Известия» рассказала о подвиге сотрудника ленинградской милиции Николая Чванова — о том, как он проник в группу вооруженных преступников и вместе с товарищами обезвредил их. Каждую минуту, даже секунду он был на волосок от смерти. Николай награжден орденом Красной Звезды.

— С чего, на ваш взгляд, начинается милицейская служба? — спросили у Чванова.

Николай немного подумал и сказал:

— С чувства сопереживания. Я с детства не мог пройти мимо, если видел, что кого-то обижают...

Вырезки, вырезки... Указы о награждении: лейтенанта милиции А. И. Дедюлина — орденом Красной Звезды (посмертно), подполковника милиции В. Н. Целищева — медалью «За отвагу», лейтенанта милиции В. А. Колотова — орденом Красной Звезды... Эти короткие газетные сообщения чем-то напоминают военные сводки. Читая их, чувствуешь напряженное биение пульса незримого фронта, воочию видишь геройские дела его бойцов.

Каждый день, все двадцать четыре часа они на боевом посту.

У советской милиции, как у человека, прожившего большую жизнь, интересная биография. Она началась 10 ноября 1917 года, спустя всего три дня после рождения нашего государства. Создание советской рабоче-крестьянской милиции неразрывно связано с именем вождя революции В. И. Ленина, с именами его ближайших соратников, выдающихся деятелей Коммунистической партии М. И. Калинина, Г. И. Петровского, Ф. Э. Дзержинского, К. Е. Ворошилова.

Я долгое время служил в пограничных войсках, а потом меня послали на работу в милицию. Мне повезло встретиться с теми, кто пришел на службу в милицию в первые дни революции, и с теми, кто сейчас бережет наш покой.

Эта книга — не учебник по истории милиции и не летопись, писавшаяся день за днем с 1917 года. Имейте это в виду, когда будете читать ее. Я расскажу только о некоторых эпизодах из истории нашей милиции.

Начало биографии

18 марта 1917 года Временное правительство издало указ о полной амнистии всех бандитов, грабителей и убийц, которые были осуждены до Февральской революции. Амнистированных уголовников призывали «к защите родины и отечества». Выйдя из тюрем, эти «защитники» в скором времени по-своему «отблагодарили» буржуазных добродетелей. Большая группа уголовников, вооруженных до зубов, подъехала к зданию Сената на автомобиле, ранила сторожа, который пытался задержать их, связала дежурного чиновника, чтобы тот не подошел к телефону. Грабители украли золотую статую императрицы Екатерины II (стоимостью свыше 500 тысяч рублей), три золотые фигуры конных трубачей, уникальный ларец Петра Великого, представляющий величайшую историческую ценность, забрали разных ценностей на сумму более 1,5 миллиона золотых рублей...

В Петрограде было и без того много бед. Топлива не хватало, квартиры освещались только с 18 до 24 часов, на улицах горели редкие фонари. Не было продовольствия. Хлеб выдавали по фунту на человека, молока почти невозможно было достать, сахара давно не видели. Больше всего от голода страдали рабочие семьи и дети. С началом холодов участились заболевания. А теперь еще и грабежи. Грабили склады, магазины, квартиры. Отнимали хлеб, продукты...

Газеты пестрели сообщениями о дерзких грабежах, насилиях, убийствах. Мужчины, чтобы как-то защититься от

бандитов, по очереди несли в домах ночную охрану вместе с дворниками, вооружившись охотничьими ружьями. Но это мало помогало.

Защищать население от уголовников, нахлынувших в Петроград, было некому. Возмущение народных масс росло. Буржуазному правительству не было дела до голодающего населения, ему не до охраны порядка, оно занято другим: собирает казаков, юнкеров, бывших городских, жандармов, чтобы разгромить большевистские Советы, потопить в крови рабочий Петроград. Но уже нет тех сил, которые бы могли сдерживать народный гнев, остановить социалистическую революцию. 7 ноября 1917 года восставшие, руководимые большевиками, штурмом овладели Зимним дворцом — последним оплотом буржуазии. Временное правительство было свергнуто.

Вечером того же дня на Втором Всероссийском съезде Советов были приняты Декреты о мире, о земле. Съезд сформировал первое Советское правительство России во главе с В. И. Лениным. А еще через день по улицам Петрограда на грузовиках разъезжали красногвардейцы и разбрасывали листовки. Военно-революционный комитет Петрограда обращался ко всем жителям с призывом:

«Граждане! Военно-революционный комитет заявляет, что он не потерпит никаких нарушений революционного порядка...

Воровство, грабежи, налеты и попытки погромов будут строго караться.

Следуя примеру Парижской коммуны, комитет будет безжалостно уничтожать всех грабителей и зачинщиков беспорядков...»

Советская власть объявляла врагами народа воров, спекулянтов, мародеров и жуликов. Это и не удивительно. Преступники наносили колоссальный ущерб государству. Например, в первые четыре месяца правления Керенского из петроградских складов почти открыто расхищались продовольственные запасы. В результате двухлетний запас зерна, хранившийся в них, был разворован, и его оказалось недостаточно для пропитания города даже в течение одного месяца.

Для борьбы с уголовниками нужно было создать специаль-

ное учреждение, которое взяло бы на себя охрану общественного порядка, повело борьбу с преступностью. И такое учреждение, по предложению В. И. Ленина, было создано.

Коллегия Народного комиссариата внутренних дел РСФСР приняла постановление о создании гражданской рабочей милиции и объявила об этом по телеграфу во все города. В этом документе говорилось:

«1. Все Советы Рабочих и Солдатских Депутатов учреждают рабочую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами вплоть до снабжения ее казенным оружием.

4. Настоящий закон вводится в действие по телеграфу».

В память об этом событии ежегодно 10 ноября в нашей стране отмечается День советской милиции.

Первый нарком

Почтовый поезд в тот ноябрьский день 1917 года прибыл в Петроград с большим опозданием. Но никто не удивился, ибо опоздания были обычны. Из классного вагона вышел мужчина в очках с металлическими дужками. Аккуратно подстриженная бородка, одет в бобриковое пальто с недорогим воротником, серую барашковую шапку пирожком. Пассажира никто не встречал. Народу полңо на вокзале, как в былые времена. Но вместо привычных невозмутимо важных городских теперь по перрону прохаживались красногвардейские патрули с красными повязками на руках.

Пассажир сразу же затерялся в толпе. А еще недавно полицейские неотступно следовали бы за ним. И не всегда удавалось незамеченным уйти. Григорий Иванович Петровский (а это был он), вспомнив о прошлом, усмехнулся.

Летом 1917 года по совету Владимира Ильича он из Петрограда уехал в Донбасс, чтобы там помочь партийным органи-

зациям поднять массы на борьбу с буржуазным правительством Керенского.

Петровский поручение Владимира Ильича выполнил. Ему пришлось много работать, чтобы сплотить и мобилизовать рабочих на решительные действия против горнозаводчиков и фабрикантов. Шахтеры первыми прислушались к голосу большевиков и пошли за ними. За шахтерами последовали рабочие металлургических заводов. В некоторых местах, несмотря на яростное сопротивление меньшевиков, рабочие сумели взять управление предприятиями в свои руки. Под руководством Петровского в Горловском и Щербиновском районах был образован Временный революционный штаб. В Мариуполе и станице Краматорской рабочие полностью захватили власть в свои руки.

Петровский находился в Никитовке, когда пришла весть о победе Октябрьской революции в Петрограде. Возникали стихийные митинги на улицах городов, в заводских поселках, на заводских дворах. Простые люди ликовали, приветствовали революцию.

Но были на Украине и другие силы, которым победа социалистической революции была не по нутру. Не скрывая ненависти к Советской власти, промышленники, владельцы рудников саботировали решения Советов о введении на предприятиях восьмичасового рабочего дня, отказывались выполнять требования рабочих комитетов. Они считали себя по-прежнему полновластными хозяевами заводов, шахт и держались за старые порядки. А когда убедились, что с рабочими шутки плохи, начали сокращать выплавку стали и чугуна, ссылаясь на нехватку руды. Самовольно закрывали шахты.

Нужно было как можно быстрее отобрать у капиталистов предприятия, национализировать их. В противном случае Республика останется без топлива, металла. А этого нельзя было допустить. Рабочие направили Петровского к В. И. Ленину, чтобы посоветоваться: как быть? И, если можно, просить помощи.

Григорий Иванович выехал в Петроград. Но по дороге на несколько дней задержался в Харькове, чтобы принять учас-

тие в общегородской партийной конференции. На ней обсуждался вопрос о поддержке ленинской линии развития социалистической революции на Украине. Дело в том, что меньшевики, украинские националисты пытались убедить народ, особенно фабрично-заводских рабочих, что с революцией на Украине не следует спешить. Они доказывали, что на Украине еще нет тех условий, которые якобы имеются у русского пролетариата. Подобные разговоры были только на руку капиталистам и помещикам. Петровский выступил на конференции и обличил меньшевиков, с железной логикой доказал делегатам, что подобные разговоры — заведомая ложь и обман. Порождать неверие в социалистическую революцию, говорил он, значит предавать народ.

Из Харькова Григорий Иванович сразу поехал в Петроград. Проводить его на вокзал пришли Артем (Сергеев) и Рухимович — руководители харьковских большевиков.

— Передайте привет товарищу Ленину от харьковского пролетариата, — попросили они на прощание. — Расскажите в Центральном Комитете об обстановке на Украине, о том, что сами слышали и видели.

Петровский махнул товарищам рукой и вошел в вагон.

С вокзала Петровский отправился в Смольный пешком, ему очень хотелось поближе увидеть революционный Петроград, подышать воздухом революции.

Не спеша он шел по Невскому. Всюду на тумбах, домах белели и алели воззвания, прокламации, декреты... По улицам маршировали отряды красногвардейцев и моряков. Народ торжествовал. Это волновало, вселяло уверенность в победе. Но Петровский заметил не только манифестации, торжественные шествия. Он видел и длинные очереди возле булочных. За хлебом люди часами стояли на пронизывающем холоде.

Еще раньше по предложению Петровского из Никитовки в Петроград рабочие отправили несколько вагонов с пшеницей. «Это капля в море для миллионного города», — подумал он, вглядываясь в серые лица женщин.

В Смольный его не пустили солдаты пулеметного полка, несущие охрану штаба революции. Часовой вызвал коменданта

Смольного Малькова, тот провел Петровского в приемную Совета Народных Комиссаров. В этот момент там появился Ленин.

— Как раз вовремя! — встретил его Владимир Ильич. — Сейчас мы вас назначим наркомом внутренних дел. У нас Рыков сбежал с этого поста.

— Владимир Ильич! — взмолился Петровский. — Назначьте другого товарища, а я буду его помощником.

— Во время революции от назначений не отказываются, — сказал Ленин и шутя добавил: — Дать Петровскому двух выборгских рабочих с винтовками, они его отведут в Министерство внутренних дел, пусть тогда попробует отказать...

Владимир Ильич пригласил Петровского к себе в кабинет. Григорий Иванович подробно рассказал о работе большевиков на Украине, о том, какие задачи на данном этапе решают Советы. Он передал просьбу харьковских товарищей прислать на Украину опытных партийных работников для налаживания деятельности Советов. Что же касается национализации предприятий, то Владимир Ильич сказал, что такой декрет готовится.

— Как со здоровьем? — справился Ленин.

Услышав, что здоровье нормальное, искренне порадовался:

— Вот это великолепно!

Объяснил вкратце Петровскому, как представляет работу наркомата. Не терпящую отлагательства задачу наркомата Ленин видел в организации Советской власти по всей России, во всех волостях и уездах. С тем, чтобы как можно скорее Советы рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов взяли на себя руководство всеми сторонами местной жизни, проводили в деревне и в городе декреты и постановления ВЦИК и Совета Народных Комиссаров.

— Дел у нас на повестке дня, как видите, архимного, — говорил Ленин. — А в вашем наркомате особенно. Товарищи мне рассказали о безобразиях, которые творятся в губерниях, даже в Петрограде, грабежах, насилиях, погромах... Имейте в виду: жулики наряду с богатеями — главные враги социализ-

ма. Их необходимо взять под особый контроль всего населения и расправляться беспощадно при малейшем нарушении правил и законов социалистического общества. Учтите это.

...Наркомат внутренних дел должен был заняться и охраной общественного порядка, организацией милиции. В ведение наркомата передали коммунальное хозяйство, медицинское и ветеринарное управления, иностранный отдел, ведавший всеми делами иностранцев в стране. Многие другие первостепенные задачи возлагались на НКВД, в том числе и продовольственное снабжение столицы.

30 ноября, по предложению В. И. Ленина, СНК рассмотрел кандидатуру Григория Ивановича Петровского на пост наркома внутренних дел РСФСР и принял декрет о его назначении.

В коллегию Наркомата внутренних дел вошли: М. К. Муранов, И. С. Уншлихт, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Лацис, М. С. Урицкий, А. Г. Правдин, В. П. Антонов-Саратовский и другие опытные партийные работники.

— Сегодня же нам надлежит принять дела и покончить раз и навсегда со старым Министерством внутренних дел,— объявил Петровский на первом заседании коллегии.— По данному предложению вопросы есть? Принято единогласно. И второй вопрос.— Петровский смущенно покашлял.— Среди нас есть некурящие товарищи. Я бы просил учесть это и не курить в комнате, то есть в наркомате,— поправился Петровский.— А сейчас поедем в министерство и приступим к приему дел.

— Когда-то, в старину, мы предпочитали не иметь дела с этим учреждением,— пошутил Лацис.

— А теперь назло врагам будем управлять им,— ответил с улыбкой Дзержинский.

— Пошли, товарищи,— сказал Петровский.

Члены коллегии вместе с Петровским в шикарном «роллс-ройсе», на котором еще недавно ездил брат царя великий князь Михаил, подъехали к зданию министерства. Поблескивая серебряными фарами, черным лаком, автомобиль с членами коллегии НКВД остановился у подъезда. Заслышав шум

мотора, из-за тяжелой резной двери появился седобородый швейцар. В черной шинели с золотыми галунами и позументами он, как изваяние, застыл неподвижно.

Петровский, Дзержинский, Уншлихт и Лацис вышли из автомобиля, мимо застывшего швейцара прошли в вестибюль. Под высокими сводами гулко отдавались их шаги. Поражало великолепие здания. Но от беломраморных лестниц, пыльных ковров, хрустальных люстр несло нежилым духом.

Петровский зябко поежился, словно очутился на кладбище.

— Скажите, любезный,— обратился он к швейцару,— есть кто-нибудь из начальства или старших чиновников?

— Их превосходительства товарищи министра в кабинете изволят-с заседать,— по-военному браво ответил швейцар.

— Спасибо, братец. Докладывать не нужно,— остановил Петровский швейцара.— Сами доложимся.

Члены коллегии вошли в кабинет. Первое, что они увидели, был большой стол, покрытый зеленым сукном. Тяжелые старинные кресла. У стола никого не было. Но возле окна стояли два пожилых господина.

Петровский прошел к столу.

— Здравствуйте! Я — Петровский, нарком внутренних дел. Вот мой мандат.— Григорий Иванович положил на стол сложенный вчетверо лист бумаги.

«Превосходительства» прочли мандат и с недоумением и нескрываемым любопытством стали бесцеремонно разглядывать советского наркома и его спутников.

Петровский выдержал эти взгляды.

— Граждане, с завтрашнего дня предлагаю приступить к работе. Советская власть опытных работников приглашает сотрудничать.

В кабинете воцарилось неловкое молчание, лица у чиновников перекосились, словно от зубной боли, а потом густо покраснели. Один из них взревел:

— Пулю скорее пушу в лоб, чем пойду к вам!..

— В таком случае не смею задерживать,— ответил Петровский.— Искренне сожалею.

Члены коллегии с Петровским прошли по кабинетам. В помещениях было пусто, ни одного человека не встретили. В канцелярии лежали пачки писем, неразобранных бумаг. Лацис подергал за ручки шкафов, столов.

— Закрыты! — резюмировал он.— В знак протеста, видимо, чиновники с собой унесли ключи. Мы еще повозимся с ними!

Лацис оказался прав. В наркомате на первых порах согласились работать лишь мелкие служащие: охрана, вахтеры, курьеры, швейцары...

Григорий Иванович доложил о визите в министерство Ленину.

— Нужно принимать срочные меры,— ответил Владимир Ильич.

«Для разбора дел,— вспоминал Петровский,— под конвоем в течение месяца вынуждены были мы возить в Наркомвнудел старых чиновников, пока нами не был создан новый аппарат».

Сформировать НКВД в основном помогли рабочие Путиловского завода. На работу в наркомат пришли моряки Балтийского флота, наиболее грамотные солдаты столичного гарнизона. Ближайшим помощником Петровского стал видный работник партии В. А. Тихомирнов. Организацией милиции занялся А. М. Дижбит.

Об этих первых шагах Г. И. Петровский писал: «Многого мы тогда себе не представляли. Вначале нам казалось все просто — сломать старый аппарат, а на его месте создать совсем новую систему организации власти. Но как это сделать, мы еще тогда не знали. А жизнь действительно требовала ответов на многие вопросы, возникавшие на местах, причем вопросы эти часто нуждались в незамедлительном решении. Подчас не знали, как приступить к делу. Помню, что я весьма просто «решил» вопрос о том, как быть с такими учреждениями, как сенат, синод, некоторые дворянские сословные учреждения,— повесил на дверях этих учреждений замки... и все. Узнав об этом «решении», Ленин рассмеялся, а потом указал мне, что, прежде чем закрывать, надо было изучить их дея-

тельность, узнать работавших там людей и честных, желающих сотрудничать с нами, привлечь».

Снова открывать эти учреждения, конечно, не пришлось, но ленинское замечание послужило хорошим уроком сотрудникам наркомата.

Чтобы понять, почему В. И. Ленин предложил на пост наркома внутренних дел Г. И. Петровского, вернемся еще раз к тем дням.

Ленин встретил Петровского в Смольном, в приемной Совнаркома случайно. Рекомендовали на пост наркома нескольких товарищей. Однако на кандидатуре Петровского Владимир Ильич остановился не случайно. Видимо, он давно уже обдумал это. Во главе наркомата, которому в первую очередь надлежало заниматься строительством советского государственного аппарата, решать многие практические вопросы, должен был находиться человек, вышедший из гущи народа, хорошо знавший жизнь рабочих, пользующийся их безграничным доверием и поддержкой. Давайте посмотрим, отвечал ли этим требованиям Петровский.

Григорий Иванович Петровский родился 4 февраля 1878 года в селе Печенеги Харьковской губернии в семье сельского портного. Григорий был еще маленьким, когда отец в поисках работы переехал в Харьков. Но вскоре от тяжелой работы заболел чахоткой и умер. У матери на руках осталось двое детей. Гриша рос трудолюбивым, охотно помогал матери по дому. Когда подрос, мать отдала его в начальную школу, которую открыли при семинарии. Три года проучился Гриша. Но за учение полагалось платить, а в доме иногда денег не было даже на хлеб. И как ни хотелось Грише учиться, ему пришлось оставить школу и уехать в Екатеринослав к брату, чтобы устроиться на работу. Нужно было думать о хлебе насущном. Он поступил учеником в слесарно-кузнечную мастерскую. Жалованья ему не платили. Таков порядок, так принято: ученик работает за еду, которую ему дает хозяин, и за то, что учится ремеслу. Но получить специальность не пришлось. Григорий пожаловался, что мастер грубо обращается с учениками, даже бьет их. Подростком впервые Петровский

восстал против несправедливости, за что и был выгнан хозяином.

Наконец Петровскому удалось устроиться в инструментальную мастерскую при мостовом цехе Брянского металлургического завода, ему положили жалованье — тридцать копеек в день. Конечно, деньги не ахти какие, но это был твердый заработок. Здесь он научился токарному делу.

На заводе Петровский познакомился с высланным из Петербурга в Екатеринослав рабочим-революционером Иваном Васильевичем Бабушкиным. Бабушкин создал в Екатеринославе подпольный комитет РСДРП. В него вошел и Петровский, которого Бабушкин называл своим главным помощником. Григорий брал пример со своего учителя, стремился во всем походить на него — человека большой культуры, несгибаемой воли и веры в торжество революции.

Петровский научился у него уходить от шпиков, проводить беседы с рабочими, прятать и передавать запрещенную литературу, писать и печатать листовки. На квартире у Петровского были устроены склад нелегальной литературы и типография.

В донесении Екатеринославского жандармского управления от 27 сентября 1900 года сообщалось по начальству в Петербург, в департамент полиции: «Г. И. Петровский ведет с 1898 года систематическую пропаганду среди рабочей молодежи в селе Кайдаках, снабжая их нелегальными изданиями...» В Кайдаках жила семья Петровского и семьи погибших рабочих Брянского завода.

В 1900 году охрана по доносу провокатора выследила и арестовала Петровского. В руки полиции попали черновики прокламаций и другие улики. Потом — тюрьма, одиночная камера.

Второй раз Петровского арестовали за революционную работу на шахтах Донбасса. Из тюрьмы он вышел перед 1905 годом. Из старых товарищей в Екатеринославе Григорий Иванович почти никого не застал: одни находились в тюрьмах, другие в ссылке. Но подпольный центр, руководимый большевиками, продолжал работать. Петровский внимательно присмат-

ривался к новым товарищам, знакомился с теми, кто руководил кружками.

Весной 1905 года рабочие избрали Петровского сначала в делегатское собрание, а позже — и в состав первого заводского комитета, который потом сыграет важную роль в развитии революционного движения в городе. Собственно, с этого времени Брянский завод становится зачинателем революционного движения в Екатеринославе. На этом крупнейшем предприятии работали тысячи рабочих. Их признанным вожаком становится Петровский.

Итак, выдвигая Петровского на пост наркома внутренних дел, В. И. Ленин был уверен, что Григорий Иванович знает жизнь рабочих, их думы, пользуется их уважением.

Но одного пролетарского происхождения было еще недостаточно, чтобы доверить человеку такой ответственный пост, как руководство НКВД. Для Владимира Ильича не менее важным было, чтобы пролетарские руководители были авторитетными и в глазах передовой интеллигенции, старых специалистов, которых страна привлекала к строительству нового общества. Нарком отвечал и этим требованиям.

Имя Григория Ивановича Петровского многим представителям передовой русской интеллигенции было известно еще до Великой Октябрьской социалистической революции. В 1912 году он был избран депутатом в IV Государственную думу. Каждое выступление Петровского с трибуны Думы звучало призывом народа к борьбе с царизмом за свои права и свободу. Вся Россия слушала речи Петровского.

Царская охранка ни на минуту не выпускала его из поля зрения. В какой бы город он ни ехал, за ним всюду следовали шпики. Жандармский чиновник 5 ноября 1912 года докладывал начальству: «Рабочий элемент очень доволен избранием в члены IV Государственной думы рабочего завода «Провиданс» Григория Ивановича Петровского, который является убежденным, деятельным работником партии социал-демократов, и рабочие надеются, что он будет ярким защитником интересов рабочего класса...» Жандарм не ошибся. В каждом

своём выступлении с думской трибуны Петровский очень активно отстаивал права и интересы народа...

Григорий Иванович неоднократно виделся с Лениным. Владимир Ильич много раз помогал Петровскому составлять думские речи. Как вспоминает сам Григорий Иванович, впервые они встретились в конце 1912 года в польском городе Кракове, куда к Ленину приезжали депутаты-большевики.

«Мы, рабочие-депутаты,— писал Петровский,— были поражены скромностью и простотой Владимира Ильича, на квартире которого работало совещание и где мы также обедали (готовила Н. К. Крупская, помогали ей женщины — участницы совещания). Изумило нас и то, как хорошо знал В. И. Ленин, хотя он долго находился в эмиграции, настроение рабочих России, как внимательно вникал во все вопросы, имеющие отношение к рабочему движению, как глубоко он обобщал отдельные явления, приучая к этому и нас, революционеров-практиков...» Совещание проходило в маленькой комнате Ленина. Мебель в ней была простая — стол, стулья, книжный шкаф; на стенах приколоты газеты самых различных политических направлений, и в них карандашом отчеркнуты статьи и абзацы, которые заинтересовали Ленина. На подоконниках, на письменном столе — журналы, книги и рукописи с бумажными закладками между страниц.

Свободные от заседаний часы Ленин проводил в беседах с рабочими-депутатами. «Ленин особенно интересовался, как я делаю доклады на подпольных собраниях, составляю ли конспекты. Я подробно рассказывал ему о моих докладах. Ленин одобрил и построение, и содержание этих докладов, сделал кое-какие замечания...»

В Кракове Петровский, по предложению Ленина, был избран в члены Центрального Комитета РСДРП.

В 1914 году царская полиция арестовала рабочих-депутатов Государственной думы и устроила над ними судилище. На этом нашумевшем процессе Петровский даже под угрозой смертной казни не побоялся царских судей и выступил с обличительной речью против царизма. О его мужественном поведении узнала вся передовая Россия. Суд приговорил

рабочих-депутатов к пожизненному поселению в Сибири, в далеком Туруханском крае.

Яков Михайлович Свердлов, восхищаясь поведением Петровского на суде, писал одному из товарищей по революционной борьбе: «...Что за хороший тип Петровский! Удивительная чистота, искренность, преданность своему долгу, делу. Именно таким он и остался у меня в памяти по личным впечатлениям. И рос прямо-таки на глазах. Письма его обнаруживали этот рост. За него не страшно. Он удержится на высоте...»

Да, Григорий Иванович Петровский, верный ленинец, всегда был на высоте.

Помимо строительства, создания органов Советской власти снизу доверху на Наркомат внутренних дел была возложена и другая важная задача — борьба с контрреволюцией. И та и другая для Советской республики были первостепенными. Одно ясно: успешно бороться с врагами революции мог человек политически зрелый, опытный, храбрый и мужественный.

Не имея возможности учиться в школе, Петровский с юношеских лет стал заниматься самообразованием, готовить себя для борьбы с самодержавием. Петровский изучил марксистскую литературу, любил читать книги по истории, особенно о вождях народных восстаний. Книги воспитывали его, аресты и ссылки не сломили волю, не ослабили революционного духа.

Когда произошла Февральская революция, Петровский находился в Якутске, куда на вечное поселение, в ссылку, упрятало его царское правительство. 3 марта 1917 года политические заключенные узнали о том, что в Петрограде свергли царя. Через несколько дней после получения этого известия ссыльными большевиками был создан Комитет общественной безопасности Якутска. Петровского избрали его председателем. Чтобы предупредить возможные контрреволюционные действия, организовали вооруженный отряд, заняли телефонную станцию, телеграф, упразднили старую полицию, назначив начальником милиции своего человека.

Петровский уже к этому времени имел немалый опыт во-

оруженной борьбы, который приобрел еще на баррикадах 1905 года. В октябре 1905 года в Екатеринославе полицейские и казаки расстреляли рабочих, которые вышли на демонстрацию. Когда после первых залпов конные казаки начали топтать людей конями, бить нагайками, многие дрогнули, бросились бежать. Но нашлись смельчаки, которые вступили в рукопашную схватку, пустили в ход камни с мостовой. Петровскому с товарищами удалось отобрать у полицейских револьверы. Они ответили на насилие огнем, призывали рабочих строить баррикады.

Первыми на призыв большевиков отозвались на Чечелевке — в рабочем районе города. Здесь шел уже настоящий бой. Рабочие дружины ответили на огонь карателей стрельбой из охотничьих ружей и револьверов. Тогда-то и возникла знаменитая «Чечелевская республика». Она просуществовала немногим более месяца, но наглядно продемонстрировала силу народа.

Самую большую баррикаду соорудили на Первой Чечелевской улице. С фронта и флангов восставшие рабочие выкопали глубокий ров, протянули поперек улицы проволоку от конных жандармов и казаков. Защищало баррикаду несколько сот человек, вооруженных револьверами, винтовками, ружьями. Руководил обороной Петровский с товарищами.

Бой не прекращался. Отбив очередную атаку, защитники баррикады получили небольшую передышку. Солдатам не очень-то хотелось лезть под выстрелы рабочих.

Неожиданно на баррикаде Петровский встретил жену — Домну Федотовну. Вместе с другими женщинами она подносила патроны, перевязывала раненых, набивала мешки землей, насыпала земляной вал. Свидание было коротким, но радостным.

Не имея достаточно оружия, связи и поддержки от других городов и сел, рабочие дружины не могли противостоять натиску регулярной армии. Восставших разгромили. Но этот урок для рабочих не прошел бесследно. Борьба на баррикадах закалила их волю, а опыт уличных боев им пригодился в 1917 году.

13 октября рабочие хоронили товарищей, погибших на баррикадах. Даже губернатор и полиция побоялись нарушить скорбное шествие пролетариата Екатеринослава, помешать похоронам. Петровский предложил организовать фонд помощи рабочим, чтобы выдавать деньги наиболее нуждающимся семьям.

И вот теперь он — нарком внутренних дел.

Сразу же после назначения на эту должность он со всей страстностью приступил к работе. Партия доверила ему карающий меч революции. Между тем враги ожидали момента, чтобы ударить ей в спину. Белогвардейские офицеры создали подпольные боевые организации «Союз спасения родины», «Военная лига» и другие. Они уже стали переходить к открытым действиям.

14 января 1918 года на темной улице белогвардейцы обстреляли автомобиль В. И. Ленина. К счастью, пули не задела Владимира Ильича, но нападавшие серьезно ранили ехавшего вместе с Лениным швейцарского социал-демократа Фрица Платтена. А спустя несколько дней неизвестными был остановлен автомобиль наркомвнудела, в котором в этот раз вместе с Петровским ехали сотрудники наркомата. Угрожая оружием, налетчики обыскали Петровского и его товарищей. У члена коллегии Правдина нашли пистолет и хотели его расстрелять. К счастью, на шум подошел красногвардейский патруль. Завидя его, налетчики бросились врассыпную и через проходные дворы скрылись. Задержать никого не удалось.

Эти случаи обсуждались на заседании Совнаркома. Нужно было принимать срочные меры. По предложению Петровского, в Петрограде было введено военное положение. Движение по улицам разрешалось до определенного часа, красногвардейские патрули и милиционеры имели право задерживать каждого подозрительного человека. А налетчиков расстреливать на месте.

20 декабря 1917 года Совнарком постановил образовать Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с заговорами, контрреволюцией и саботажем. ВЧК возглавил Феликс Эдмундович Дзержинский. С этого времени НКВД и ВЧК будут

работать вместе, раскрывая заговоры, бороться против шпионов, бандитов, спекулянтов.

Свой первый удар чекисты совместно с сотрудниками НКВД нанесли по Торговому дому Александровых в Петрограде. В этом доме под безобидными вывесками торговых залов действовал крупный спекулятивный центр. Спекулянты ловко заматали следы. Торговцы достали мандаты различных советских учреждений. В то время сделать это было не так уж трудно. Каждая организация имела свои печати, а в совучреждения пробралось немало жуликов и врагов, которые помогали спекулянтам. По всей стране они создали разветвленную сеть скупщиков золота и ценных бумаг. Более того, связи из Торгового дома уходили за границу.

Милицейеры давно наблюдали за спекулянтами, но с обыском не спешили, чтобы не спугнуть главарей. О своих подозрениях сообщили чекистам. Те вскоре убедились, что в Торговом доме настоящее гнездо контрреволюции. С обыском нагрянули внезапно, когда главари были в сборе. В огромных подвалах, где хранились товары, сотрудники ЧК нашли спрятанные в тайниках золото, платину, бриллианты. Стоимость ценностей составила миллион рублей.

В марте 1918 года над Петроградом нависла угроза окружения. К городу стремительно продвигались немцы. Ими уже был занят Псков. В этих условиях Совнарком принял решение о переезде Советского правительства в Москву. Организация эшелонов и их охрана были поручены сотрудникам НКВД и ВЧК. 11 марта 1918 года правительственный поезд, в котором ехал В. И. Ленин и другие члены правительства, благополучно прибыл в Москву.

Петровский быстро организовал работу наркомата на новом месте. Теперь под его руководством работало свыше 400 преданных революции сотрудников. Наркомвнудел сохранил за собой руководство губернскими исполкомами. Сотрудники НКВД очень много внимания и времени уделяли организации Советской власти в губерниях, уездах, волостях по всей России. Строго следили за тем, чтобы все распоряжения Совнаркома и указания Ленина проводились в жизнь. Нар-

комат занимался организацией советской рабоче-крестьянской милиции, охраной общественного порядка, борьбой с преступностью и контрреволюцией.

Работникам наркомата приходилось непрерывно учиться. Пример подавал нарком. Он всегда бывал на заседаниях Совнаркома, которые проводил В. И. Ленин.

«Это был первый и единственный в то время в мире университет,— вспоминал Петровский,— где наркомы учились, как надо строить рабоче-крестьянскую власть».

Петровский всю жизнь учился у Ленина решительности и непреклонности, когда шла речь об интересах государства, народа.

4 июля 1918 года в Москве в Большом театре начал работу V Всероссийский съезд Советов. Предстояло обсудить и принять первую Конституцию РСФСР. Непосредственное участие в ее разработке принимали Я. М. Свердлов и Г. И. Петровский. С отчетным докладом выступил В. И. Ленин. Левые эсеры решили на съезде дать бой большевикам. Они задумали сорвать выступление Ленина. С мест они кричали, что большевики продались немецким империалистам, заключили с ними мирный договор в Бресте. Лидеры левых эсеров Камков и Спиридонова, пытаясь запугать Ленина, заявили, что они покинут съезд.

Владимир Ильич, конечно, не испугался. Он твердо заявил эсерам:

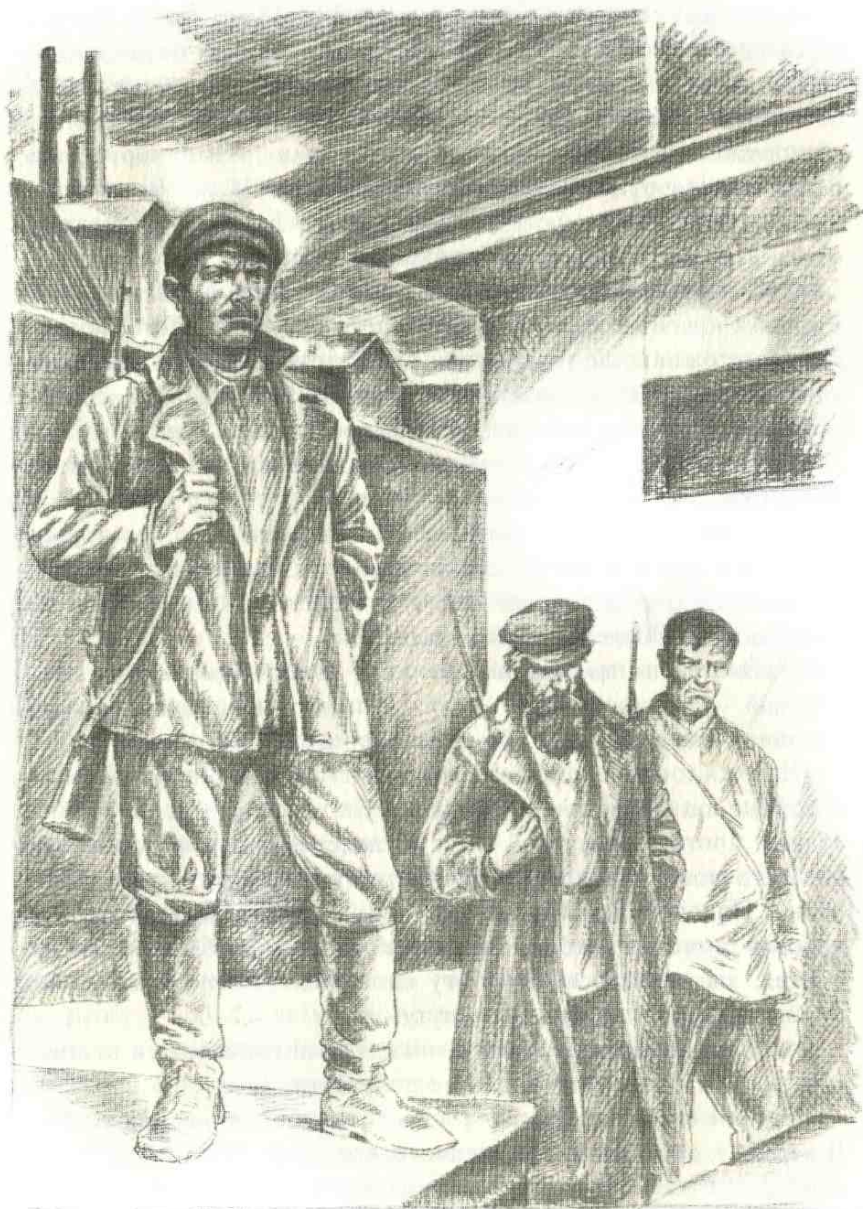
— Не хотите с нами работать — скатертью дорога.

Свою угрозу левые эсеры осуществили. Левый эсер Александрович, работавший в ВЧК в Москве, помогал организации мятежа. Изменники захватили телефон, телеграф.

«Узнав об этом, сгоряча Дзержинский с кем-то помчался в казармы, где размещались эсеровские повстанцы,— вспоминал Петровский,— но там его самого задержали бунтовщики.

Арестованным эсерам на съезде объявили, что они являются заложниками и будут расстреляны, если кто-нибудь из задержанных эсерами коммунистов погибнет».

Петровский лично организовал охрану съезда. Пошел проверять посты. Затем зашел в ВЧК. Оттуда повел группу

чекистов на ликвидацию мятежа. Однако отдельных групп оказалось мало — силы эсеров были значительными. Тогда Григорий Иванович создал несколько крупных отрядов из милиционеров, коммунистов и беспартийных рабочих. Отрядам была поставлена задача окружить здания, где засели мятежники, обезоружить и арестовать восставших. По поручению В. И. Ленина руководил войсками в Москве И. И. Вацетис — начальник Латышской стрелковой дивизии. Бои при ликвидации мятежа левых эсеров были кровопролитными.

Сам нарком с отрядом пошел на Мясницкую (ныне улица Кирова) к почтамту, они выбили оттуда эсеров. Потом разогнали мятежников с телефонной станции в Милютинском переулке. Оттуда Петровский повел отряд в Большой Трехсвятительский переулок, где латышские стрелки вели бой.

Когда мятеж в Москве был ликвидирован, к Петровскому пришел с докладом Дижбит.

— Товарищ нарком, мы получили сведения, что некоторым активным участникам восстания удалось бежать из Москвы и скрыться от наказания. Бегут в Воронежскую, Брянскую, Тамбовскую, Тверскую губернии.

— Это очень тревожный сигнал,— озабоченно сказал Петровский.— Задержитесь у меня, я подготовлю необходимые указания всем местным Советам, милиции.

И тут же написал телеграмму: «Немедленно принять меры к поимке и задержанию бежавших. Пытающихся поднять восстание против Советской власти арестовывать и предавать военно-революционному суду. Сопrotивляющихся расстреливать... Никакой паники, никаких колебаний. Исключительные условия момента требуют от всех коммунистов быть на своих постах, выполнять свою работу спокойно, уверенно, нигде не приостанавливая ее ни на минуту».

— Сами понимаете, телеграмма особой срочности и важности, проконтролируйте лично ее получение на местах.

Но мятежом в Москве левые эсеры не ограничились. В столицу поступали сообщения о восстаниях в других городах. Это была цепь хорошо продуманного заговора. В нем тайно участвовали иностранные послы.

После Москвы по их указке эсеры подняли восстание в Ярославле... Белогвардейцам удалось захватить там власть. Выступление тщательно готовилось. Мятежников возглавил бывший полковник царской армии Перхуров. С 6 по 21 июля белогвардейцы держали власть в городе. Они разрушили центр, некоторые предприятия, убили комиссара Ярославского военного округа С. М. Нахимсона. Были расстреляны, утоплены в Волге сотни большевиков и беспартийных товарищей.

Владимир Ильич вызвал Петровского.

— На подавление мятежа в Ярославль посланы полки Красной Армии. Вы назначаетесь председателем правительственной комиссии. Возьмите с собой хорошо вооруженный отряд чекистов и поезжайте в Ярославль. Работу по ликвидации мятежа и его последствий поручаем вам. Помните, нашим сентиментальничанием может воспользоваться враг. Обстановка требует от нас решительных и смелых действий, никакой пощады изменникам, — жестко напомнил В. И. Ленин.

Петровский выехал в Ярославль. Помимо чисто военных действий, поимки активных участников восстания, он взял на себя главную задачу — восстановление и укрепление разгромленных белогвардейцами Советов, налаживание нормальной жизни в городе.

В те тревожные июльские дни 1918 года спокойная уверенность Петровского, его деловитость, личная храбрость и оперативность в подавлении левозэсеровского мятежа во многом помогла разгромить предателей.

Интересы государства требовали укрепления местных Советов деловыми, принципиальными товарищами. С присущей ему энергией Петровский неустанно проводит эту работу, добиваясь, чтобы все советские учреждения были тесно связаны между собой, четко выполняли указания центральных органов, чтобы это была единая система управления, хозяйном которой были бы рабочие и крестьяне.

Подводя итоги проделанного, Петровский писал в докладной записке В. И. Ленину: «Ломаются гнилые своды отживших и одряхлевших зданий, и на их месте воздвигаются новые дворцы». Григорий Иванович задумался на минуту,

мысленно представил, как Владимир Ильич будет читать написанный им, недавним рабочим, документ, который подытоживал деятельность наркомата по строительству советского государственного аппарата.

Петровский писал не только от себя, но и от имени всех рабочих, всех угнетенных бывшей России, вставших во главе Республики. «Этот период стройки новых зданий уже заканчивается,— писал нарком.— Подводятся последние прочные своды, и на очередь становится вопрос о внутреннем содержании вновь построенных дворцов. Аппарат управления почти всюду налажен. Необходимо его пустить в ход по наиболее прочному, верному пути, ведущему к закреплению в стране диктатуры пролетариата».

В дверь постучали, Петровский оторвался от бумаг, на пороге стоял Дижбит.

— Проходите,— пригласил Петровский, он снял очки, близоруко сощурив хорошие глаза, проговорил: — Садитесь, устраивайтесь поудобнее. Я был у Владимира Ильича, мы говорили с ним о милиции.

Дижбит, как обычно, вынул блокнот, приготовился записывать указания наркома.

— Подождите записывать,— остановил его Петровский.— Как вы знаете, с формированием милиции на местах дело обстоит плохо. Каждая губерния, город действует по своему усмотрению. Ленин предлагает организовать центральное руководство милицией. Разработать Положение о правах и обязанностях милиции. Я сказал ему, что подготовку текста Положения можно поручить вам, Андрей Мартынович... Владимир Ильич согласился. Так вот: бросьте все другие дела и сочиняйте проект. Это первое. И второе: вы будете назначены начальником управления милиции.

Вскоре при НКВД было создано Главное управление советской рабоче-крестьянской милиции, а его начальником назначили А. М. Дижбита. Главное управление милиции разместилось в двухэтажном домике в Пименовском переулке (ныне улица Медведева).

Дижбит выполнил поручение В. И. Ленина, написал

проект Положения о милиции. С небольшими дополнениями оно легло в основу инструкции «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции». Осенью 1918 года ее утвердили нарком внутренних дел и нарком юстиции. В инструкции четко предусматривалось и то, как организуется милиция, как она осуществляет службу, строит отношения с местным населением, кто имеет право работать в органах, обязанности должностных лиц.

На посту наркома НКВД Г. И. Петровский работал до марта 1919 года, до того времени, когда, по предложению Я. М. Свердлова, III Всеукраинским съездом Советов был избран председателем Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. В 1922 году он стал одним из председателей ЦИК СССР. Петровский — неизменный делегат партийных съездов, член ЦК ВКП(б) по 1938 год включительно. Последние годы жизни Григорий Иванович был заместителем директора Музея Революции СССР в Москве. За выдающиеся заслуги перед Советской Родиной Григорий Иванович Петровский был награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени.

Умер Г. И. Петровский 9 января 1958 года, не дожив меньше месяца до своего восьмидесятилетия. Урна с прахом Григория Ивановича покоится в Кремлевской стене...

В городе его революционной юности — Екатеринославе, названном в его честь Днепропетровском, наркому Петровскому сооружен величественный памятник. Металлургический завод, на котором работал Григорий Иванович и делал свои первые революционные шаги, теперь носит его имя. Мощный дизель-электроход «Г. И. Петровский» бороздит моря и океаны.

Верный боец ленинской гвардии, один из создателей Советского государства, ближайший соратник Ильича Г. И. Петровский свято верил в великое, непобедимое дело строительства коммунизма и отдал ему все свои силы.

Товарищ Ленин беседует с постовым Левашовым

Весну и лето 1918 года Владимир Ильич Ленин жил в Кремле. Когда изредка выдавалась свободная минута, он любил вместе с Надеждой Константиновной и сестрой Марией Ильиничной ездить по окрестностям Москвы, каждый раз все в новые места.

Как-то в начале августа, проезжая по Большой Серпуховской улице, Владимир Ильич попросил шофера Гиля остановить автомобиль на углу Добрынинской площади, немного обождать, извинился перед спутницами и пошел через площадь к постовому.

Ему уже давно хотелось поближе познакомиться с сотрудниками новой милиции. Сейчас выпал удобный случай побеседовать с постовым. Это было особенно кстати потому, что в скором времени нарком внутренних дел Петровский должен был представить на рассмотрение Совнаркома очень важный документ — Положение о советской рабоче-крестьянской милиции. У Владимира Ильича давно выработалась привычка самому вникать в проблему. Ленина интересовало, как обеспечен, хотя бы самым необходимым, милиционер. Какие события его больше всего волнуют, что думает он о своей работе.

Побывать в милицеском комиссариате Ильичу уже пришлось. Правда, теперь он не мог вспомнить об этом без улыбки. В июле, после разгрома восставшего отряда эсера Попова в Большом Трехсвятительском переулке, Ленину захотелось самому осмотреть особняк Морозова, который мятежники избрали под штаб-квартиру. Почему Попов занял именно этот дом, а не другой? Как мятежники организовали его защиту?

Вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной он прошел по комнатам, сплошь усеянным клочками бумаги, — очевидно, эсеры рвали документы, перед тем как убежать. Ни сам особняк, ни его помещения не представляли с военной точки зрения какого-либо интереса. Штаб эсеры мог-

ли устроить в любом другом здании. А в этом, наверное, просто потому, что легко его захватили.

Потеряв всякий интерес к особняку, Ленин предложил проехаться по Сокольническому парку. Ему нравился этот заросший, почти дикий лесной массив.

Когда автомобиль подъезжал к тоннелю под железной дорогой, вспоминает Н. К. Крупская, наткнулись на молодежный патруль: «Стой!» Остановились. «Документы!» Ильич показывает свой документ:

«Председатель Совета Народных Комиссаров — В. Ульянов». «Рассказывай!..»

Молодежь арестовала Ленина и повела в ближайший милицейский комиссариат. Там, конечно, тотчас узнали Владимира Ильича. Сконфузившись, старший патруля незаметно ушел...

Милиционер Левашов, стоявший на Добрынинской площади, сразу заметил остановившийся неподалеку автомобиль. Оттуда вышел невысокого роста человек в темном костюме и направился к нему. «Кто бы это? Не иначе, начальство!» — решил Левашов. Бывало так, что посты проверял сам Рогов — «красный градоначальник» Москвы, поэтому Левашов на всякий случай обтер рукавом милицейский жетон на груди, одернул гимнастерку, поправил ремень с тяжелым «смит-вессоном»: за внешний вид начальство строго взыскивало. Смотрело, чтобы гимнастерка, брюки были наглажены, а сапоги начищены до блеска. Иначе нельзя — постовой на виду у всей Москвы.

Ленин тем временем подошел к Левашову. И, чуть картавя, проговорил:

— Здравствуйте, товарищ!

Левашов взял под козырек:

— Здравия желаю!.. Слушаю вас!

— Давайте познакомимся. Ульянов, Председатель Совета Народных Комиссаров.— Владимир Ильич протянул руку.

«Батюшки! Да это же Ленин! А я-то сразу не признал...» — растерялся Левашов. Ему еще ни разу не доводилось так

близко видеть Ленина. И вот он стоял здесь — такой обыкновенный, простой.

— Как ваша фамилия, товарищ милиционер? — видя замешательство постового, пришел на помощь Ильич.

— Милиционер Левашов! — Постовой осторожно пожал руку Ленину.

Ильич внимательно посмотрел на милиционера, заметил две аккуратные заплатки у него на рукаве.

— Вы солдат?

— Служил, а сам из рабочих, ткач я, товарищ Ленин. Хотел записаться добровольцем в Красную Армию, не взяли, мол, твои года вышли.

— А выглядите совсем молодцом. Сколько же вам лет?

— Пятьдесят пять исполнилось,— ответил Левашов.

— Неужели! Мы с вами почти ровесники.

Владимир Ильич легонько взял Левашова за локоть, и они медленно пошли к автомобилю. Часто останавливались. Кто наблюдал за ними, тому могло показаться, что встретились старые знакомые.

Ленин подробно расспрашивал о службе, о том, как в комиссариате борются с хулиганами, спекулянтами, ворами.

— Скажите, товарищ Левашов, рабочие помогают милиции?

— А как же, товарищ Ленин, конечно, помогают, разве нам одним управиться! Такая, прости, господи, от царя и от Керенского нечисть и шпана осталась в Москве, что на нее никакой милиции не хватит. Рабочий человек сам видит, кто ему житья не дает. Он сам себя защищает от всяких уголовников. Теперь у нас на каждом заводе рабочая дружина имеется. Очень даже хорошо рабочие помогают милиции...

— По-моему, вы правильно подметили,— энергично заговорил Ленин,— нужно, чтобы каждый сознательный рабочий усвоил, кто его враги, тогда он всеми силами станет помогать милиции. Что касается спекулянтов, то против них мы думаем организовать «крестовый поход». Как вы на это смотрите? Справимся?

— Отчего же не справиться, дело святое, справимся. Коль рабочий человек на хулиганов и спекулянтов всем миром навалится, им, вражинам, некуда будет деться. Тут им и крышка!

— Крышка, говорите? — Ленин одобрительно хмыкнул.— Именно, товарищ Левашов, мы обязаны, не теряя времени, немедленно всех мироедов разнести в пух и прах.

Владимиру Ильичу, видимо, очень понравился Левашов. Ильич беседовал с ним неторопливо, давая понять, что разговор интересен и важен.

В свою очередь Левашову с первого взгляда понравился Владимир Ильич, его некрупная фигура, обычная серая кепка. Такая кепка имелась у каждого рабочего. Левашов пристально всматривался в приятное смуглое ленинское лицо, высокий лоб, глаза — темно-темно карие, живые, полные внутренней силы.

— Большая семья у вас, товарищ Левашов?

— Жена, четверо детей: три сына и дочка. Старший в Красную Армию записался, другой на заводе работает. А остальные при мне живут, дочь — еще несмышлениш...

Владимир Ильич поинтересовался, есть ли у него квартира, какое ему выплачивается жалованье. Левашов таитья от Ленина не стал:

— На милицееское жалованье по нынешним временам не проживешь, хлеба получаю полтора фунта, да на детей немного дают. Сами знаете, этим не прокормишься. Из одежды, что было получше, жена на муку променяла, а обмундирование на мне — видите, какое... Жилье, слава богу, имеется. Теперь все так живут, не я один.

Ленин внимательно, не перебивая, слушал постового — одного из тех, кому Советская власть доверила охрану порядка.

— Но мы, Владимир Ильич, не ноем, твердо верим в новую жизнь, которая скоро наступит.

— И очень правильно делаете, — похвалил Ленин. — Нужно, чтобы так же твердо поверили и все ваши товарищи. Мы подумаем над тем, чтобы милиционеры получали красноармейский паек и одежду. Придет время, и очень скоро, когда у нашей милиции будет своя красивая форма. Передайте это товарищам, скажите им о необходимости укреплять дружбу с рабочими. И еще передайте мой привет и скажите, что ваша служба очень нужна Советской России.

Владимир Ильич попрощался за руку с Левашовым и уехал.

Винтовка № 109409

В билете члена Красной гвардии Замоскворецкого района потомственного рабочего завода Михельсона Андрея Уваровича Уварова значилось, что винтовка за таким номером вручена ему, красногвардейцу, члену партии большевиков с 1915 года. Кроме винтовки, завком выдал ему браунинг. Его Андрей всегда носил при себе. С винтовкой Уваров воевал с юнкерами в 1917 году в Москве, а потом с нею же пошел в рабочую милицию. Так решил завком. Вместе с другими рабочими ему было поручено охранять завод.

Летом 1918 года Андрею Уварову пришлось участвовать в подавлении левоэсеровского мятежа. Винтовка пригодилась ему. Тогда многое было пережито и понято. Даже рабочие, которые еще колебались, в те тревожные дни навсегда отошли от «крестьянских вождей» — эсеров, поднявших руку на Советскую власть.

Эсеры после поражения, теряя влияние в народе и понимая, что их политика терпит крах, пошли на крайние меры, чтобы захватить власть. Они перешли к открытому террору, решили физически уничтожать, убивать видных деятелей большевистской партии, в том числе В. И. Ленина. И выбирали момент, когда положение было критическим, когда, по выражению В. И. Ленина, «за непомерно тяжелым маем придут более тяжелые июнь и июль, а может быть, и часть августа». Нехватка хлеба, топлива, руды, нефти — все это создавало неимоверные трудности. А они были на руку врагам народа, которые рассчитывали, что им удастся сломить полуголодный рабочий класс, обещаниями сытой жизни отвернуть от революции.

Однако партия большевиков была начеку. Для преодоления трудностей, для укрепления Советской власти коммунисты должны были мобилизовать в первую очередь рабочих — самый сознательный класс в России. По решению Московского Комитета партии на заводах столицы с докладами по текущему моменту выступали члены Центрального Комитета партии, народные комиссары. Московский комитет партии

мобилизовал пропагандистом и Владимира Ильича, для которого партийная дисциплина была превыше всего, а выполнение партийного поручения он считал своим долгом.

Обстановка накалялась. 30 августа В. И. Ленину сообщили из Петрограда, что в 10 часов утра эсерами убит председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий. В этот день Владимир Ильич должен был выступать в Басманном и Замоскворецком районах Москвы. Товарищи пытались отговорить его. Чтобы прекратить эти разговоры, он сказал, что, может быть, и не поедет. Но о том, что на заводе будет Владимир Ильич, уже объявили рабочим. Под вечер Ленин быстро оделся и, сказав сестре Марии Ильиничне, чтобы она сидела дома, спустился к машине. Он решил ехать на митинг трудящихся в Басманный район (ныне Бауманский).

— Товарищ Гиль, поедем на Гавриковскую площадь, к Хлебной бирже,— сказал Владимир Ильич.

Они выехали из Кремля, проехали по Тверской, свернули на Мясницкую. Гиль хорошо знал, как проехать к зданию бывшей Хлебной биржи, просторное помещение которой райком теперь использовал для собраний и митингов трудящихся. Ленин почти не разговаривал с шофером, сосредоточенно обдумывая речь. Как значилось в путевке Московского комитета РКП(б), он должен был выступить перед трудящимися Басманного района на тему «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)».

Ленин взглянул на часы. Времени было в обрез. Ему предстояло еще выступить на бывшем заводе Михельсона. Он попросил шофера поторопиться. Машина подъехала к зданию биржи. Отвечая на многочисленные приветствия, Ленин прошел к трибуне.

Закончив доклад, Владимир Ильич вышел из душного зала на улицу. Было довольно свежо, и он застегнул пальто на верхнюю пуговицу, сел рядом с Гилем и попросил ехать на завод Михельсона.

Заводской комитет решил на этот раз собрать рабочих в наиболее просторном гранатном корпусе. Это был пятый приезд Ленина на завод. Ветераны и сейчас хорошо помнят

11 мая 1918 года. В этот день красноармейцы частей Замоскворецкого района принимали первую присягу на верность революции. В. И. Ленин приехал тогда поздравить бойцов со знаменательным событием. А когда стали зачитывать слова социалистической клятвы, он стал на правый фланг. И голос вождя слился с голосами красных воинов. Вместе с ними он тоже присягал Родине.

Чтобы Ильича лучше было видно и слышно, соорудили трибуну. Ждут. На встречу с Лениным прибыли рабочие с других заводов Замоскворечья. Узнав о приезде В. И. Ленина, Уваров заранее пришел в цех. В ожидании оратора аудитория приглушенно гудела. Людей набилось полным-полно, старались протиснуться поближе к трибуне: всем хотелось посмотреть на Ленина. С минуты на минуту он должен был подъехать. Многие из рабочих слышали о пунктуальности Владимира Ильича. И когда кто-нибудь говорил, что у Ленина дел по горло, что он может и не приехать, таких сразу одергивали:

— Что ты знаешь про Ленина? Да Ильич терпеть не может тех, кто не ведет счет чужому времени, опаздывает. Ленин никогда не подводит.

И вот кто-то обрадованно крикнул: «Приехал! Идет!» В цехе зашикали, потом голоса смолкли, все, как по команде, повернулись к проходу. И когда появился Владимир Ильич, огромное, высокое помещение загудело от грома аплодисментов.

Ленин снял кепку, зажал ее в кулаке и, слегка наклонив голову к правому плечу, быстро прошел к трибуне. Несколько секунд постоял молча, пристально взглядываясь в лица, кому-то приветливо кивнул. Аплодисменты не смолкали. Ленин решительно поднял руку, прося внимания. И когда шум стих, четко произнес:

— Товарищи!..

В установившейся тишине, нарушаемой покашливанием, звучали, били в сердца отточенные ленинские слова. Чуть-чуть прищурив глаза, Ленин страстно говорил о диктатуре пролетариата и диктатуре буржуазии.

— ...И наша задача дня: презрев все лицемерные, наглые выкрики и причитания разбойничьей буржуазии, творить свою революционную работу...

Уваров вместе со всеми ловил каждое слово. Речь вождя звала к действию, вселяла уверенность в силе и несокрушимости Советской власти. Ленин призывал рабочих напрячь все силы, чтобы сокрушить контрреволюционный мятеж белочехов на Волге.

— У нас один выход: победа или смерть! — такими словами Владимир Ильич закончил речь.

И снова гранатный корпус задрожал от аплодисментов.

Митинг закончился. Но люди не спешили расходиться. Окружив Ильича, рабочие расспрашивали его про хлеб и жалованье, про Красную Армию и о положении на фронтах, про эсеров... Отвечая на вопросы, Ленин вместе со всеми медленно продвигался к выходу. Ему стало жарко. Расстегнул пальто. Чтобы пройти к автомобилю, нужно было подняться на несколько ступенек. Уваров, узнав, что Ленин приехал без охраны, решил быть поближе к нему, на всякий случай все время шел рядом с Лениным. На ступеньках у выхода споткнулся какой-то человек в матросской форме, создалась сутолока. Уваров, оттертый людьми, потерял Ленина из виду.

Владимир Ильич тем временем подошел к машине, открыл дверцу. Но к нему подошли две женщины. Одна из них что-то спросила. Ответив ей, Ленин стал прощаться. Он устал, но был очень доволен тем, что удалось выступить на заводе.

Внезапно раздались приглушенные выстрелы. Женщина вскрикнула — одна пуля попала в нее, две — в Ленина. Он покачнулся, стал медленно падать, к нему устремилось несколько рабочих. Подхватили.

Услышав стрельбу, Уваров, отталкивая людей, протиснулся к автомобилю.

— Кто стрелял?! — на ходу вынимая из кармана браунинг, крикнул он.

— Тетенька.— Мальчишка показал, куда та побежала.

Убедившись, что Ленин жив, Уваров кинулся вдогонку за убийцей. Он никого не звал, однако слышал за спиной топот

бегущих людей. Рядом с Уваровым, тяжело дыша, бежал член завкома Николай Иванов, рабочие. Охваченные яростным порывом схватить, расправиться с гадиной, поднявшей руку на Ильича, бежали по улице люди. Стрелявшую догнали у трамвайной стрелки на Большой Серпуховской улице, когда она пыталась скрыться за забором особнячка. Ее задержал военный. На нее набросились рабочие, сорвали косынку, вырвали сумочку...

— Что вы делаете? Не бейте! — пытался уговорить людей Иванов. Но его никто не слушал.

Тогда Уваров выстрелил вверх. Рабочие остановились.

— Стойте! — крикнул он. — В Чека ее надо, живой! Может, она не одна!

Его сразу поняли. Вокруг задержанной возник первый, второй, третий круг из плотно сомкнутых рабочих рук. А за этим живым кольцом — негодующая в священной ярости толпа.

— Не напирайте! — призывал Уваров людей, шагая впереди конвоиров и сопровождая задержанную к зданию Замоскворецкой ЧК.

От чекистов Уваров узнал, что стрелявшей была эсерка Каплан.

Еще никогда Андрей Уваров не испытывал такой ненависти к человеку, как сейчас к этой женщине. Не дрогнув, Андрей пристрелил бы ее, как бешеную собаку. Его, как и всех, сдерживало только одно — Ленин жив. И хотя в том, что произошло, не было вины Андрея, однако он казнился, что позволил оттереть себя от Ильича там, в гранатном корпусе. Не задумываясь, он прикрыл бы Ленина от пуль.

Как только Свердлову стало известно, что В. И. Ленин тяжело ранен, а стрелявшая в него эсерка Каплан задержана, он поручил Петровскому и его заместителю Тихомирову, наркому юстиции Курскому немедленно допросить ее.

Важные показания дали Николай Иванов и Андрей Уваров.

Уваров с удовлетворением прочитал в газете «Известия» за 4 сентября 1918 года сообщение о том, что 3 сентября при-

говор был приведен в исполнение. Каплан была расстреляна.

Партия призвала всех трудящихся, милицию зорко следить за происками контрреволюции. Вскоре в Москве и Петрограде чекистами были раскрыты тайные организации, которые готовили новые мятежи и новые убийства.

Уваров осмотрел винтовку, которая верно служила ему с самой революции, любовно смазал. Нет, на склад он ее не собирался сдавать — поднимала голову контрреволюция. Андрей каждое утро бежал за газетой, чтобы прочитать сообщение о здоровье В. И. Ленина.

— Если недобитые буржуи и их подпевалы не останавливаются ни перед чем, — говорил он товарищам, — пора и нам взяться за них беспощадно. Добрячки и всепрощенцы революции не спасут, а только погубят.

Рабочие соглашались с Андреем. В «Вестнике НКВД» Уваров прочитал статью Г. И. Петровского. С присущей ему решительностью нарком писал, что расхлябанности и миндальничанию с врагами должен быть положен конец. А все известные местным Советам правые эсеры должны быть арестованы.

Покушение на жизнь Владимира Ильича Ленина еще больше сплотило трудовой люд вокруг партии, вызвало невиданный гнев рабочей Москвы, всей России. Трудящиеся требовали от Советской власти беспощадной расправы над заговорщиками-контрреволюционерами. Рабочие бывшего завода Михельсона послали письмо во ВЦИК, требуя принятия самых строгих мер к врагам всех мастей. Под письмом подписался и Андрей Уваров.

Советское правительство в ответ на террор врагов, покушавшихся на жизнь вождей революции, приняло решение: ответить на белый террор беспощадным красным террором. Подлежали расстрелу все лица, причастные к белогвардейским заговорам и мятежам. Красный террор предусматривал, чтобы фамилии всех расстрелянных публиковались в печати, а также указывались основания для применения к ним высшей меры.

Это вызывалось не жестокостью, а чрезвычайными обстоятельствами — борьбой не на жизнь, а на смерть, которую навязали революции враждебные силы старого мира.

Все сильнее и сильнее разгоралась гражданская война. Вскоре Советская Россия оказалась в тесном кольце врагов. Коммунисты, тысячи и тысячи сознательных рабочих, сменив станок на винтовку, записывались добровольцами в Красную Армию. В те дни ушло на фронт немало и москвичей. С проверенной в дни революции в боях за Советскую власть и с контрреволюционерами винтовкой № 109409 ушел в Красную Армию и Уваров.

После окончания гражданской войны Андрей Уваров вернулся в московскую милицию. Без отрыва от работы поступил в институт Красной профессуры. А после учебы стал директором крупного предприятия.

Шаг в бессмертие

У Кремлевской стены в Москве есть Братская могила жертв революции. На серых гранитных плитах рядом с именами видных революционеров, участников боев за власть Советов, высечены имена советских милиционеров Егора Швыркова и Семена Пекалова, погибших на боевом посту.

В родное село Демидково Егор Швырков возвращался с фронта уже по снегу. Дорога ему предстояла дальняя, а с провиантом было туго. Пришлось на хлеб и сало поменять солдатский кожаный ремень, белье, совсем почти новое. Торговали и винтовку, да не отдал и патронов к ней сберег четыре обоймы. С трехлинейкой-то оно надежнее.

До Москвы две недели добирался, а задержался в белокаменной на два дня. Новости разузнал, повстречался с фронтовым приятелем, бывшим вольноопределяющимся Старостиным, большевиком. Теперь он в милиции служил. Звал его, Егора, к себе в комиссариат милиции. Швырков поблагодарил,

но ничего определенного не ответил. Сказал, что по родным, по земле истосковался, поживет пока дома, а потом посмотрит.

— Тебе виднее,— ответил Старостин.— Только если дома не усидишь, дай знать, помогу...

От Москвы до Демидкова — верст пятьдесят, не больше. Егору повезло: на попутной подводе почти до самого дома доехал. У леса слез, поднялся на взгорок и сразу увидел знакомую с детства церковь и старые вербы над прудом. Даже услышал крики галок над золочеными куполами. Увидел и прогон с покосившейся изгородью, тропинку заячьих следов на снегу. Пока был на фронте, вроде ничего не изменилось, будто и не уезжал никуда из деревни.

Не из слабых был солдат Егор Швырков, а не устоял, присел на изгородь. Воспоминания нахлынули потоком, куда-то понесли Егора. То ли от радости, то ли от предчувствия предстоящей встречи враз схватило сердце, да так, что встать не мог. Едва отдышался. Когда полегло, встал. Даже не верилось, что пришел домой. Свернул с дороги, полем, прямо по снегу, торопливо зашагал к избам.

На задворках остановился. Обессиленный, потный от быстрой ходьбы, прислонился к бревнам, еще пахнувшим смолой, провел по стене огрубевшей рукой. Полкан залаял: видно, не признал хозяина. Из избы Домна вышла, окликнула:

— Ты к кому, служивый?

Пронзительно вскрикнула, запричитала, к Егору рванулась, жаркими руками обвила шею. Забилась в радостном рыдании.

— Живой я, Домнушка, успокойся,— ласково приговаривал Егор.— Ну, полно... Хватит...

— Мам, ты чего?!

— Сынок, посмотри, кто приехал.

— Серега-то как вытянулся, мать честная! — обрадовался Егор.

Обнявшись, они втроем вошли в дом.

Швырков отоспался, отмылся, отдохнул. Как-то сразу помолодел, расправил плечи. По селу не ходил, а летал под

завистливыми взглядами солдатских вдов. По вечерам к нему в избу приходили на огонек фронтовики, соседи. Рассуждали, прикидывали, как весной хозяйство будут поднимать. Теперь новая власть землей наделит.

Помещик еще перед самой империалистической войной уехал за границу. Да, видно, там и остался насовсем. На земле теперь крепко сидели деревенские богатеи с отцом Иваном — священником Демидковского прихода. Хоть и революция, а бедняки по-прежнему шапки перед ними ломают.

Незадолго до призыва на службу Егор за пять пудов ржи и небольшие деньги срубил попу баню. Отец Иван деньги тогда еще отдал, а хлеб за ним остался. Теперь как раз к севу у Егора семена будут, не покупать. Зашел Егор за долгом — куда там! Послушать попа: не он Егору, а Егор, получается, еще ему должен. Кому пойдешь жаловаться? В Совете мельник Митька Косой сидел — одна с попом братия, у него полсела в долгах. И понял Егор, что прав был Старостин, когда говорил ему: винтовку рано еще в угол ставить. Пока Советская власть не укрепится, в селе будут верховодить богатеи.

Вскоре от Старостина письмо пришло. Друг настойчиво звал в Москву. Егор написал — согласен. Напекла Домна в дорогу лепешек, положила в мешок чистое белье, краюху хлеба, сала ломоть, самосаду три фунта, и Егор двинулся в путь.

Старостин устроил Егора в Первый Пятницкий комиссариат милиции, который в ту пору размещался в доме № 31 по Пятницкой улице. Здесь Швырков познакомился с Семеном Матвеевичем Пекаловым — немногословным рослым милиционером. Как-то сразу сошлись, подружились. Оба родились в деревне, служили на Румынском фронте. Так и держались вместе.

Первая послереволюционная зима осталась позади. На березах Даниловского кладбища у гнезд целыми днями галдели грачи. На улицах у деревьев лежали еще сугробы. Зимой снег почти не убирали, так и остался до весны.

Замоскворечье в первую революционную весну походило на дырявый кафтан: в морозы многие заборы, всякие пристройки пошли на дрова. Куда ни глянь — дыры, везде проходные дворы.

Вечером редкого прохожего в Замоскворечье встретишь. Толстосумы еще засветло накрепко запирали ставни и двери. «Ночь прошла, и слава богу,— рассуждали они.— Керенского пережили, авось и Советскую власть переживем. Матушка Москва на своем веку всякого повидала...» Боялись за сундуки, дрожали за жизнь. Слухи, один ужаснее другого, ползли по городу. К вечеру милиционеры Егор Швырков и Семен Пекалов, в солдатских шинелях, с красными повязками на рукавах, обходя лужи, неторопливо шагали по направлению к Устьинскому мосту. Время от времени останавливались, прислушивались: не зовет ли кто на помощь.

Показалась громада моста. Егор с Семеном поднялись на мост. На солнце его деревянный настил просох, но внизу Москва-река была скована льдом. Отсюда город хорошо был виден.

Егор снял с плеча винтовку, прислонил аккуратно к перилам, неторопливо скрутил сигарку. Протянул кисет Пекалову.

— Закуривай!

— Благодарствуем, Егор Петрович, махорка имеется.

— До твоей черед дойдет, а сейчас попробуй моего табачка. Домна прислала.

Подождал, пока Пекалов скрутит папиросу, зажег спичку, прикрыв ладонями от ветра.

— Плоховато стало со спичками,— пожаловался Егор,— последний коробок. Как без них обходиться буду?

— Фабрики встали, откуда же спичкам быть,— объяснил Пекалов.— Ты огниво сооруди, как у меня. Удобная вещь, никакой ветер не страшен.

От сигарок вроде теплее стало. На Таганке хлопнули два выстрела. Взяв винтовки наизготовку, милиционеры прислушались.

— Наверное, чекисты,— предположил Егор,— давеча на

грузовике туда промчались. Скажу тебе, Семен, служба у них похлеще нашей. Беспрестанно днем и ночью воюют с контрой. А мы тем временем,— Егор кивнул в сторону особняков,— купцов и всяких буржуев охраняем.

— Всему свое время. Дай срок, и до толстосумов доберемся.

— Так-то оно так, только охранять буржуев нечего. От них добра не жди.

— Арестовать купца только за то, что он купец, тоже нельзя. Он не убивец.

Прислушиваясь к звукам засыпающего города, милиционеры помолчали. Вспыхивали красные огоньки их сигарок. Выбросив за перила окурки, Егор с шумом вдохнул влажный воздух, пропитанный запахами снега и весны.

— По всем приметам в этом году весна будет ранняя. Грачи по насту еще прилетели. Лед посинел, и солнышко хорошо греет, не сегодня завтра Москва-река вскрыется... А мужики у нас в Демидкове на пасху, пожалуй, отсеются. Завидую им. Выйдешь в поле, а от земли такой дух идет, аж голова хмелеет. Сам знаешь, Семен, какой сон в окопе, а чуть глаза закрою — так и снится, будто иду за плугом, а Домна погоняет гнедого...

— Ты навряд ли меня, Егор, из окопов спешил к земле, а считай, опять на войну попал. Дела! И однако,— философски заметил Пекалов,— ты счастливый. Здоровым с войны пришел, жена тебя дождалась, сын, дочь растут, хозяйство имеется, а у меня никого не осталось. Ты вот все твердишь, Егор Петрович: весна, светлый праздник... А ежели у крестьянина нет ни семян, ни коня — тогда как?

Четыре часа патрулировали милиционеры. Известное дело, апрель не май — холоду хоть отбавляй. Продрогли на ветру в шинелях. Свернули на Пятницкую.

Егор беспокоился, отпустят ли его на посевную в деревню. Комиссар вроде обещал...

— Я так думаю, Семен: Советская власть поможет мужикам семенами. Без хлеба нам не продержаться против мирового капитала. Как думаешь?

— Надо бы кулаков тряхнуть. Зерна у них изрядно спря-
тано.

— Надо будет — и тряхнем! Не может того быть, чтобы
бедняков в беде оставил товарищ Ленин.

В дежурной части комиссариата за столом сидел младший
помощник по наружной охране, читал «Правду». Из «быв-
ших», но был человеком деловым и обходительным.

— Здравствуйте, Швырков! Как дела на участке? — от-
ложив газету, спросил он.

— На Таганке чекисты немного постреляли, а так тихо, —
ответил Егор, по старой солдатской привычке чуть было не
назвав дежурного «вашим благородием». Вот было бы смеху!

— Можете идти отдыхать, разумеется, не снимая обмунди-
рования.

Дежурный мог и не говорить об этом, милиционеры сами
знали, что после смены каждый из них находится в оператив-
ном резерве. В готовности по первому сигналу тревоги при-
быть на место происшествия.

Чекистам стало известно, что на одной из подмосковных
станций стоит вагон с мукой. Сопровождают его человек два-
дцать анархистов, в основном матросы, вооруженные винтов-
ками, револьверами и пулеметом «максим». Представителей
власти к вагону не подпускают. Начальника станции избили.
Задержали пассажирский поезд и требуют, чтобы их вагон
прицепили к составу.

Оперативная группа милиции по тревоге срочно выехала
на станцию. Операцией руководил Старостин.

Егор с ним не встречался с тех пор, как из милиции Ста-
ростина перевели в Московскую Чрезвычайную комиссию по
борьбе с контрреволюцией.

В кожанке, военной фуражке, с маузером в деревянной
кобуре на боку, он мало чем отличался от других сотрудни-
ков ЧК. Старостин по-прежнему был подвижным и веселым,
обнял Егора как старого знакомого, расспросил о доме, о
семье, о службе. Егор отвечал неторопливо, пристально
всматриваясь в выбритое до синевы, исхудавшее, посеревшее
лицо друга.

— Что-то ты, Петрович, меня, как невесту, рассматриваешь? — улыбнулся Старостин. — Аль не признал?!

— Очень уж ты отощал, кожа да кости от тебя только и остались.

— Это правда, на перинах валяться некогда. Как ребята ваши? Надежные?

— Им не впервой, не волнуйся.

— Однако смотрите в оба.

На станции было безлюдно. У платформы красовалась размалеванная теплушка. На ее стене аршинная надпись: «Анархия — мать порядка». По перрону в лихо заломленных бескозырках прогуливались пятеро «клешников».

Старостин с двумя чекистами подошел к ним, предъявил документы. Потребовал позвать старшего. Минут через пять в окружении «свиты» появился высокий моряк в мичманке.

— Кто спрашивал? Я старший, — представился он. — Пошто братву беспокоишь?

— Я уполномоченный Московской ЧК. Именем Советской власти требую сдать оружие и освободить вагон.

— А мы с Советской властью не воюем — это вам известно. Как представители свободной партии анархистов подчиняемся только своему центру. По какому праву задерживаете нас? — с вызовом спросил анархист.

— По праву революции, как спекулянтов!

— А это видели? — анархист показал Старостину дулю. — Сунетесь, как куропаток, посечем, — пригрозил он. — А ты, гражданин хороший, — крикнул главарь начальнику станции, молча наблюдавшему из приоткрытой двери за разговором, — если сей минут не дашь паровоз, пойдешь к праотцам! — Анархисты громко засмеялись. — Прощайте, товарищи чекисты, мне некогда с вами разговоры разговаривать.

Матрос повернулся, дав понять, что разговор окончен, вразвалочку направился к вагону. «Свита», подметая широченными брюками перрон, последовала за ним. И Старостин понял, что вести переговоры с анархистами — дело пустое, добром не кончится, а дать бой на станции он не решался. Рискованно.

— Что если вагон отогнать подальше от станции? — предложил Егор.

— Дело говоришь, — оживился Старостин. — Позови-ка машиниста и сцепщика. Да так, чтобы об этом матросы не пронюхали.

Вскоре пришли машинист, пожилой человек в замасленной форменной фуражке, и сцепщик — сутулый, худощавый, совсем еще молодой. Машинист не спеша, обтерев ветошью руки, поздоровался со Старостиным.

— Сможете незаметно подать теплушку к лесу и там отцепить? — спросил Старостин.

Немного поразмыслив, машинист кивнул:

— Раз нужно, сделаем.

— Тогда минут через десять начинайте маневрировать, — попросил Старостин.

Чекисты медленно прошли по перрону. Анархисты, проводив их взглядами до ворот, успокоились.

Пока паровозная бригада маневрировала составом, оперативная группа устроила засаду там, где машинист должен был оставить вагон.

Из теплушки доносилась музыка. Несколько голосов пели под гитару. Но когда паровоз стал подавать вагон к лесу, пение прекратилось. По пояс высунулись двое в тельняшках и что-то закричали машинисту. Но было уже поздно: паровоз, дав короткий гудок, утащил остальную состав на станцию. Вагон с анархистами остался на путях, окруженный со всех сторон чекистами.

Матросы высыпали с винтовками и револьверами в руках. Вид у них был воинственный.

— Клади оружие! — зычно скомандовал Старостин из засады. — Огонь открываем без предупреждения!

Поняв бесполезность сопротивления, анархисты сложили оружие.

Старостин с Егором Швырковым поднялись в вагон. Он весь был забит мешками с мукой и ящиками с салом.

...У Егора имелись на счету и другие боевые дела. С Семеном Пекаловым они захватили главарей банды Николая

Клестова в одном из притонов. За эту операцию их наградили юфтевыми сапогами...

Да разве все упомнишь!.. Егор задремал, однако заснуть не смог. Все думал — сумеет ли попасть на сев в Демидково. Он плотнее натянул на голову шинель, пытаясь согреться. Рядом спокойно дышал во сне Семен. «Не забыть бы завтра набить к сапогам подметки», — вспомнил Швырков, уже засыпая.

В тот весенний день Швырков и Пекалов заступили на пост. Это очень важный пост. Без него обойтись нельзя — рядом располагался Устьинский рынок. А на Устьинском обычно сбывали краденые вещи, купленные по дешевке в воровских притонах, продавали поношенные дворянские сюртуки и вицмундиры, солдатские сапоги, купеческие картузы и портянки...

Егор знал здесь все проходные дворы, ближайшие притоны уголовников, многих их обитателей. Примелькались они ему. Уголовники предпочитали милиционера обходить подальше. Не одного бандита друзья задержали. Их и пугали, стращали, пытались давать взятки, а они хоть бы что.

Милиционеры проверили, как хозяева выполнили распоряжение Совета о расчистке дворов и улиц от снега.

Возле моста милиционеров в сумерках окликнули шестеро в кожанках:

— Товарищи, будьте любезны, окажите содействие в обыске и аресте врагов революции, — обратился к Егору старший, по обличию и разговору, скорей всего, из бывших студентов. У милиционеров было строгое указание — всячески помогать чекистам.

— Отчего же не помочь, — ответил Швырков, — поможем. Только сначала предъявите ордер на обыск.

— Правильно поступаешь, товарищ, — одобрил чекист. — На слово никому верить нельзя. Вот наши документы.

Егор внимательно прочитал мандат на имя Михайлова, проверил ордер.

— Пошли, Семен, дом № 12 отсюда недалеко.

Все вместе отправились к нужному дому.

— Товарищ Михайлов, вам не приходилось со Старостиным встречаться? Он на Лубянке работает,— спросил Швырков.— Его гражданин один разыскивает. Рассказывал, будто бы Старостин с его братом в одном полку служил. Брат пропал без вести. Он хотел разузнать о нем. По его рассказам, Старостин тогда полуротой командовал...

— Да, да, вспомнил. Небольшого роста, с усиками... Видите ли, на фронте я имел честь лично знать подпоручика Старостина. Находились в одной роте. Я — вольноопределяющимся, а он — командиром. Сегодня же расскажу ему о нашем разговоре,— пообещал Михайлов.— А вы с ним знакомы?

— Нет,— ответил Егор.

Подошли к дому. Было тихо, ни одно окно не светилось. На улице безлюдно. Звонко падала в железное корыто весенняя капель.

— Вы с нашими товарищами пока побудьте внизу. А мы с Горбулиным поднимемся на второй этаж, в комнаты,— шепотом распорядился Михайлов.

Улучив момент, Егор шепнул Пекалову:

— Это бандиты!

Перед тем как войти в дом, Михайлов предупредил:

— Как договорились, без сигнала не стрелять! Понятно?

— Чего же здесь понимать, не впервой,— спокойно отозвался Егор.

Неладное он заметил, еще когда проверял у «чекистов» документы. Печать и подписи на мандате Михайлова были неясными, смазанными и бледными. А от его спутников за версту несло самогонным перегаром. Что же касается Старостина, то он офицерского чина не имел и усов отродясь не носил. И потом, чекисты всегда брали милиционеров при обыске понятыми. А эти — внизу оставили...

Мысль работала лихорадочно. Зачем они с Семеном понадобились им? Месть? Вряд ли. Этих людей милиционеры видели впервые. Скорей всего, бандиты хотели их присутствием прикрыть преступление, а потом убрать и завладеть оружием.

Двое против шестерых!

Выждав, пока Михайлов с напарником поднялись на второй этаж, Егор захлопнул за ними дверь, вскинул винтовку к плечу:

— Руки вверх!

Воспользовавшись замешательством «чекистов», Пекалов отскочил к стене дома и передернул затвор винтовки. Милиционеры держали на мушке четверых бандитов. Не спуская глаз с задержанных, Егор свистнул.

Тревожную трель милицейского свистка заглушил выстрел. Егор не понял сразу, что произошло. Семен, не выпуская из рук винтовки, повалился на бок. Стреляли сверху, из бокового окна, которого Егор в темноте не заметил.

Задержанные, отстреливаясь, кинулись к сараям. Егор выстрелил. Один из бандитов упал. словно взрыв, зазвенели разбитые стекла, из окон с наганом в руке выпрыгнул Михайлов. Вскинув винтовку, почти не целясь, Егор уложил его на месте и кинулся вдогонку за убежавшими. Он еще раз успел перезарядить винтовку и выстрелил два раза по почти невидимому в темноте человеку. Услышал крик раненного им бандита...

Увлечшись погоней, Егор не заметил еще одного, затаившегося у дровяного сарая. Тот не торопясь выстрелил ему в спину.

Произошло это 4 апреля 1918 года.

Рассказывают, что В. И. Ленину об убийстве двух красных милиционеров стало известно от Я. М. Свердлова. Свердлов предложил Рогову похоронить их у Кремлевской стены на Красной площади.

Ильич поддержал это предложение, сказав, что Советская Россия должна знать своих героев. Он попросил Свердлова позаботиться о семьях погибших.

В ясный апрельский день 1918 года трудовой люд Замоскворечья с флагами пришел на Красную площадь проводить в последний путь верных стражей общественного порядка, советских милиционеров Егора Швыркова и Семена Пекалова, шагнувших в бессмертие.

Облава

На улицах Москвы третий день шли бои. 9 ноября 1917 года особенно яростная стрельба доносилась со стороны Кремля, Тверской улицы и Никитских ворот. Белая гвардия полковника Рябцева пыталась окружить Скобелевскую (ныне Советская) площадь, чтобы захватить Московский Совет и находившихся там членов Военно-революционного комитета.

Председатель Военно-революционного комитета Рогожского района Николай Прямиков с группой красногвардейцев, выполняя решение боевого партийного центра, прорвался к 1-му Рогожскому милицейскому комиссариату. Оставив у входа красногвардейцев, наказав им никого не выпускать, Прямиков направился к дежурному.

— Где начальник милиции?

— У себя,— дежурный помощник показал на дверь.— Но никого не велено пускать!

Прямиков как будто не слышал предупреждения, поправил на ремне кобуру с наганом, вошел в комнату. За обшарпанным, двухтумбовым столом сидел присяжный поверенный Россиянов. Справа от стола, в расстегнутой шинели, с милицеской повязкой, развалился в кресле начальник милиции капитан Ляшко. Прямиков видел их один раз мельком в Управе, но сразу узнал.

Россиянов тоже отметил про себя, что перед ним не рядовой посетитель. В Москве все еще продолжались беспорядки: еще 7 ноября Россиянов решил в них не вмешиваться. Он так об этом и заявил Семенову — уполномоченному Совета, который приходил в комиссариат. И вот началась революция. И надо полагать, посетитель пришел от новой власти.

Прямиков поздоровался.

— Я председатель Военно-революционного комитета района!

Офицеры встали, назвали себя.

— Распорядитесь, чтобы вверенные вам чины милиции собрались на митинг,— сказал Прямиков.

Прямиков говорил уверенно, словно за дверью стояло не

десять красноармейцев, а целая рота. Конечно, всякое могло случиться. Однако начальники Рогожского комиссариата, видимо, уже были осведомлены о делах в остальных комиссариатах и даже не пытались упорствовать. Требование председателя ревкома приняли, милиционеров собрали в комнате дежурного.

Прямиков рассказал милиционерам о событиях в Петрограде, свержении Временного правительства Керенского, о том, что вся власть перешла в руки Советов. Прямиков призвал милиционеров подчиниться новой власти, выполнять все ее распоряжения.

— Комиссаром к вам ревком назначил Ивана Семенова, вы его знаете, он бывал в комиссариате. Сейчас в Москве идут бои, если среди вас найдутся желающие, они смогут присоединиться к моему отряду,— закончил Прямиков.

В Рогожском комиссариате к этому времени работали милиционерами уже несколько человек из солдат и даже рабочих. Они тут же заявили о готовности примкнуть к восставшим. Россиянов и Ляшко, видя такой оборот, поспешили заверить Прямикова в лояльности по отношению к Советской власти.

1-й Рогожский комиссариат был последним учреждением Временного правительства в районе, которое Военно-революционный комитет взял под свой контроль. Обезопасив тылы восставших, Прямиков повел отряд в центр, где решался исход восстания. Продвигались с боями, понадобилось несколько суток, чтобы выйти к Солянке, а потом и к Красной площади. Отряд укрылся в нижних этажах Торговых рядов (ныне здание ГУМа) и вступил в перестрелку с юнкерами и офицерами, засевшими в Кремле. Вскоре восставшие овладели Кремлем.

Надо было налаживать жизнь в городе. Иван Семенов — бывший рабочий завода «Рускабель», а теперь начальник Рогожского комиссариата советской милиции — был одним из тех, кому партия поручила охрану порядка. В качестве доверенного лица Николая Николаевича Прямикова — организатора Красной гвардии в Рогожско-Симоновском районе —

принимал активное участие в вооружении рабочих дружин и в формировании отряда Красной гвардии на заводе «Рускабель». Там обучал рабочих обращаться с оружием. В Москве после революции Красная гвардия оставалась основной вооруженной силой, на которую опиралась Советская власть. Завоеванную победу необходимо было закреплять. Двенадцать тысяч красногвардейцев выполняли эту задачу. После революции еще долгое время не существовало строгого разграничения обязанностей между милицией и Красной гвардией, охрану революционного порядка они несли совместно.

Москва буквально кишела контрреволюционерами, изо всех щелей полезли уголовники. По указу Керенского об амнистии на свободе оказалось более трех тысяч преступников. В городе и губернии действовало более тридцати банд. Особенно зверствовали шайки Плещинского (Гришки-адвоката), Кошелькова (Яньки Кошелька), Павлова, Сафонова, Сашки-гимназиста. За первые три месяца в Москве было совершено две тысячи тяжких преступлений.

Много бед городу несли анархисты. Теперь и они решили по-своему воспользоваться победой революции. Под видом борьбы с имущими классами, богачами анархисты захватили особняки, самочинно производили обыски, аресты. Появились анархисты и на участке 1-го Рогожского комиссариата.

На Гончарной улице (ныне улица Володарского) разместили подрайонный штаб «черной гвардии», как тогда называли анархистов. Символом их было черное знамя.

К анархистам примкнуло немало уголовников. Двадцать пять особняков захватили анархисты в Москве и устроили в них свои притоны. Не проходило дня, чтобы они кого-нибудь не ограбили, не убили. В связи с этим Московский Совет принял специальное постановление, в котором указывалось, что, если анархисты не прекратят захваты и грабежи, к ним будет применена вооруженная сила как к врагам революции.

В первых числах апреля 1918 года все особняки, захваченные анархистами, были оцеплены войсками и милицией. В Москве всей операцией руководил Ф. Э. Дзержинский. В ходе ее было арестовано 400 человек, отобрано много ору-

жия, золота, продуктов. Тех анархистов, которых потерпевшие опознали как грабителей, немедленно расстреляли.

Но это будет несколько позже, а сначала произошли трагические события, которые в какой-то мере ускорили разгром анархистов в городе. В декабре 1917 года Москва и ее пригороды были объявлены на военном положении. Для борьбы с контрреволюционерами и преступниками был создан военный трибунал. Его решения были окончательными и обжалованию не подлежали. Воспрещалось хождение без пропусков по городу позже восьми часов вечера. Красногвардейским патрулям и милиционерам разрешалось задерживать всех подозрительных, а в случае неподчинения — применять оружие. Мародеров расстреливали на месте.

Уголовники были врагами не менее опасными, чем контрреволюционеры. Обычно действовали они в одной упряжке. Поэтому борьба с ними и охрана революционного порядка были продолжением революции.

Прямиков в те дни часто бывал в штабе Красной гвардии района. Командовал ею Сергей Макаров — участник боев на баррикадах в 1905 году. Кое-кто высказывался: не пора ли распустить отряды красногвардейцев. Макаров был другого мнения.

— Слышал от твоих ребят, задержанные мародеры убежали, — поинтересовался у Макарова Прямиков.

— Было такое дело, у рабочих парней опыта еще нет, всякому жулью на слово часто верят, оружие применять боятся.

— Чего доброго, товарищ Макаров, если так и дальше пойдет, у твоих гвардейцев и ружья унесут, — строго заметил Прямиков. — Вместе с Семеновым инструктируй патрули, он участок лучше тебя знает и научит, как с жуликами обращаться.

— Сам об этом думал, — ответил Макаров.

Прямиков пообещал переговорить с милицейским комиссаром. Семенова он встретил в ревкоме.

— Что нового у милиции? Как служба идет?..

— Недавно на Владимирской улице мои милиционеры за-

держали семерых солдат. А на проверку они оказались не солдатами, а грабителями из шайки Сашки-гимназиста. Его тоже взяли.

— Что-нибудь узнал о его связях?

— Пока все берет на себя, чаще молчит, на что-то надеется.

— Да,— вспомнил Прямиков,— как тебе помогают Россиянов с Ляшко? Они все-таки чиновники опытные, кое-чему можно поучиться у них?

— Учиться у них нечему. Гады — они и есть гады, сбежали оба. Думал — вернутся, не успел еще вам доложить.

— Вот вам и честное, благородное слово,— сурово сказал Прямиков.— Плохо мы еще знаем людей, не каждому слову верь. Я был у Макарова, он ставит вопрос о совместном инструктаже красногвардейцев и милиционеров. Надеюсь, возражать не будешь? Сколько к тебе в комиссариат ребят пришло с завода?

— Двенадцать человек.

— Всего-то? Мало, так дело не пойдет. Чаще наведывайся на заводы, организуй дружины из рабочих по охране порядка. Мне опять докладывали о грабежах. К сожалению, они в нашем районе не прекращаются, а это по твоей части, решительнее применяйте оружие.

— Оружия-то нам и не хватает. Сами же постановили: какое получше — передать Макарову. А у милиционеров осталось оружие старое, ненадежное. Преступники после перестрелок убегают, а несколько милиционеров уже заплатились жизнью.

— Ты, конечно, прав, но на новое оружие пока не рассчитывайте, обходитесь тем, что есть. За порядком твои участковые плохо смотрят: фонари не горят, темнота, пройти невозможно... А ведь первейшая обязанность комиссариата следить за тем, чтобы все улицы и переулки в ночное время освещались. Бандиты кругом хозяйничают, а мы о них почти ничего не знаем, работаем вслепую, займись-ка оперативной работой. Да, гимназиста не отпустите, по-моему, он многое знает из того, что нам неизвестно.

Заканчивалась зима 1918 года. В старом московском парке на покинутой хозяевами деревянной даче укрывалась банда Князя. Кличку свою главарь носил не случайно. Еще до революции он служил в гвардейском полку. Состояние промотал. Светские манеры, красивая одежда служили приманкой для доверчивых людей. Жестокий и наглый, Князь умело играл роль благородного человека. На мелкие дела не шел, его интересовали драгоценные камни, изделия из золота, серебра, в которых он знал толк. Заклятый враг Советской власти, Князь не довольствовался грабежами: банда совершала диверсии, террористические акты против милиционеров, чекистов, ответственных советских служащих. Главарь имел связи с контрреволюционным подпольем.

На кого работал, чьи задания выполнял Князь? Это давно интересовало московских чекистов. К тому времени районную ЧК возглавил Прямиков. Ему исполнилось 29 лет. Из них он уже двенадцать состоял членом партии большевиков, в которую вступил в 1906 году. Уроженец Москвы, Прямиков с юношеских лет посвятил себя революционной работе. Несколько раз был арестован. Из последней ссылки его освободила Февральская революция... Его, смелого, напористого коммуниста, партия поставила теперь на передний край борьбы с контрреволюцией.

Прямикову сообщили, что на связь к Князю прибыли из Варшавы несколько террористов. Было очень заманчиво захватить их с поличным. Прямиков тут же связался с Семеновым. Тот попросил чуть подождать, не торопиться с операцией.

— Товарищ Прямиков, численность банды нам неизвестна. По одним данным — в ней десять, а по другим — около двадцати бандитов. Мы организовали наблюдение, как только выясним связи, сразу будем брать.

— Пока изучаем, Князь отправит на тот свет не одного честного человека. Я с тобой не согласен, нельзя тянуть, — возражал Прямиков.

— Ну, если так настаиваете, давайте брать бандитов по одному — безопаснее и незаметно...

— А если оплошаем? — возразил Прямиков. — Стоит вырваться кому-то одному — вся шайка скроется, потом ищи ветра в поле. Будем брать всех сразу, так вернее.

Прямиков попросил Макарова выделить пятерых проворных и надежных красногвардейцев. Кроме них, взял еще четырех милиционеров. Десяти человек, по его мнению, было вполне достаточно. Руководство операцией Прямиков брал на себя.

Семенов советовал взять больше людей. Прямиков наотрез отказался.

— Бандиты — не солдаты, боя не примут, сложат оружие, вот увидите, — сказал он товарищам.

В последний момент выяснилось, что никто из группы не знает, где расположена дача, какие к ней подходы.

— Облаву отменять не будем, к ней все уже готово, — настаивал Прямиков.

В тот же день он приехал в ближайший к парку милицкий комиссариат и там, посвятив начальников и нескольких сотрудников в план операции, попросил показать дачу.

Ночь прошла спокойно. Легкий мартовский морозец приятно пощипывал щеки. Прямиков со своей группой еще в темноте вошел в заснеженный парк. Рассвет наступал нехотя, медленно. От ветвистых деревьев темнота в парке сделалась еще гуще. Прямиков приказал проверить и приготовить оружие. По едва заметной на снегу тропинке он провел группу к темному, казавшемуся нежилым дому. Ни одного звука, только слышно было, как поскрипывал снег под сапогами. Заметенная поземкой тропа вызвала у Прямикова опасение — Князя здесь нет.

На боковой аллее бойцы развернулись, чтобы окружить дом. Разорвав морозную тишину, от дачи загрохотал пулемет.

— Ложись! — успел скомандовать Прямиков.

И тут же упал в снег лицом. Пуля попала ему в живот.

А бандитский пулеметчик, не жалея патронов, бил, выбирая новые цели. Пулемету вторили винтовочные и револьверные выстрелы с чердака. Бандиты вели бой по всем правилам круговой обороны.

Тяжело раненный, Прямиков пытался командовать. Но изменить события уже не мог, слишком неравными оказались силы...

Опытный революционер — конспиратор, не новичок в боевых делах, он не ожидал, что в милицейском комиссариате окажется предатель. Предупрежденный им, Князь поджидал отряд, решил свести счеты с председателем ЧК.

Прямикова отвезли в больницу, но спасти его не удалось. 3 марта 1918 года он скончался от ран.

...В Москве, рядом с древним Андрониковым монастырем — музеем-заповедником, где погребен гениальный древнерусский живописец Андрей Рублев, находится красивая площадь. Ныне она носит имя Николая Николаевича Прямикова.

Починка обуви

После похорон Прямикова поползли слухи, что в Москве объявилась целая бандитская армия, что уголовники избрали Москву своей столицей. И не такими безобидными были эти разговоры, потому что от слухов рождалась паника. Изучив причины гибели Прямикова, гражданский комиссар Рогов предложил командирам милиции, чтобы каждый раз напоминали личному составу о бдительности.

Семенов вскоре убедился, что напоминание Рогова о бдительности нелишнее. По Ульяновской улице в доме № 34 ограбили квартиру. Одного из грабителей схватили прохожие, устроили самосуд и, если бы не подоспел Семенов, нетрудно представить, чем бы он закончился. Милиционеры с трудом отбили уголовника у разъяренной толпы. И в благодарность за спасение задержанный рассказал Семенову о том, что шайка имеет явочные квартиры (назвал их адреса), а в некоторых комиссариатах у шайки есть свои люди...

Вскоре по городу в ночное время стали разъезжать таинственные «черные автомобили». Они проносились на большой скорости, с погашенными фарами, пугая запоздалых прохожих. И исчезали так же внезапно, как появлялись. «Черные

автомобили» видели то на Таганке, то в Сокольниках, то в Петровско-Разумовском.

В автомобилях с открытым верхом обычно сидели трое, реже — четверо молчаливых мужчин в кожаных костюмах «под чекистов». Под козырьками черных кожаных фуражек, надвинутых на глаза, лиц их нельзя было рассмотреть. Но, судя по фигурам, это были еще не старые люди — широкоплечие, костистые. От ветра шофер и пассажиры надевали мотоциклетные очки, которые были в большой моде.

Таинственный автомобиль подъезжал к постовому, когда поблизости не было прохожих. Не выключая мотора, шофер окликал милиционера.

— Скажи, товарищ, как проехать на Каширу?

На малых оборотах автомобиль тарахтел, дымил. Из-за шума ничего не было слышно. Шофер чертыхался, открывал дверцу, показывал постовому жестом, что ничего не понял, просил подойти поближе. Милиционер подходил, не обращая внимания на пассажиров. А те, выйдя из машины, оказывались у него за спиной. Миг — и мужчины крепко держали милиционера за руки, отбирали оружие... Постового быстро втаскивали в машину, увозили и убивали. Со стороны даже могло показаться, что это за ним специально приехали, так ловко бандиты проводили операцию. Это уже было не просто преступление. Нападение «черных автомобилей» на постовых, очевидно, было продолжением войны, которую преступный мир объявил милиционерам.

Ивана Семенова, комиссара 1-го Рогожского комиссариата милиции, гибель Прямякова заставила по-новому посмотреть на службу. Необходимо было держать в тайне планы облав, засад, поимки преступников, научить сотрудников бдительности и осторожности. Тем более, что из комиссариата ушли многие старые специалисты. Их место заняли в основном рабочие... Как и у Семенова, опыта у них еще не было. Люди буквально валились с ног от усталости, но никто не жаловался. Сам комиссар уже несколько суток не был дома. Днем проводил занятия, ночью проверял посты.

В этот день он был на совещании в Совете, потом на со-

брании дружинников, ознакомил их с решением Моссовета о несении ночного дежурства и наведении чистоты на улицах, затем на заводе «Рускабель», где проводил занятие с рабочей дружиной. В комиссариат он успел только-только к разводу. Семенов проинструктировал дежурных, патрульных и постовых милиционеров.

— Не доверяйте мандатам, тщательно проверяйте документы у всех подозрительных. Появилось сомнение — задерживайте. Осмотрите, нет ли оружия. В случае опасности вызывайте подмогу с соседних постов...

Проходя мимо дежурки по коридору, Семенов услышал громкие голоса. Открыл дверь. Фомичев — постовой с Яузского моста (ныне этот мост называется Астаховским), энергично жестикулируя, о чем-то взволнованно рассказывал младшему помощнику и милиционерам. Он был бледен.

— К постовому Коршунову — он стоял как раз напротив меня, возле аптеки, — подъехал автомобиль. Вижу, вышли двое. Не успел я подойти, они накинулись на Коршунова — и в автомобиль... Я дал свисток... Куда там... Выстрелил, а их и след простыл...

— В какую сторону уехали? — спросил Семенов.

— К Хитровке.

О случившемся Семенов доложил Рогову, поднял наличные силы на розыск постового. Облазили проходные дворы, парки, известные притоны. Но отыскать Коршунова так и не удалось. Как в воду канул и автомобиль. В те сутки погиб не один Коршунов, были убиты еще восемь милиционеров.

К розыску преступников приняли все меры, но «черные автомобили» больше не появлялись, о них понемногу стали забывать, появились другие заботы.

Не многим в Москве была известна сапожная мастерская в одном из тихих переулков. На покосившемся облупленном двухэтажном особнячке висела икона Николая-угодника и на ржавых кронштейнах — засаленная вывеска «Ремонт всевозможной обуви» с нарисованным на ней лакированным сапогом. Те, кто сдавал обувь в мастерскую, были всегда довольны — ремонтировали здесь доброту.

Сама мастерская размещалась на первом этаже, на втором — склад кожи и отремонтированной обуви и комнаты хозяев. Внизу за решетчатой перегородкой, напротив двери, сидел приемщик, остроносый, с рыжими, курчавыми волосами человек, и два сапожника. Черноволосые, одинакового роста, в одинаковых холщовых фартуках. Из открытых дверей доносились популярные тогда в Москве песни «Могила» и «Сухая корочка» — обе о несчастной любви. Сапожники пели вполголоса, красиво.

Прохожие часто останавливались послушать пение.

Остановился как-то и Семенов. Но в мастерскую не зашел — надобности не было. Тогда он и не подозревал, что скоро другие дела приведут его сюда.

В комиссариат милиции как-то пришла женщина — работница лет сорока.

— По какому делу? — вежливо спросил дежурный.

— Нужен главный начальник, дело у меня государственное, важное, кроме него, никому знать не положено, — сказала, как отрубила, она.

— Где работаете? Фамилия? Мне же записать в книгу нужно.

— Не обязательно. Скажи, мил человек, комиссару, что к нему пришла.

Женщину пропустили. Но своей фамилии она не назвала и Семенову.

— Вам это ни к чему, а я спокойнее жить буду.

— Ну раз так, настаивать не буду.

Он проводил женщину, поблагодарил ее за сведения...

Семенов приказал организовать за мастерской наблюдение. Через несколько дней доложили: в половине седьмого мастерскую закрывают. На дверь вешают массивный замок с секретом. Окна закрывают ставнями. По вечерам в субботу с черного хода в особнячок вместе с хозяевами заходят какие-то люди с большими свертками. «Гуляют» на втором этаже, не шумят, соседям не мешают. Что за люди, пока установить не удалось.

Семенов не спешил делать выводы. Ему нужны были

факты, неопровержимые улики. А их пока не было, работница могла ошибиться.

Однако вскоре кое-что прояснилось. На Сухаревском рынке задержали карманника, когда тот продавал «смит-вессон» церковному вору Егорке Хромому, «очистившему» перед революцией Успенский собор в Кремле. Хромого отпустили, а карманника задержали. Он признался, что «смит-вессон» украл у сапожников. Как попал туда револьвер, принадлежавший милиционеру Коршунову? Это предстояло выяснить.

В пятницу на легковом извозчике к сапожной мастерской привезли упакованный в бельевые корзины хромовый и шевровый товар. Но Семенову доложили: в корзинах награбленные вещи. В мастерской работают не сапожники, а бандиты. Обувь ремонтировать они отдают за хорошую плату другим, настоящим сапожникам. В воскресенье в мастерскую должен приехать главарь шайки.

Семенов решил брать бандитов. Обдумывая предстоящую облаву, пока никому не говорил о ней. Вполне возможно, что бандиты окажут вооруженное сопротивление, попытаются уйти проходными дворами.

Перед самым выездом Семенов вызвал к себе милиционеров, объяснил задачу и сразу же повел группу к грузовику. К переулку подъехали на автомашине и по четыре человека пошли к мастерской. Двух милиционеров с наганами комиссар поставил с улицы под окнами. Переулок перекрыли засадой, проходные дворы — патрулями.

Семенов не спускал глаз с особняка. Через ставни пробивался слабый свет — «сапожники» были дома. Вышедший во двор один из «сапожников» ускорил события. В темноте натолкнувшись на милиционера, он метнулся назад, запер дверь на щеколду и заорал: «Спасайтесь! Лягавые!»

Свет в особнячке погас. Захлопали выстрелы. Из окна выскочил мужчина, но тут же был схвачен милиционерами. Банде удалось прорваться к проходным дворам, но, попав под плотный огонь, теряя убитых и раненых, она вынуждена была отойти в дом. Уже около четырех часов шла перестрелка. На предложения Семенова сложить оружие бандиты отве-

чали огнем и сдались только после того, как потеряли главаря.

В этой схватке погиб милиционер Фомичев, трое были ранены. Милиционеры захватили много оружия, патронов и большое количество награбленных вещей. Следствие установило, что на «черных автомобилях» разъезжала разгромленная банда. А уничтожала милиционеров она по заданию белогвардейской организации.

На следы банды милицию навела простая работница, пожелавшая остаться неизвестной. Она пришла за мужниными ботинками. В мастерской никого не было, но починенные ботинки лежали на верстаке. Подождала несколько минут, никто не шел. Тогда решила пройти и, пока нет мастеров, посмотреть, хорошо ли починена обувь. Нагнулась и обомлела: в приоткрытом ящике у сапожника лежал револьвер. Как она сказала Семенову, «настоящее оружие».

Именем революции

— Товарищ комиссар, в Салтыковском переулке купца Егорова убили!

— Кто убил?

— Неизвестно...

— Выставить охрану; вызвать медицинского эксперта, — распорядился Николай. — Сейчас еду...

Трошин надел фуражку, набросил на плечи шинель.

— Пошли! — позвал он милиционера Андрея Иванова.

...Парадная дверь особняка была настежь распахнута. В прихожей толпился народ. Краснолицый, лет пятидесяти, дворник в белом фартуке с большим блестящим номером на груди, почтительно проводил милиционеров в комнаты.

— Позови жену покойного, — попросил Трошин.

— Не было у них жены, гражданин комиссар. Жили Егор Егорович одиноко. Кухарки — и той не было, два мальчика им прислуживали.

— Что за народ собрался в доме?

— А это братья и сестры во Христе, стало быть его ближайшие родственники... по религии,— пояснил дворник.

— Вот что, гражданин дворник, попросите, чтобы немедленно освободили помещение, и без моего ведома никого в дом не впускать! — распорядился Трошин.

— Будет исполнено, будет исполнено, гражданин комиссар.

Дворник вытер фартуком вспотевшее лицо, попятился к выходу...

...Убитый лежал у окна на ковре, широко раскинув руки, лицом вниз. Правая туфля валялась посреди комнаты. Никаких следов борьбы не было видно. Все находилось на своих местах. На большом письменном столе черного дерева, покрытом зеленым сукном, стояла бронзовая чернильница в виде парусного корабля, в стакане из уральской яшмы торчали тонко отточенные карандаши. На углу высилась аккуратная пачка газет и книг в старинных кожаных переплетах. Некоторые были с тяжелыми золотыми застежками. Они источали запах кожи и старой бумаги. В простенке меж окон разместилась конторка, на которой шевелила листьями под ветром из окна толстая конторская книга, исписанная четкими мелкими буквами. Со стен из рам с окладами и без окладов укоризненно смотрели на вошедших десятки ликов святых. Если бы не письменный стол и конторка, помещение напоминало бы молельню. Иконы поражали воображение не столько богатыми окладами, сколько исполнением. В каждом облике святого были запечатлены живые человеческие черты, святые были больше похожи на обыкновенных людей с их заботами и чувствами. Трошин сердцем почувствовал, что художник как бы сумел вложить в краски частичку жизни, своей души.

— Ну-с, я закончил,— подошел к Николаю врач.— Пострадавший убит выстрелом в затылок, в упор... Из пистолета крупного калибра. Смерть наступила мгновенно. Убитого следует отвезти в морг.

— Хорошо, распорядитесь... Благодарю вас, доктор... Вы свободны.

Труп унесли. Ушел доктор. Трошин с Ивановым остались

в комнате одни. Андрей внезапно наклонился и, подняв что-то с пола, протянул Трошину.

— Смотрите, что я нашел.— Он разжал кулак. На ладони лежала тяжелая, серебряная, в виде человеческого черепа, запонка.

— Не иначе как бандитская! — сказал милиционер.

Бандиты, как это ни странно, мало что унесли из особняка купца. Милиционеры обнаружили в комнате разграбленный денежный ящик покойного. Но видимо, почтальон, принесший Егорову телеграмму, спугнул грабителей.

Трошин открыл дверцу застекленного книжного шкафа. На полках в строгом порядке, под номерами выстроились рядами толстые книги. Николай попытался разобраться в витиеватых надписях, но на первой же фразе споткнулся. Только и сумел прочитать: «Евангелие». Книга была в плотном кожаном переплете, с золотым обрезом и тяжелыми застежками. Плотная, чуть пожелтевшая бумага отливала матовым блеском. Он осторожно пролистал всю книгу и поставил ее в шкаф на прежнее место.

Как поступить с имуществом убитого купца, Николай не знал. Впрочем, завтра, может, родственник какой объявится? А если родственников не окажется, куда девать купеческое добро? По закону надо бы... В таких делах без закона никак нельзя... Но и закона советского на это дело пока тоже нет. Николай позвонил в Совет Игнатову — узнать хотел. Но того на месте не оказалось: уехал в Каширу...

Трошин прошелся по верхним комнатам особняка, спустился в зал к Иванову. «Пока суд да дело, все растащут. Охрану оставить надо», — решил Николай. Поставив у дверей особняка милиционера, Трошин и Иванов пошли в сторону Петровских ворот — в комиссариат.

Стояли последние дни осени, воздух уже был прозрачным и морозным. Ветер гнал последние желтые листья кленов через Тверскую к памятнику Пушкину. Быстро стемнело. В перелуке протарахтела одинокая извозчичья пролетка. Внезапно со стороны Трубной площади послышалась беспорядочная

стрельба. От магазина Елисеева появилась свадьба. Заливалась гармошка. Несколько голосов подпевало гармонисту...

На темных улицах гулко стучали каблуками патрули да слышались в темноте грозные оклики:

— Стой! Кто идет?!

В ответ неслось:

— Красная гвардия!.. Милиция!..

— Проходи!

И снова тихо, темно. Только кое-где блеснет лучик света из занавешенного окна. Там, за тяжелыми портьерами, в душных, пропахших нафталином и лампадным маслом комнатах хозяева особняков пережидали революцию. Москва засыпала. Но вдруг на Тверской от Скобелевской площади пробежали какие-то тени. Тишина разорвалась душераздирающими криками: «Караул! Ограбили!»

Тускло блеснул ствол маузера.

— Руки вверх!

Задержанные торопливо полезли в карманы.

— А ну, не балуй! Руки! Выше руки! — потребовал Трошин.

— Ты кто такой, чтобы грозить мне пистолетом! — истерично закричал один из задержанных, длинный, с черными усиками. — Что тебе от нас надо?

— Я комиссар рабочей милиции. — Трошин осветил задержанных лучом электрического фонарика. Те трусливо сжались, длинный прикрыл лицо воротником пальто. — Чего прячешься, Американец, аль не признал? Андрей. Обыщи.

Иванов закинул винтовку за спину и подошел сзади к бандиту.

— Два шага в сторону, — скомандовал Иванов.

Андрей держался с грабителями так, словно всю жизнь только этим и занимался. Говорил уверенно, строго. Его руки рабочего человека, еще со следами окалины на ладонях, добросовестно прощупали рукава. В кармане у задержанного что-то зазвенело.

— Товарищ комиссар, — радостно воскликнул Андрей, — нашел! Пистолет и золотые пятирублевки. Вот контра! Деньги-

то николаевские тебе зачем? — добродушно спросил Иванов у Американца. — Деньги скоро новые будут, наши, советские.

— Не твоего ума дело, телок!

— Ну ты, потише. А то ведь могу и в зубы дать!

Иванов связал бандиту руки за спиной. У второго бандита Андрей нашел за голенищем сапога финку. Дежурный помощник принял от милиционера арестованных, обыскал еще раз, опросил и распорядился отвести в камеру.

Трошин прошел в канцелярию, зажег лампу-«молнию», подвешенную на толстой проволоке к потолку, сел за стол, где лежала анкета, которую нужно было срочно заполнить и передать в ревком. Анкета лежала уже третьи сутки, а Николай еще не написал ни строчки. Быстро, четко заполнил первую строку анкеты: «Трошин Николай Александрович. Тридцать лет. Член РКП (б) с 1915 года».

«Какое участие принимал в революционном движении?» — спрашивалось в анкете. «Самое непосредственное, — отвечал Николай. — В 1905 году на Красной Пресне помогал дружинникам бить царских сатрапов». — «Образование?» — «Окончил церковно-приходскую школу». — «Воинский чин?» — «Унтер-офицер» — «Должность?» — «Начальник милицейского комиссариата города Москвы».

За каждой строкой анкеты вставало прожитое, пережитое...

Как будто прошли не годы, а только вчера уходил Николай с баррикады. Уходил не один, а с раненым товарищем. Товарищем был нынешний председатель ревкома Игнатов. На день они укрылись в каком-то подвале, а к вечеру со знакомым крестьянином уехали в Бронницы. Было это зимой 1905 года. Много воды утекло с тех пор. Не думал, не гадал Трошин, что будет работать в милиции, а вот довелось.

Получилось это так. В 1913 году призвали Николая на военную службу. Потом началась война. Два года в окопах кормил вшей. Незадолго до Февральской революции командовал полуротой пластунов под Луцком. Во время вылазки был ранен осколком германского снаряда в грудь, попал в госпиталь. Только в июле встал на ноги. Команду выздорав-

ливающих, в которой находился Трошин, направили в Москву. Здесь и разыскал его Евдоким Николаевич Игнатов. Сам он работал на заводе. Встречались они не часто, но регулярно. И вот однажды Игнатов как бы между прочим сказал:

— Неплохо бы тебе поступить в милицию Керенского. Солдат туда охотно берут, работа, можно сказать, интеллигентная.

— Чего я там не видал? Городовым мне быть ни к чему.

— Затем, что там скоро наши люди понадобятся,— ответил Игнатов.— Керенский долго не продержится. Партии везде сейчас нужны свои люди. Таково мое мнение и мнение товарищей. Ты что, думаешь делать революцию в белых перчатках?

В октябре Трошин поступил в комиссариат.

Николай поймал себя на мысли, что он в течение дня никак не может отвлечься от происшествия. Будь оно трижды проклято, все егоровское наследство! Ну что он будет делать, если не отыщутся родичи купца?!

«Нет, родичи отыщутся,— подумал Трошин.— Богач ведь! Как не быть родственникам? Купцы — народ крепкий, много-семейный...» Он очень хотел, чтобы у Егорова нашлись родственники, они могли снять с него эту заботу.

Вопросов в анкете было много. Николай впервые так подробно писал о своей жизни. Закончив, Трошин встал из-за стола, потянулся. Отодвинул штору. Над Москвой занимался рассвет. Домой идти было уже поздно.

В четверть восьмого ему сообщили, что пришел первый посетитель.

«Ну вот, на ловца и зверь бежит,— подумал Николай.— Видно, ошибся тогда дворник. Купеческий род жаден до денег. Эко в какую рань пожаловал».

— Входите!

Вошла работница с кожевенного завода. Лицо у нее было расстроенное, заплаканное.

— Товарищ начальник,— заголосила она с порога.— Сын у меня, Колька, из дому ушел. Второй день нет его. Пропал! Надежда моя, мой кормилец на старости!

— Да перестань реветь-то. Фамилия? Лет ему сколько?

— Николай, Николай Ступин,— всхлипывала женщина.—
Четырнадцать лет.

Женщина запричитала громче. Трошин замахал руками.

— Ну хватит! Перестань! Разыщем сына! Ну, сказал, разыщем...

Работница ушла.

Трошин собрался сбежать в столовку позавтракать, но позвонил из ревкома Игнатов, и Николай, засунув в карман пайку хлеба, поехал с сотрудниками в Газетный переулок производить обыск на квартире спекулянта, торговавшего крупчаткой и сахаром.

Трошин взял с собой Андрея Иванова и еще четверых милиционеров. Произвели обыск, изъяли двести голов сахара и пять мешков крупчатки. Сахар у спекулянта был спрятан в стене, в нише, а крупчатку Андрей отыскал в огуречном чане. Два мешка муки милиционеры передали рабочим типографии, а остальное отвезли в приют ребятишкам. Так распорядился Игнатов.

В комиссариат Трошин вернулся к вечеру. «И нужно было мне пойти на эту «интеллигентную» работу,— ругал он себя.— Хватит заниматься мешочниками и бандитами. Это не мое дело».

Он долго крутил ручку телефона. Аппарат легонечко позванивал, но станция не отвечала. «Уснули там, что ли?» Наконец в трубке затрещало, и послышался сердитый голос телефонистки. Николай попросил соединить с председателем ревкома.

— Евдоким Николаевич, здравствуй! — радостно сказал в трубку Николай.— Это я, Трошин. Есть у меня к тебе один разговор.

Николай услышал, как на том конце провода человек предупредительно кашлянул. Трошин знал это покашливание, но высказал свою просьбу.

— Лучше не проси,— рокотало в трубке.— Не отпускай. Привыкай, браток, управлять государством.

— Тебе легко говорить,— кричал Николай,— а у меня ни-

чего не получается, голова идет кругом. Вот мне нужно с на- следствием одного купца разобраться...

— Потерпи, не горячись,— доносился спокойный голос.— Придет время, напишем хорошие законы, и приказы, и ин- струкции, а пока твое революционное чутье — главная ин- струкция. Понял?!

— Понял.

— Ну, тогда будь здоров. Желаю успехов!

Трошин еще какое-то мгновение смотрел на телефон, а потом в сердцах бросил трубку на рычаг. Одернул френч, прошел по комнате. В дверь постучали.

— Кто там? Входите! — Николай подошел к двери и рас- пахнул ее.

На пороге стоял Иванов.

— Ты что, попросту войти не можешь? — возмутился Тро- шин.— Что я вам, благородие какое?

Андрей на это ничего не ответил.

— Что случилось, Андрей?

— Убежал...

— Кто убежал? — насторожился Николай.

— Ну, тот самый Американец, которого вчера задержали. Понимаешь, вывел я его по нужде. А он, контра, со мной спор затеял. Стал доказывать, что он анархист-революционер и грабит буржуев-кровопийцев. А мы вроде фараонов... Спори- ли, спорили, а он за ворота — и тягу...

— Какой же ты тогда страж пролетарского порядка? — разозлился Трошин.— Наган дома оставил?

— Нет, наган при мне был,— Андрей похлопал ладонью по кобуре.— Так ведь люди ходят, нельзя стрелять. Вдруг в невинного попадешь? Да в человека мне еще, по правде го- воря, стрелять не приходилось. Теперь отвечать придется? — жалобно спросил Иванов.— Судить будут али как? А ведь купца-то, наверное, он убил, на рубашке я заметил точно такую запонку, что тогда на полу в особняке нашел. На дру- гом рукаве не было...— Андрей даже не пытался оправдывать- ся или как-то снять с себя вину.— Что же мне делать?

Трошин был зол — упустить бандита! И в то же время ему

по-человечески было жаль Андрея. Ну, разве его вина, что опытный бандит ускользнул из милиции... Сам-то с каторги не раз бежал.

— Тюрьмы, может, тебе и не будет, но по головке не погладят за такое упущение.

Трошин поднялся, провел рукой по коротко остриженным волосам, первый раз за этот день улыбнулся.

— Лет-то тебе, Андрей, сколько?

— Девятнадцатый пошел.

— Вид у тебя героический. А что это у тебя на ногах?

Андрей смутился, покраснел. Ему еще никогда не приходилось носить такую красивую обувь. Сделанные из хорошей кожи, на толстой подошве, сапоги блестели лаком и, как влитые, сидели на ногах.

— Хороши? — спросил Иванов.— Жмут чуток... разносятся...

Николай кивнул головой:

— Разносятся.

— Я их у буржуев реквизирувал для нужд новой власти, — пояснил Андрей.— А иначе где такое добро достанешь? Его нам не выдают...

Глаза Трошина стали суровыми:

— Вот ты есть представитель Советской власти. А действуйешь, как грабитель.

— Это я грабитель? Тоже скажете!

— Потому что сапоги — не фабрика, не завод, а личная вещь. Личная, понял ты, садовая твоя голова?..

— Чудно! Это же буржуйская вещь! А что же мне с ними делать?

— Отнеси хозяину! — приказал Трошин.— Извинись, скажи ему, что по моему приказу сапоги брал на экспертизу...

Весть об убийстве Егорова, одного из видных деятелей староверов, быстро облетела город. И когда на третий день Трошин пришел в комиссариат, в дежурке его ожидали пятеро купцов. Они степенно поклонились, о чем-то пошептались. Вперед шагнул дядька в добротной суконной поддевке. Огла-

див красивую, черную с проседью бороду, почтительно поклонился:

— Мы к милости вашей. Горе у нас большое! Злодеи убили нашего наставника отца Егория.

Николай внимательно разглядывал бородача. Разглядывал и радовался: «Вот они и нашлись, родственники убиенного». Купец был благообразный, как патриарх: строгое, немного суровое лицо, высокий лоб. И только во взгляде его плутоватых глаз светилась хитринка.

— Проходите,— пригласил делегацию Николай.— Дежурный, пропустите старцев.

Николай предложил купцам сесть.

— Покорнейше благодарим, мы постоим,— ответил за всех благообразный бородач.

— Слушаю!

— Позвольте нам исполнить последнюю волю усопшего. При жизни брат Егорий объявил нам, что все движимое и недвижимое имущество он завещает в пользу общины.

Николай насторожился.

А купец продолжал:

— Как было издавна заведено на Руси, покойный собственноручно составил завещание. Вот оно.

Купец сунул руку за пазуху, и плотный зеленоватый лист с водяными знаками лег перед Трошиным на стол. Завещание было заверено подписями и печатями.

— Хорошо, граждане купцы, мы посоветуемся,— пообещал Николай.— Завещание оставьте.

Купцы оживились. Довольно закивали головами.

— Мы перед вами в долгу не будем! Возьмите-с пока задаточек,— бородач бережно обеими руками положил перед Трошиным золотой крест.— Золото, оно при любой власти власть имеет!..

Глаза у Николая озорно заблестели. Он рывком схватил крест и поднял его над головой. Купцу, верно, показалось, что комиссар вот-вот ударит его крестом по голове. Бородач испуганно попятился, причитая:

— Свят, свят...

Воцарилась неловкая тишина. А ведь и правда хотелось ударить, но сдержался, сделал вид, что взвешивает в руке драгоценность:

— Тяжелый, не меньше фунта!

— Фунт с четвертью,— уточнил бородач.

Николай позвонил дежурному:

— Пусть зайдет ко мне Иванов!

В кабинет вошел Андрей.

— Слушаю, товарищ комиссар.

— Купцы,— Трошин кивнул в сторону посетителей,— добровольно,— он сделал ударение на этом слове,— добровольно решили поддержать советскую милицию. Принесли золото нам. Пиши расписку.

— Чудно!— Андрей вопросительно посмотрел на купцов, взял чистый лист и приготовился писать.

Трошин подождал, пока он разложит бумагу, поднялся, расправил ремень с тяжелым кольцом и продиктовал:

— Расписка начальника комиссариата. Дана в том, что мною, комиссаром Трошиным, принято от купца золото в виде креста весом в фунт с четвертью. Написал? А теперь дай я распишусь. Все! Это вам, господа купцы.— Николай протянул бородачу расписку.— Теперь, Андрей, пиши постановление о передаче в ревком ихнего подарка.

Когда документ был написан, Николай снова позвал купца:

— Ну, борода, расписывайся! Насчет завещанья денька через два наведайся! За золото спасибо.

Купцы низко поклонились и, держа картузы в руках, гуськом вышли из комнаты.

Николай плотно закрыл за ними дверь и спросил у Андрея:

— Слушай, может, ты слышал или читал, какие законы были раньше касательно духовного завещания?

Андрей пожал плечами:

— Чтобы конкретно по завещаниям — ничего не встречал, а вот недавно прочел в одной книжке, что воля усопшего выполняется всегда. У купцов завещание не поддельное, вы же сами видели. Настоящее...

— Да,— согласился Трошин,— бумага, вот она. Сразу видно, что не поддельная, печати с орлами... Да для нас тот орел уже не указ!

— Я, Николай Александрович, так думаю. Орлы, конечно, нам не указ, но печати — дело серьезное. Наше с вами дело Американца ловить, а мы религией занялись. Это дело поповское, а не гражданское. Я уже кое-что узнал об Американце. Хитрая bestия, на трех квартирах живет. Надо бы взять его.

— Может, ты и прав,— согласился Трошин.— Пусть купцы забирают все по завещанию, ценностей особых в особняке я не заметил.

И оттого, что решение было принято, Николай с облегчением вздохнул.

— Пойдем в егоровский особняк, снимем пост.

Время было предобеденное. Милиционеры шли вниз по Тверской. Над городом, уже несколько дней затянутым тучами, впервые проглянуло солнце. Искрились купола соборов, блестели окна громыхающей конки. По улицам сновали люди.

Мимо постового милиционера прошли в особняк. Поднялись на второй этаж в комнату, где был убит Егоров. Николай открыл дверцу книжного шкафа. Заблестело золотое тиснение на книгах, запахло кожей, воском и стариной. Со стен смотрели на комиссара лики святых... Трошин захлопнул дверцы и подошел к конторке. Он еще раз попытался мысленно представить картину убийства, внимательно осмотрел комнату. Он не знает, что делать с этим никому не нужным добром, а тем временем преступники гуляют на свободе.

Его размышления прервал постовой:

— Товарищ начальник, тут вас человек спрашивает.

В дверь протиснулся человек. Был он массивен, тяжел телом, невысок, но шумлив и подвижен. В левой руке незнакомец держал трость с набалдашником из слоновой кости, в правой были коричневые перчатки. Господин подкатил к Трошину, мило улыбнулся. Снял шляпу, небрежно бросил ее на кресло, стоящее у конторки, кинул в шляпу перчатки и представился:

— Владелец антикварного магазина на Арбате Губерман.

Прослышал, что после покойного остались кое-какие древние вещицы: книжицы, иконы, одним словом, вещи, дорогие сердцу любителя старины. Так вот, они никому не нужны, а я бы хотел их купить у Советской власти... Деньги дам немалые...

Следом за Губерманом пожаловал американский подданный и предложил за егоровскую коллекцию миллион долларов.

Третий день Андрей по поручению Трошина сидел в особняке и описывал вещи покойного. Ему помогали сотрудники Публичной Румянцевской библиотеки: молчаливая, строгая, лет пятидесяти женщина и девушка-хохотунья Катя Жигалова — большеглазая, с тяжелыми косами и смуглым монгольским лицом. Их прислал в особняк по просьбе ревкома директор библиотеки. Предложение Губермана, а потом и американца насторожило Николая и вынудило отказаться от первоначального решения — исполнить волю покойного.

Заключение сотрудниц библиотеки должно было определить судьбу книг. Конечно, еще никто ничего не мог сказать о юридической силе завещания, но они первыми должны были сказать о ценности егоровского наследия. Задание было серьезное и немного таинственное. Это радовало Катю, она была возбуждена необычностью обстановки. Серафима Максимовна, так звали начальницу Кати, то и дело внушала:

— Ну разве можно так шуметь? Бог знает что могут подумать о вас мужчины...

Катя улыбалась, на какое-то время умолкала, но только на время.

— Вы ведете себя несерьезно, — выговаривала трескучим голосом Серафима Максимовна. — Лучше пишите четче.

А в особняке, несмотря на запреты, звучал девичий голос:

— Неповторимо, прелесть! Нет, вы только посмотрите, то-

варищ Иванов! Даже представить себе не можете, какие книги вы держали в руках! Это же сокровище!

Иванов подносил книги, слушал Катю, улыбался ей и говорил:

— Смотрите, как бы этими бриллиантами печки не пришлось разжигать!

— Смейтесь, смейтесь! — сердилась Катя.

Список икон получился небольшой, но зато над описью книг пришлось потрудиться: их было около трех тысяч. Серафима Максимовна диктовала все новые и новые названия, имена авторов. Круглым красивым почерком Катя записывала. Она сидела перед стопкой книг, натянув на острые девичьи колени старенькое голубое платье, бережно брала в руки очередной том и торжественно вслед за Серафимой Максимовной повторяла:

— «Евангелие Хитрово». А вы, товарищ Иванов, знаете, кто украшал эту книгу? Андрей Рублев!

Не дождавшись ответа, она уже взяла в руки следующую книгу:

— Летописи времен Иоанна Грозного. Максим Грек, шестнадцатый век, Кипрские мастера — «Жития святых»...

Перед Трошиным лежала пачка исписанных листов. В комнату вошли Иванов и Катя. Комиссар взял первый лист описи, разглядел его, внимательно прочитал, улыбнулся Кате. Хитровато подмигнул Андрею, обмакнул перо в пузатую чернильницу и размашисто с угла на угол начал писать на заглавной странице описи: «Руководствуясь революционным правосознанием, от имени Советской власти постановляю: имущество купца Егорова Е. Е., как-то: редкие иконы и древние рукописные книги — считать собственностью Советской власти и до принятия соответствующего закона передать на хранение в Румянцевскую библиотеку. Решение обжалованию не подлежит. Комиссар Н. Трошин». И поставил число.

Зазвонил телефон. Николай отложил ручку и снял трубку. Говорил Игнатов. Он поздравил Николая с наступающим Новым годом и торжественно сказал:

— Из Петрограда сегодня получен декрет за подписью

Ленина об отмене в пользу государства прав на наследование монастырям, церквям, сектам и прочим религиозным учреждениям и общинам.

Трошин просиял. Не подвело его революционное чутье. Еще бы, сам Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров, подтвердил правильность принятого им решения. Сам Ильич!

Американца Андрей Иванов задержал на Хитровке. Задержал просто, без всякой борьбы: Американец был пьян. И очень пригодилась следователю тяжелая запонка с черепом, которую Андрей подобрал в особняке Егорова. Она оказалась веской уликой. Точно установили: купца убил Американец с друзьями. По темноте своей взял деньги, кой-какие золотые вещи, но они были копейками по сравнению с коллекцией Егорова.

Снегири

В 1918 году на заседании Совнаркома под председательством В. И. Ленина рассматривался проект Положения о рабоче-крестьянской милиции. Докладывал нарком внутренних дел Г. И. Петровский. Вспоминает Дижбит. Выслушав доклад, Ленин, обращаясь к Петровскому, сказал о том, что необходимо, чтобы наша милиция не имела сходства с полицией. Наша милиция должна быть крепко связана с народом, опираться в своих действиях на честных людей, строго соблюдать советские законы и неукоснительно требовать их исполнения от всех. Сила и авторитет каждого советского учреждения — в тесной связи с народом.

Здесь же была утверждена форменная одежда для работников советской милиции.

Но гражданская война потребовала огромных расходов, поэтому переодеть милицию оказалось не под силу молодой Советской Республике.

Учитывая исключительную важность милиции в укреплении Советской власти, чтобы как-то улучшить материальное положение ее сотрудников, Совет Народных Комиссаров перевел

их на военное положение и распорядился выдавать милиционерам красноармейскую форму.

Только в отличие от воинов Красной Армии милиционеры на шинели и гимнастерке с левой стороны груди носили нагрудный знак из белого металла: на красном эмалевом щите, окаймленном дубовыми ветвями, были изображены серп и молот. А под ними был выбит личный номер милиционера. У командиров этот знак был из жёлтого металла и меньшего размера.

Закончилась гражданская война. В 1923 году москвичи увидели первых милиционеров в новой форме. Люди останавливались на улице и подолгу смотрели на постовых. Верно, было на что посмотреть: шапка милиционера, из красного сукна, с черным лакированным козырьком, блестящим ремешком и отворачивающимся затыльником из серого барашка, видна была издалека. Ладно сидела черная бекеша с красным воротником. Черный цвет бекешки символизировал цвет рабочих спецовок, говоря о пролетарском происхождении милиции; красный цвет — революции.

Новая форма была предусмотрена для пеших и конных милиционеров. У пеших — по отлету воротника на красном поле была пристроена в виде канта неширокая зеленая лента, у конных милиционеров и командиров — желтая (потом лента была заменена кантом). Сотрудники носили однобортный френч с накладными карманами и пятью металлическими пуговицами с серпом и молотом, с красным воротником и петлицами — зелеными у пеших и желтыми у конных милиционеров.

За красивую ярко-красную шапку москвичи любовно стали называть милиционеров «снегирями».

Фуражка у милиционеров была черного цвета с красным околышем, лакированным козырьком и ремешком.

Через некоторое время красный воротник на бекеше и на френче заменили черным. На головных уборах милиционеры носили кокарду с эмблемой: на фоне красного щита правосудия, окаймленного дубовыми ветвями, — серп и молот, символ нерушимого союза рабочих и крестьян.

Были в милиции и другие отличительные знаки. Например, сотрудники Московского уголовного розыска, кроме удостоверения, имели особый значок, который крепился при помощи любого другого значка, какие тогда носили все, с обратной стороны лацкана пиджака. Когда агенту уголовного розыска по ходу операции при задержании преступника нельзя было себя раскрывать, он незаметно показывал постовому или другому работнику в форме свой значок. И тем самым требовал задержать преступника, сам оставаясь незамеченным.

Форменная одежда у милиционеров менялась еще не раз. В 1933 году они носили суконные шлемы, в предвоенные годы надели синие шинели и кубанки, потом шапки-ушанки. Сейчас у советских милиционеров элегантная современная форма. Она удобна и красива.

Навечно в строю

Занятый тысячами неотложных дел, В. И. Ленин постоянно интересовался работой милиции, проявляя отеческую заботу о ее сотрудниках. 31 января 1921 года телеграфист аппаратной Совнаркома отбил телеграмму:

Предсовнаркома Татреспублики

Казань

Прошу срочно подтвердить особые заслуги (перед) Советской Россией убитого 2 марта 1920 г. при исполнении служебных обязанностей начальника отделения уголовного розыска Николая Голубятникова на предмет назначения усиленной пенсии.

Наркомсобес Винокуров

Подтверждаю просьбу, прошу быстро ответить телеграфом.

Предсовнаркома Ленин

Телеграфист, вызвавший Казань и передавший подписанный Лениным документ, не знал, почему Голубятниковым за-

интересовался В. И. Ленин. Не знают этого и многие читатели ленинских документов.

В самом деле, что же произошло?

Николай Илларионович Голубятников, начальник уголовного розыска Казани, родился в большой бедной крестьянской семье в 1897 году. В годы мировой войны был призван на службу в царскую армию. Революция застала Голубятникова в Казани в запасном полку. В партию большевиков Голубятников вступил в 1918 году. В 1919 году губком по мобилизации направил его в уголовный розыск начальником.

Чтобы лучше понять важность случившегося 2 марта, отвлечемся на минуту от происшествия и поговорим о воде и соли. Да, об обычной воде. Мы о ней не вспоминаем до тех пор, пока работают водопровод и теплоцентраль. А о соли вспоминаем, когда дома кончаются ее запасы, и тут же бежим в магазин. Проблема решена. За килограммовую пачку соли, самой хорошей, платим 10 копеек. А в 1920 году она была на вес золота. По твердым государственным ценам фунт соли (400 граммов) тогда стоил 3000 рублей. Спекулянты ее продавали в десять раз дороже. За пуд соли можно было выменять соболью шубу. Ведь без соли, как и без воды, человек жить не может.

Бывший начальник 2-й Туркестанской дивизии на Южном Урале, изменник Сапожков, поднявший восстание против Советской власти, использовал трудности с солью для обмана малограмотных и доверчивых людей. Он клеветал, когда говорил, что Советская власть якобы лишила народ соли, большевики продают ее за границу. Сапожков обещал: если его поддержат, он даст народу соль. Чтобы привлечь на свою сторону малограмотных красноармейцев, в основном бывших крестьян, изменник провозгласил свою «политическую» линию: «Да здравствует соль и свободная торговля!»

Сейчас это звучит наивно, а тогда мятеж Сапожкова был очень серьезной и опасной авантюрой.

Понятна трагичность положения жителей Казани, когда они узнали о том, что шайка бандитов ограбила соляной склад в городе. Получив сообщение об этом, Николай Голу-

бятников с агентами уголовного розыска немедленно выехал на место происшествия. Сторожа у склада были убиты. Возле дверей виднелись следы борьбы: оторванный от полушубка воротник, окровавленные лоскуты темно-синего бобрика, очевидно от пальто... Чтобы попасть в соляной склад, нужно было подняться на десять ступенек и через небольшой тамбур войти в помещение. За толстой, плотно сколоченной дубовой дверью лабаза и находился склад. Когда сотрудники уголовного розыска вошли в него, они увидели возле ларей две совковые лопаты и несколько пустых рогожных мешков, брошенных грабителями. В складе еще оставалось какое-то количество соли, которую грабители не успели вывезти. Много мешков понадобилось грабителям, предположил Голубятников, для того, чтобы выносить соль из помещения. Грабители, судя по всему, готовясь к налету, заранее запасались мешками.

Овчарке угрозыска Альме дали понюхать их, она тотчас потянула проводника на улицу. Собака, припадая носом к земле, отыскивая запах, покружилась по двору и выбежала за ворота. Милиционеры едва поспевали за ней. Альма уверенно шла по следу довольно долго. У сотрудников появилась надежда на успех. Но вдруг овчарка засуетилась и потом, как учили ее, пошла по кругу.

— След, Альма! След! — подбадривал проводник.

Собака вернулась на прежнее место, остановилась, виновато посмотрела на хозяина и заскулила тихо и жалобно.

«На дороге запахов очень много, извини,— говорили ее глаза.— Он исчез, а куда, я не знаю».

— Все,— вздохнул проводник.

Сказал сам себе, однако все сразу поняли: Альма сделала, что могла, и на ее помощь рассчитывать пока больше не приходится.

— Грабители уехали на подводе,— сказал проводник.

— Откуда это известно?

— Альма от склада шла по пешему следу, однако возле ворот склада я заметил санный след. Сани груженные, полозья глубоко врезались в снег. А тот, по следу которого мы

шли, видимо, охранял подводы и сообщников, а потом подсел к ним, вот на этом месте.

— Возможно,— согласился Голубятников.— Нужно искать сани, откуда взяты мешки, и во все глаза наблюдать за рынками: рано или поздно соль должна появиться у спекулянтов. Займись сегодня же ломовыми извозчиками,— сказал Голубятников помощнику.

Оперативные работники обошли слободу, где жили извозчики, спросили, не выезжал ли кто из них в дальний извоз в ночь на 2 марта, осмотрели сани и возки. Никакой зацепки.

Пока сотрудники ходили по слободе, в милицию пришел мужчина и заявил:

— Ваши ребята ходят по домам. Скажите, чтобы не искали, я увез соль. Не по своей воле, конечно, понимаете...

Извозчика задержали.

Голубятникова в это время не было в угрозыске. О явке с повинной он узнал от дежурного.

— Немедленно приведите арестованного ко мне.

В сопровождении милиционера, держа руки за спиной, в комнату робко вошел худощавый мужчина в подшитых валенках. Он сделал несколько шагов и замер, ожидая вопроса.

— Ближе, проходите к столу.— Голубятников внимательно смотрел на вошедшего и попытался представить характер задержанного.

— Начальники уже записали на бумаге мои показания.

У извозчика оказался необычайно громкий, сочный бас. Голос никак не подходил к его комплекции. Голубятников невольно улыбнулся.

— Забудьте об этом и со всеми подробностями еще раз расскажите все мне,— попросил Голубятников.— Я никуда не спешу.

— Вчера, когда возвращался с пристани, возле дома меня остановили двое прилично одетых мужчин, скорей всего, не здешних, раньше нигде их не встречал. Один из них одет в бобриковое пальто. Попросили перевезти их груз, обещали хорошо заплатить. «Время позднее, да и лошади устали»,—

ответил я и отказался. Они стали упрашивать. Одним словом, уговорили. Приехали к складу, там еще двое было, а может, трое, не помню. Я сразу понял, в чем дело, но смолчал. Они стали таскать в сани рогожные узлы.

— Убитых людей у склада видели? — перебил Голубятников.

— Темно было, никого не заметил.

— Кроме вашей, были еще упряжки?

— Не видел.

— Может, у склада произошла драка?

— При мне все было тихо. Двое со мной уехали, а остальные там остались. Мне узел соли дали, чтобы молчал, значит. Те предупредили: пикну — и меня, и жену порешат... Да вы, товарищ начальник, не волнуйтесь, соль у меня цела. Я ее в сено спрятал, от греха подальше.

— Что было дальше? — спросил Голубятников.

— Груз отвез на Подлужную улицу, его там перетащили в подвал. Я от лошадей не отходил, они сами носили. Остальное вы знаете. Хоть и боялся, пришел к вам, а меня заарестовали...

— Можете сейчас идти домой, никто вас не арестовывал. Но я не советую, лучше переночуйте у нас. Дома появляться вам сейчас небезопасно, а тем временем что-нибудь придумаем. Большое спасибо, что пришли...

— Чего там, мы ведь за Советскую власть.

— Номер дома не запомнили на Подлужной?

— Я вам так расскажу, сразу найдете, без номера... Дом приметный...

Голубятников вызвал к себе сотрудников Кириллова и Каменецкого.

— Нужно немедленно ехать на Подлужную, иначе соль перепрячут.

...Нужный дом на Подлужной отыскали сразу. Выставив у окон и крыльца сотрудников, Голубятников спустился в подвал. Свет с улицы через маленькие запыленные оконца почти не пробивался, стоял густой полумрак. Но в глубине подвала тускло горел керосиновый фонарь. Похоже, что в

подвале находились люди. Голубятников вынул из кармана револьвер, остановился, прислушиваясь. Осмотрелся. В длинный коридор выходило несколько дверей. Вторая дверь направо была приоткрыта.

Пахло пылью и мышами. Снаружи и в подвале тихо. Голубятников сделал несколько осторожных шагов и снова замер, услышав шорох за дверью, какое-то неясное движение. Переждал и рванул дверь на себя.

В подвальном полумраке мелькнули яркие вспышки выстрелов.

В ответ на запрос В. И. Ленина об обстоятельствах гибели Николая Голубятникова из Казани сообщили: «Николай Голубятников 2 марта прошлого года, руководя лично поимкой бандитов, сражен двумя выстрелами и через несколько часов умер. Голубятников был человеком энергичным, безупречной честности, открыл много крупных краж».

В. И. Ленин ознакомился с ответом и поручил дать телеграфное распоряжение о назначении матери погибшего усиленной пенсии. Чуть позже пенсии были назначены жене и дочери Голубятникова.

Николай Илларионович Голубятников навечно зачислен в списки личного состава уголовного розыска МВД Татарской Автономной Советской Социалистической Республики.

На степном шляхе

Заканчивалась гражданская война. Количество полков Красной Армии сокращалось, многих опытных командиров направили во внутренние войска и в милицию: их боевой опыт мог пригодиться в борьбе с бандитизмом.

Кубано-Черноморская партийная организация послала работать в милицию героя гражданской войны, бывшего командира 1-го Екатеринодарского полка Красной Армии Макария Демуса, награжденного двумя орденами Красного Знамени. В город Пятигорск заместителем начальника Терской губмилиции прислали бывшего комиссара 3-й Кубанской

кавалерийской бригады Кочубея — Василия Петровича Кандыбина.

...Ставропольский губком и губисполком в 1920 году назначили начальником губернской милиции боевого соратника С. М. Буденного по Первой Конной Армии, бывшего командира 6-й кавдивизии Иосифа Родионовича Апанасенко. Он хорошо знал Ставрополье, был организатором партизанских отрядов.

Секретарь губкома Ю. С. Мышкин пригласил Апанасенко к себе:

— По степным шляхам мотаются зеленые. Как грибы после дождя, появляются бандитские «батьки». Ни много ни мало — шестьдесят банд. Почти все они местные. Днем ходят за плугом, а потом исчезают на неделю и по ночам гуляют с обрезами. Пора с этим кончать. Сам увидишь, что нужно делать, боевой опыт у тебя богатый, используй его. Не мне учить, как воевать, но запомни, дело это нелегкое, нужно особую тактику выработать.

Чуть свет Апанасенко, звеня шпорами, поднялся в кабинет. Молча выслушал доклад дежурного о новых бандитских вылазках. Когда дежурный ушел, вынул из сейфа карту и долго сидел над ней, вглядываясь в черные квадраты станиц и поселков, в зубчатые линии, обозначающие овраги и балки, пытаясь угадать путь банды, зарубившей ночью трех коммунистов.

Но тонкие извилистые линии на карте могли рассказать о подъемах и спусках, о высотах и низинах. А о бандитах — ничего. Апанасенко понимал, что бандиты в открытой степи не остановятся на отдых, но и уйти далеко не могли. Сховались на день, скорей всего, в глубокой Кривой балке, поросшей молодым лесом. Он измерил по карте расстояние — двадцать две версты по прямой, а по шляху — и того больше.

— Седлать коней! — приказал Апанасенко дежурному. — Пошлите посыльного к командиру эскадрона ОГПУ, тоже пусть поднимаются.

Эскадрон шел на рысях, в походном порядке по степному шляху, густо пылили четыре пулеметные тачанки. Теперь от

красных конников бандитам не уйти. По всем правилам военной науки окружили Кривую балку, оставив сильный резерв верховых, чтобы в любую минуту пойти на преследование. Апанасенко распорядился:

— Эскадронам спешиться!

С высокого кургана он наблюдал, как у выхода из балки развернулись тачанки, закрыв отход банде. По его сигналу в ковыле быстрыми тенями мелькнули бойцы и двинулись вперед. В лозняке заняли позицию пулеметчики. Цепь бойцов перешла на быстрый шаг, потом побежала, и видно было с кургана, как в руках бойцов и милиционеров блестили стволами карабины...

Но в степи по-прежнему тихо, ни одного выстрела. На дне Кривой балки в кострах еще редко тлели кизяки и ветки. Возле одного из костров стояла недопитая четверть самогона да валялись всюду объедки. А кругом ни души. Банда словно сквозь землю провалилась.

Черная сотня и на этот раз боя не приняла. И так почти всегда. В каждой станице у бандитов были свои люди. На хуторе или в поселке, в станице у «батек» глаза и уши, а чекисты этим пока похвастаться не могли. У молодой республики тогда до многого руки не доходили, она только-только становилась на ноги в этих краях. Поэтому кулачье крепко держалось за атаманов — свою опору. С теми же, кто помогал милиции или просто сочувствовал коммунистам, бандиты жестоко расправлялись, не щадя ни женщин, ни детей. Боясь мести, местные жители молчали.

Краском Апанасенко, привыкший водить в бой кавалерийские эскадроны, вскоре понял, что секретарь губкома прав: лихой атакой, одним махом с бандами не покончишь. Тут намного сложнее, чем на войне.

Апанасенко зашел в губком к Ю. С. Мышкину.

— А, красный командир! Проходи. Слышал, слышал. Быстро поднимаетесь по тревоге, боевая готовность у вас хорошая. Молодцы! Теперь вам нужно завоевать доверие у селян, чтобы каждый трудовой крестьянин стал надежным помощником милиции. Учись сам и учи своих людей работать

не только шашкой, но и словом,— сказал секретарь.— По-моему, главное для нас — настроить против разбойных «батек» селян.

Апанасенко после неудачной операции в Кривой балке провел собрание сотрудников, пригласил на него и командиров эскадрона ОГПУ. С присущей ему прямоотой рассказал о причинах неудач:

— Нам нужно убедить крестьян, чтобы они уверовали в наши силы, в крепость народной власти, и тогда бандитам не уйти от расплаты. Таково мнение губкома.

— Мы не агитпроп, а карающий меч революции,— возразил помощник.— Не наше это дело, товарищ начальник, заниматься агитацией и ликбезами...

Апанасенко сердито сверкнул глазами:

— Дорогой товарищ, мы с тобой прежде всего коммунисты, силой обстоятельств поставленные на передний край борьбы с врагами и пережитками старого мира. Что же касается карающего меча, о котором ты нам сейчас сказал, то он нам действительно вручен пролетариатом, чтобы разить гидру контрреволюции. Но важно, чтобы в справедливую силу меча верил каждый бедняк, каждый честный труженик. Владеть оружием мы научились неплохо, будем учиться воевать и большевистским словом.

Апанасенко немного переждал. Налил из кувшина квасу в стакан. Спросил:

— Несогласных нету? Тогда так и порешим — каждый из нас будет выступать на митингах и собраниях крестьян по текущему моменту, разъяснять политику Советской власти. Не в кабинетах и в канцеляриях, а в станицах и на хуторах давайте будем искать помощников!

Куда бы ни выезжали Апанасенко и его помощники, они встречались с местными жителями, рассказывали им о трудностях, переживаемых республикой, о врагах Советской власти, о злодеяниях бандитов. Однажды Апанасенко выступал на митинге. Послушать начальника милиции пришли местные жители и выздоравливающие красноармейцы. Собравшихся интересовал вопрос: в чем заключается новая

экономическая политика (нэп) по отношению к крестьянину и ремесленнику.

— Вот вы и поныне ругаете продразверстку,— говорил Апанасенко своим слушателям.— А зря! Хлебная диктатура была введена для спасения революции от голода. Государство вынуждено было отбирать по продразверстке у крестьян излишки хлеба. Но делалось это ради вас, ради народа. Нужно было кормить бойцов Красной Армии, рабочих. Теперь, когда гражданская война закончилась и республика приступила к строительству мирной жизни, хлебная диктатура отменяется. Вводится нэп. Что это такое, спрашиваете вы? Это значит, что товарищ Ленин предложил заменить продразверстку продовольственным налогом. Отныне после выплаты обязательного налога государству крестьянин может использовать излишки продуктов по своему усмотрению. Конечно, не спекулировать. Хотите продавать хлеб? Продавайте. Меняйте на сахар, на мануфактуру. Можете оставить себе, теперь его у вас никто не отберет. Приветствуете такое решение?

Заключительные слова начальника милиции потонули в возгласах:

— Приветствуем! Да здравствует товарищ Ленин!

— Граждане, может, у кого вопросы имеются к товарищу Апанасенко? — спросил председатель исполкома.

— Когда от бандюг избавите? — звонко крикнула из задних рядов молодая женщина в цветном полушалке.— В милиции кони, може, некованные, что бандитских не догоните?

В толпе засмеялись.

— Тетка, может, ковалем к нам пойдешь? — так же громко ответил Апанасенко.

И снова взрыв смеха. Когда шум стих, Апанасенко, согнав с лица улыбку, сказал:

— Граждане, докладываю, что кони наши хорошо кованы на все четыре ноги. Овса и сена им хватает, вдоволь поим ключевой водой. Только не в этом дело. Скажу не таясь: у бандитов везде свои люди, потому и уходят они от нас. Коль поможете, мы их враз догоним и порубаем. Мы, большевики,

слов на ветер не бросаем. Даю слово — не уйти от расплаты бандитам!

Выезжал Апанасенко в Татарку, Тифлисскую, Белую Глину, бывал в Невинномысской. Сотрудники выступали в Крученной, Московской и других местах. Агитация помогла.

В Ставрополь сообщили: бандиты готовят нападение на уездный банк. Апанасенко собрался было уже выехать туда, но в последний момент передумал: в городе его многие знали, появление начальника губернской милиции могло насторожить бандитов. В уезд Апанасенко послал опытного оперативного работника Иванченко и еще одного сотрудника ОГПУ. Они на месте должны были уточнить план операции.

Все вроде предусмотрели. Однако Апанасенко не покидало беспокойство. Он даже не мог усилить уездную милицию — это привело бы к посвящению в замысел большого количества людей. А главная ставка делалась на внезапность...

Апанасенко пригласил начальника уголовного розыска:

— Все ли предусмотрели? Пока есть время, еще раз рассмотрим варианты операции.

Начальник уголовного розыска имел привычку такие дела не доверять даже бумаге, весь план до мельчайших деталей держал в памяти.

— Бандиты въезжают в город на нескольких подводах под видом селян, прибывших на воскресный базар. На площади перед банком подводы разъедутся. Две из них — группа прикрытия — свернут вот в этот проулок. — Начальник уголовного розыска показал место на плане. — Тем временем группа нападения подъедет прямо к банку...

— Как наши узнают, что едут бандиты?

— Во вторую бричку запряжен серый жеребец, а заднее левое колесо и ступица вымазаны белой краской.

— Ребята не перепутают? — усомнился Апанасенко.

— Не должны. На всякий случай мы предусмотрели и это. Усилили охрану банка, наряды находятся внутри здания, а деньги и ценности из сейфов убраны.

— Понятно, — проговорил Апанасенко. — Что же, будем ждать сообщения.

...Подводы в город въехали не вместе, как предполагалось, а порознь, четырьмя группами. Бандиты явно осторожничали. На заваленных мешками и сеном первых четырех бричках разместились пятнадцать человек. Во второй, запряженной сильным серым конем, одетые в зипуны, сидели четыре мужика, дымили сигарками. Белое пятно на колесе сливалось в круг.

— Едут! Будьте готовы! — предупредил посыльный охрану банка.

Монотонно скрипели колеса, брички свернули на площадь.

Внезапно на дороге появился красноармеец с забинтованной ногой.

— Земляк, здорово! Не найдется ли закурить? — крикнул красноармеец вознице.

Появление на дороге случайного красноармейца не было предусмотрено ни в одном варианте плана операции. А если это бандит, которому удалось пронюхать о засаде?

— Тпру! — приостановил бородач коня. Что-то спросил у красноармейца. Что?

Иванченко весь напрягся: «Придется брать бандитов. Если красноармеец настоящий и его сейчас прихлопнут бандиты, потом оправдывайся!» Не спуская глаз с подводы, он уже было хотел подать сигнал к нападению. Но бандит как ни в чем не бывало радушно протянул бойцу кисет и бумагу. Тот не спеша оторвал клинышек от «грамотки», свернул сигарку и заковылял к вокзалу. Кони снова неторопливо зацокали копытами по мостовой. «Пронесло!» — вздохнул Иванченко.

Тем временем подводы поравнялись с садиком перед банком. Пора! словно из-под земли перед подводой вырос богатырского роста милиционер, взял коня под уздцы. Слева подошли трое его товарищей.

— Эй, бородач! Приехали, слезай!

Возница сунул руку под кожух, вытащил револьвер, но милиционер выбил оружие.

— Но-но, не балуй, оно же стрелять может, — сказал он, пряча наган в карман шинели.

Вторую подводу бандиты все-таки успели развернуть и открыли стрельбу из пулемета, спрятанного под сеном.

— Что же вы наделали, братцы! — в сердцах крикнул милиционерам Иванченко. — Бейте по коням!

Его слышали милиционеры правой засады. Ударили карабины. С перебитой ногой, заржав от испуга и боли, серый завалился на бок. Он попытался встать на здоровые ноги, но рухнул, перевернул бричку вместе с пулеметчиками...

Милиционеры захватили в плен двенадцать бандитов, троих убили в перестрелке. В тот же день арестованных доставили в ставропольскую тюрьму.

Апанасенко внимательно выслушал рассказ Иванченко о том, как проходила операция. Распорядился собрать сотрудников отдела. Иванченко повторил при них. Рассказал о красноармейце, который чуть не сорвал операцию.

— Деталь очень важная, наглядно нас учит, как трудно предусмотреть случайности. Но мы-то к ним должны быть всегда готовы, — заметил Апанасенко. — Когда будете выступать перед народом, расскажите людям о героях-милиционерах. Пусть селяне знают, что мы не зря едим казенный хлеб. Всех отличившихся отметим в приказе.

Слух о разгроме налетчиков облетел станицы и хутора. Успех милиции придал крестьянам смелости. Все больше появлялось у милиционеров друзей среди населения. Благодаря их сообщениям, удалось схватить матерых преступников, а главное — милиционеры теперь многое знали о продвижении банд, местах их укрытий, узнали имена и многих пособников.

Мстя за провалы, бандиты ожесточились. Особенно зверствовал атаман Колосков. Он совершил внезапный налет на станицу Лысогорскую и хозяйничал в ней несколько суток. Здесь бандиты схватили уполномоченного ГПУ Якова Терентьевича Баша. Сотрудника привели к атаману.

— Батько, вот он, Яшка-милиционер, указал комиссарам, где хозяева сховали пшеницу. По его милости они и нам теперь скупо хлеба и фуража дают. Пусть Баша сам скажет, где теперь хлеб.

— Это правда, Баша? — спросил Колосков. — За сколько же грошей проданся ты комиссарам?

— Я не иуда, атаман, — сплюнув кровь, ответил Яков Те-

рентьевич.— Дети с голодухи пухнут, а вы в ямах хлеб гноите, добытый крестьянами, нашими руками...

Колосков захохотал:

— Твои-ими?! Быдло ты, Яшка! С каких это пор стал называть своим чужое добро? Храбрый казак, отличия имеешь, а на большевистскую агитацию клюнул. Какое тебе дело до других? Думай о своем кармане. А то, что не струсил,— хвалю! Мужик ты грамотный, беру к себе начальником штаба. Не неволю, сам выбирай: или — или!

Колосков не договорил, но Баша и без слов понял, что его ожидает, если не примет условий атамана.

Уходя из Лысогорской, бандиты забрали с собой Баша, увезли его в лес, где у Колоскова был лагерь.

— Ну, Яков, надумал? — спросил Колосков, когда бандиты подвели к нему избитого милиционера.

— Нет, атаман, супротив своей совести не пойду. Сколько невинной крови ты пролил? И все тебе мало. А теперь и меня убийцей сделать хочешь? Можешь казнить, но присяге, что дал народу, я не изменю.

Атаман махнул помощникам:

— Вырежьте на спине красного героя звезду, на память. Не взыщи, Баша, сам выбрал награду.

Три дюжих бандита схватили Баша, связали ремнями руки, подвели к жарко горящему костру, повалили на землю, сорвали с него одежду и шашками вырезали на спине звезду. Но и этого зверства бандитам показалось мало. Яков Терентьевич еще был жив, когда палачи посыпали кровавую рану солью и бросили его на костер.

Апанасенко, узнав от Василия Кандыбина из Терской губмилиции о зверских пытках и гибели Баша, два дня ходил сам не свой. Он, лихой конник, много видел смертей на войне, но с таким зверством встретился впервые. Бандиты продолжали свирепствовать. В станице Рождественской они замучили коммунистов и комсомольцев, в селе Сухая Балка убили секретаря Благодарнинского укома комсомола Бεροка. В бою с бандой Конаря погиб командир батальона ЧОН Солганюк...

Настало время нанести удары по бандам. Условия тому

благоприятствовали. Крестьяне все чаще приходили в ОГПУ, к Апанасенко. Хоронясь от посторонних глаз, появлялись незаметно и так же уходили. И в милиции точно знали, в каком хуторе в скором времени появятся атаманы. Как правило, сведения селян были верными.

Получив сведения, Апанасенко во главе сводного отряда конных милиционеров и кавалеристов эскадрона ОГПУ отправлялся громить бандитов. Теперь бандитам приходилось принимать бой, улизнуть незамеченными им уже не удавалось.

Апанасенко первым врзался в бандитские ряды, подавая пример своим конникам. В сабельном бою редко кому удавалось уклониться от клинка краскома. Начальника губмилиции бойцы отряда всегда видели в гуще сечи. Бойцы не отставали от командира. Они мстили за Баша, за погибших товарищей.

За короткое время сводный отряд Апанасенко ликвидировал три банды общей численностью в 800 человек. Были разгромлены банды есаула Горленко, Беззубова...

Когда отряд проходил по населенным пунктам, за кавалеристами бежали мальчишки, женщины зазывали бойцов к себе. Поили молоком, угощали мочеными яблоками, арбузами.

В Невинномысской к Апанасенко подошла женщина в ярком полушалке. Краском сразу ее узнал.

— Здравствуй, командир,— певуче проговорила она.— Аль не признал? Ковалем меня приглашали, а теперь сама вижу: не нужен вам кузнец. Кони у вас быстрые и кованы, а солдаты еще лучше. Не держи обиды на мою бабью глупость.

— Ничего плохого ты, красавица, не сделала, живи счастливо. А коль мой милиционер приглянется, шепни. Сам сватом приеду,— засмеялся Апанасенко.

Банду Конаря, к которой присоединился Колосков, отряд потрепал как следует, но Колоскову и Конарю с группой телохранителей удалось скрыться. Прошел месяц, и Колосков снова объявился. Апанасенко поручил ликвидацию банды уголовному розыску. Для молодых сотрудников новое задание начальника — экзамен на зрелость. Зная осторожность и недоверчивость Колоскова, разработали несколько вариантов захвата или уничтожения кровавого атамана. Оператив-

ники шли на риск. Такая уж работа в уголовном розыске.

Ставку делали на арестованного недавно агентами ОГПУ брата Колоскова. Конечно, наивно было полагать, что он добровольно выдаст атамана. Тем более, что братья Колосковы стоили один другого — оба отъявленные головорезы.

В камере губернской тюрьмы младший Колосков вел себя замкнуто. Молча сидел на нарах целыми часами. На вопросы следователя: «Где атаман?» — отвечал односложно: «Не знаю, не ведаю...»

Конокрад Семка был в камере единственным человеком, с которым Колосков разговаривал. Семка приносил ему в обед миску, первым брал пайку хлеба, протягивал Колоскову-младшему: «Ешь!» И тот слушал Семку, ел.

Когда их вели в суд, они бежали из-под конвоя. Семку красноармейцы ранили, но легко, задержать не сумели. А вскоре прошел слух о том, что Семка теперь у атамана стал своим человеком, чуть ли не спят в обнимку. Конные милицейские и красноармейские наряды искали их по степи, в станицах и на хуторах, но пока напрасно — следы затерялись.

Атаман выжидал. А кулаки от него требовали дела. Припугнули: в противном случае ни денег, ни хлеба, ни овса для коней они ему не дадут. Колосков послал связных с приказом — сотне собраться на дальнем хуторе. Банда была уже в сборе, когда в хутор ворвался отряд ГПУ.

Как только раздались первые выстрелы, Колосков выскочил из хаты на крыльцо и сразу оценил обстановку. Кинулся снова в помещение, торопливо прицепил шашку, маузер, схватил кожаный мешочек с казной и шмыгнул во двор. О банде, попавшей под сабельные удары, мыслей у него не было. Что ему до дружков? Самому надо спастись. Злоба и страх гнали атамана прочь от опасности. Затравленно озираясь, побежал вдоль плетня к крытому соломой строению, возле которого должен был находиться Семка с конями. Верный ординарец не подвел его и на этот раз.

— Быстрей, батько, тикать надо. Кидай мне мешочек.

— Сам управлюсь.

Колосков вскочил в седло. На коне он почувствовал себя

увереннее. Рванули с места и понеслись к балке. Семка ни на шаг не отставал от Колоскова. Они скакали, не слыша свиста пуль, не думая ни о чем другом, кроме спасения. Лесная балка была уже рядом, а на пути ни одного красного. Может, и ушли бы, но на седле у Колоскова лопнула подпруга, и он вместе с седлом свалился на землю. Пришел в себя — кругом стояли милиционеры.

По ходатайству Апанасенко губисполком наградил серебряным портсигаром оперативного сотрудника милиции — «конокрада Семку» за геройскую работу. Того самого, который с риском для жизни «помог» бежать Колоскову-младшему из-под конвоя. Семку, сообщившего в ГПУ о сборе банды на хуторе. Не перережь он подпругу, еще не известно, взяли бы атамана или нет.

А фамилию его называть было нельзя.

Закончив разгром банд, Апанасенко снова вернулся в Красную Армию, с которой связал всю жизнь.

Будучи генералом армии, командуя войсками в годы Великой Отечественной войны, он погиб в бою под Белгородом 5 августа 1943 года.

За несколько дней до гибели Апанасенко на клочке бумаги написал простым карандашом: «Я старый солдат русской армии. Четыре года войны империалистической, три года войны гражданской. И сейчас на мою долю выпало счастье воевать, защищать Родину. По натуре хочу быть всегда впереди. Если же мне суждено погибнуть, прошу хоть на костре сжечь, а пепел похоронить в Ставрополе...»

Завещание генерала армии выполнили, он был похоронен в городе Ставрополе на Комсомольской горке. Село Митрофановское, в котором родился и провел детские годы И. Р. Апанасенко, теперь называется Апанасенковским.

Краснознаменцы

Гражданская война закончилась. Развернулась работа по укреплению Советской власти в городах и селах. Наши победы лишили почвы политический бандитизм. Многие рядовые члены банд приходили с повинной. За 1921 год и первую половину 1922 года милиция отобрала у преступников 9759 винтовок различных систем, 7832 револьвера, 176 пулеметов. В докладе наркома внутренних дел в ЦК РКП(б) о деятельности милиции за декабрь 1922 года говорилось, что в течение этого месяца силами рабоче-крестьянской милиции РСФСР ликвидированы 52 банды. У бандитов отобрано 6 пулеметов, 593 винтовки, 607 револьверов, 137 штыков.

За этими цифрами скрываются горячие схватки, имена многих сотрудников милиции, которые не жалели ни сил, ни жизни в борьбе за Советскую власть. Так, отряд конных милиционеров в четырнадцать человек под командованием начальника первого района Курганской уездной милиции Г. Р. Иванова разгромил кулацко-белогвардейскую банду Лондона и захватил в плен 43 бандита.

Смелость и находчивость, сообщали газеты, проявил начальник четвертого района Курганской уездной милиции П. И. Робин. Зная о крупной банде, состоящей из бывших белогвардейцев и обманутых белыми крестьян, Робин вместе с милиционерами В. Ф. Рыльским и А. П. Васильевым решили проникнуть в банду и там провести агитацию за добровольную сдачу Советской власти.

В первых числах августа на ильин день — престольный праздник — бандиты остановились у зажиточных крестьян села Кривинского. Туда и пришли милиционеры. На них, одетых в крестьянскую одежду, особого внимания никто не обратил. Робин, человек общительный, веселый, быстро перезнакомился со многими крестьянами и бандитами, старался выяснить настроение. Рыльский и Васильев тем временем разведали, сколько в банде пулеметов.

Робин подсел к компании крестьян, недавно мобилизованных бандитами. Вынул кожаный кисет с махоркой, пустил по

кругу. Разговор шел о разном: о погоде, о хлебе, о сенокосе.

— Самая страда в деревне, а мы из леса не вылезаем. Дома нас жены, ребятишки ждут. Как бы им отвечать за наши дела не пришлось,— дымя сигаркой, сказал черно-волосый красивый мужик в офицерских сапогах, сосед Робина.— Хватит, нагулялись.

Робин по тому, как внимательно слушали говорившего остальные, понял: подобные разговоры ведутся не впервые. Он пока в разговор не вмешивался, слушал да на ус наматывал.

— И рады бы вернуться, но кто нас примет, сразу чекисты поставят к стенке.

Кто постарше, затылки чесали, потом и вовсе приуныли.

— Слышал от одного знакомого мужика,— отозвался демобилизованный крестьянин.— Тоже были в отряде вроде нашего, вышли из лесов домой. И ни большевики, ни чекисты ничего плохого им не сделали. Арестовали только тех, кто злодействовал.

— Не тронули потому, что за них общество поручилось.

— Не знаю, может и так, врать не буду. Да, коль виноват, я готов в тюрьме отсидеть, сколько дадут по закону, чтобы перед земляками позор смыть...

— Мужики, правильные речи ведете. Советской власти вам не свалить, об этом и думать нечего. Миллионная армия была у адмирала Колчака, с пушками, с офицерами. Не вам чета. А где Колчак? Где его армия? Молчите?— спросил Робин.— Пора и вам одуматься, как бы потом поздно не было, граждане.

— Сам-то откуда? Вроде не здешний. Уж не большевик ли?— спросил сосед.

— Угадал, браток, большевик. Я начальник милиции четвертого района.

Все сидевшие на скамейке повернулись в его сторону.

— Насчет поручительства вы правильно говорили,— сказал Робин. Я за вас перед Советской властью поручусь.

Он говорил уверенно. Не дай бог, если бандиты почувствуют, что сомневается,— пристрелят. Терять им нечего.

— Кто хочет жить, айда со мной!

— А оружие?

— Я ваше оружие не понесу,— отозвался Робин.— Сами сдадите, если вы мне поверите. А я вам верю...

Вокруг него собралось человек тридцать.

— Агитацию разводишь, гад!— закричал бандит в казачьем картузе.— Братва, он врет, а вы и уши развесили!— Выхватил из-за пояса револьвер. Но выстрелить ему не дали.

— Ты его застрелишь, а за что? Не позволим! Долой!— шумела толпа.

Робин так и не понял, кому бандиты кричали «долой!». Понял другое — опасность пока миновала. Кое-кто колебался после его слов, а многие поверили.

Атамана арестовали сами бандиты.

Это было необычное зрелище. Поднимая пыль, по дороге шло разбойное войско с пулеметами, винтовками, саблями. А впереди него, за командира, шагал человек в кепке без всякого оружия — П. И. Робин...

16 октября 1922 года ВЦИК принял постановление «О награждении орденом Красного Знамени работников милиции». В постановлении говорилось: «Распространить право награждения орденом Красного Знамени на работников милиции, проявивших храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности в составе отрядов воинских или милиции по борьбе с бандитизмом, антисоветскими восстаниями или массовыми выступлениями».

К названию ордена Красного Знамени часто добавляют «Боевого». И действительно, этим орденом награждались только за боевые дела. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о награждении работников милиции подчеркивало важность боевой работы милиции и по достоинству оценивало мужество солдат порядка, ставило милиционеров вровень с воинами Красной Армии.

...С фотографии смотрит довольно молодой мужчина с щеголеватыми усами, открытым мужественным лицом. Туго

перетянута командирским ремнем армейская гимнастерка. Это начальник пятого района Горно-Алтайской уездной милиции Александр Васильевич Чернов.

...Перебежчик сообщил Чернову, что банда генерала Кайгороды, насчитывающая семьсот человек пехоты и около трехсот конников, в ближайшие дни попытается захватить село, из которого она была выбита сводным отрядом Чернова. Против белого генерала начальник милиции мог выставить отряд чоновцев, около роты милиционеров и красноармейцев стоявшего в селе взвода. Всех их решили объединить в один отряд. В него вошли и коммунисты села Усть-Кокса. Однако и после этого у Кайгороды сил было больше по крайней мере в три раза.

Чернов собрал командиров на военный совет.

— Что будем делать? Подмогу вызвали, но Кайгорода не будет ждать, когда она прибудет.

— Ты назначен командующим района, принимай меры,— сказал председатель Совета.— Мы мобилизуем на защиту население. Сколько у нас пулеметов?

— Пять «максимов», все исправные, сам проверял.

— Предлагаю оборону населенного пункта поручить товарищу Чернову. С его предложением объединить силы под единым командованием следует согласиться,— подвел итог совещанию председатель Совета.— Не теряйте времени, Чернов.

Немалая роль в плане Чернова отводилась перебежчику-алтайцу. Начальнику милиции удалось привлечь его на свою сторону. Узнав от Чернова о том, что по приказу Кайгороды был казнен его брат, алтаец поклялся отомстить белогвардейцам за его смерть. Чернов сам отвез перебежчика в степь. О чем они договорились при расставании, никто не знал. А метель тут же замела их следы.

По чистому снегу запестрели в степи волчьи и лисьи стежки. Зверь от бескормицы жался к человеческому жилью. Бандиты, как волчья стая, кружили вблизи села. Лунной ночью Кайгорода вывел на исходный рубеж пехоту. Сам с конницей поскакал к чернеющим на взгорке строениям Усть-

Коксы. Посланный им лазутчик только что сообщил, что в селе у большевиков почти никаких войск нет, кроме взвода.

Тихо ехали по заснеженной степи всадники: ни конского ржания, ни стука копыт. Слышно лишь дыхание коней да скрип седел. Еще недавно генерал в душе презирал себя за то, что теперь командует не корпусом, не дивизией и даже не полком регулярных войск, а бандитским сбродом... Он не пытался скрыть брезгливость, когда видел свое пестрое «войско». Иногда находила невыносимая тоска, тогда он ее усиленно заливал самогоном. Но ненависть к большевикам и Советской власти брала верх, и Қайгорода все реже и реже вспоминал о блестящем прошлом. Его уже не вернешь, хотя генерал и не терял надежды.

Қайгорода, играя плеткой, картинно сидел в седле. В лунном свете длинная тень падала на снег от коня и всадника. Стремя в стремя справа от генерала ехали адъютант и знаменосец, слева — алтаец.

На окраине селения Қайгорода пропустил вперед конников.

— Двигаться прямо по прогону,— приказал он командиру сотни.— И чтобы без шума!

Қайгорода раскурил трубку.

— Кто командует красными, ты узнал? — спросил он алтайца.

Лазутчик ничего не ответил. Генерал обернулся. Алтайца нигде не было видно. Адъютанта он еще раньше отослал к пехоте. Оставшись один, Қайгорода почувствовал страх и тревогу. Направил коня за удалявшимися всадниками. Догнав их, Қайгорода привстал на стремянах и зычно скомандовал:

— Стой!

Повинуясь приказу, задние повернули коней, подъехали к генералу. Но основная масса уже втянулась в прогон. Загрохотали пулеметы чоновцев. С фронта и флангов они били по бандитам, скучившимся в прогоне, в упор. Ржали испуганные лошади. Спасаясь от пулеметов, бандиты метались, топтали раненых и выбитых из седла. Главари пытались навести порядок, но большая масса всадников не могла развернуться в прогоне. Группе бандитов удалось на правом фланге пере-

браться через изгородь, но она тут же полегла от кинжального огня флангового пулемета.

Не многим всадникам во главе с Кайгородой удалось уйти. Не давая банде опомниться, Чернов повел конный милицкий отряд на преследование. Советский милиционер и белый генерал схватились в сабельном поединке. Чернов зорко следил за противником. Кайгорода был опытным рубачом, отлично владел приемами боя. Но под ним, внезапно сраженный пулей, споткнулся дончак. Завалился на спину, увлекая за собой генерала.

— Ваше превосходительство, вот и встретились. Взять его,— приказал Чернов подскакавшим милиционерам.

— Товарищ начальник, в обозе захватили бандитские знамена.

— Совсем хорошо,— ответил Чернов.— Но рано считать трофеи, товарищи, вперед! Будем гнать, пока не захватим или не уничтожим последнего бандита.

12 ноября 1922 года «Правда» сообщала о первых милиционерах, представленных к награждению орденом Красного Знамени.

«Начальник пятого района Горно-Алтайской уездной милиции тов. Чернов Александр Васильевич, будучи назначенным начальником обороны Усманского края, во время вторжения банды Кайгороды повел наступление на село Усть-Коксу и, командуя малочисленным отрядом, занял это село с бою, причем лично обезоружил командира отрядов бандитов, отобрал три бандитских знамени.

Начальник первого района Казанской гормилиции тов. Мухамедханов при ликвидации ряда вооруженных бандитских выступлений с явной опасностью для жизни, энергичными действиями способствовал задержанию банд и разоружению их.

Помощник по политчасти начальника милиции Витебской губернии тов. Зельцер, принимая активное участие в борьбе с бандитизмом, сильно развившимся в 1921—1922 годах в уездах Витебской губернии, ознаменовал эту борьбу рядом подвигов, а именно: нанес поражение банде Детмана, причем

лично тов. Зельцер взял в плен трех бандитов, предотвратил покушение бандитов на почтовый поезд между станциями Крынки и Витебск.

Товарищи Чернов, Мухамедханов и Зельцер представлены к награждению орденами Красного Знамени».

В годы Великой Отечественной войны советские милиционеры, как и в гражданскую войну, в боях с фашистами снова проявили массовый героизм. Многие сотрудники московской милиции ушли на фронт. А те, что остались в городе, несли службу по охране общественного порядка, боролись с диверсантами, охраняли государственные ценности, ликвидировали пожары, обеспечивали порядок при эвакуации населения.

В 1944 году московская милиция была удостоена ордена Красного Знамени. По этому поводу в Грамоте Президиума Верховного Совета СССР говорилось: «Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик за успешное выполнение заданий правительства и проявленные при этом мужество и доблесть, Указом от 2 ноября 1944 года наградил московскую городскую милицию орденом Красного Знамени».

Именные часы

Летом 1924 года в Подмоскowie стояла небывалая сушь. Дождей почти не выпадало. Пруды пересохли. Хлеба стояли запыленные, с пустым, сжавшимся колосом. Термометр часто показывал плюс 30 градусов. В июле — августе загорелись леса. Сухой ветер часто нагонял в город столько дыма, что здания скрывались в тумане, едком и удушливом. Все уповали на дождь, который смог бы погасить огонь. Но дождя не было. Москва задыхалась.

Помощник начальника московской милиции по губернии Б. М. Соколов, встретив в коридоре инспектора Василия Чугунова, попросил его зайти к нему в кабинет. Они почти в одно время, в 1917 году, пришли в милицию, хорошо знали друг друга по работе в Замоскворечье.

— Василий, ты уже знаешь о лесных пожарах, особенно их много в Егорьевском уезде, там горят не только леса, но и торф. По предварительным данным огонь уже угрожает Шатурской ГРЭС — первенцу ленинского плана ГОЭЛРО.

— А я при чем? Я же не пожарный! Что должен делать?

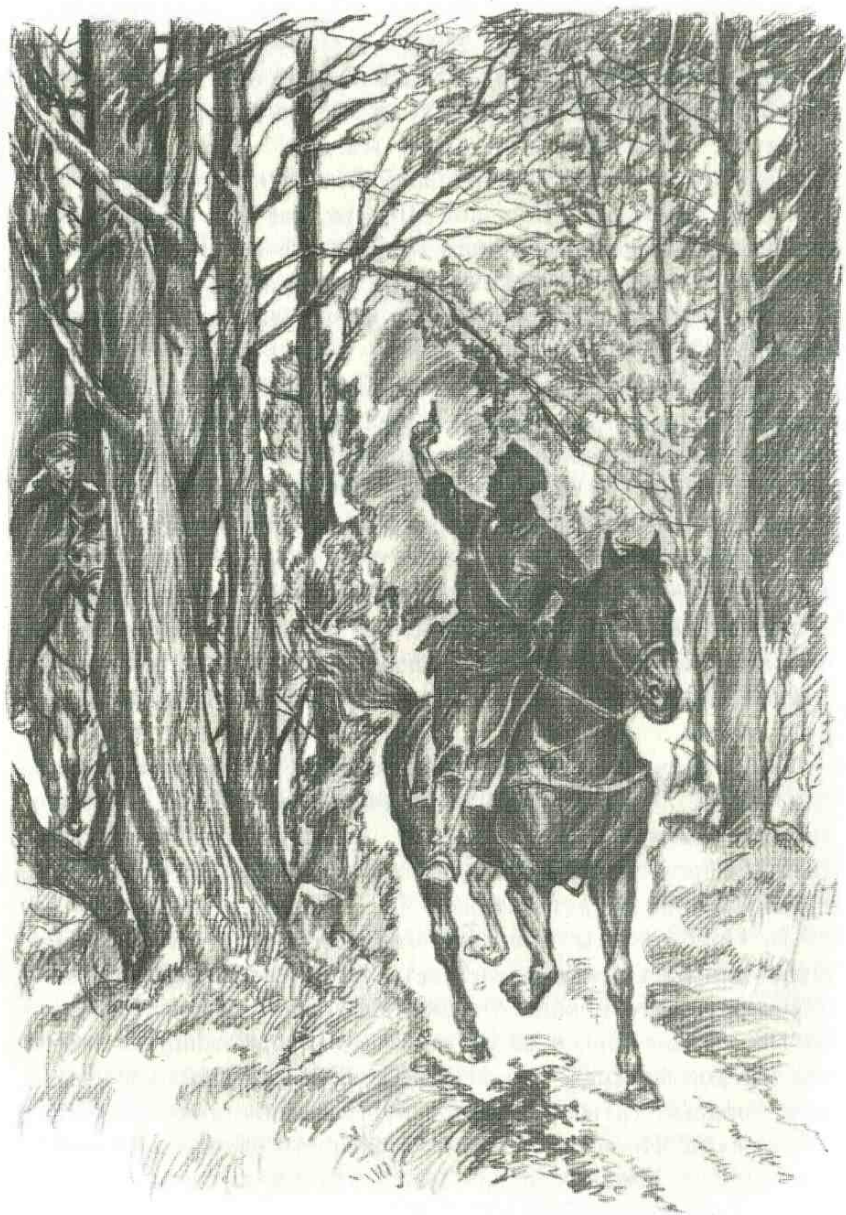
— Начальник административного отдела Московского Совета Волков распорядился, чтобы мы с тобой выехали в Егорьевск и разобрались в обстановке. Задача не просто техническая, а политическая. Таков приказ!

В тот же день они поездом выехали в Егорьевск. Чем ближе подъезжали к городу, тем сильнее чувствовался пожар. У пассажиров тревожные лица, все разговоры заканчивали одним и тем же — бедой, которая бушевала в уезде. Вагоны тонули в дыму, паровоз пронзительно и тревожно свистел, предупреждая на переездах пеших и конных о своем приближении.

Чугунова и Соколова встретил на вокзале начальник уездной милиции Мелихов, кратко, по-военному доложил приезжим об обстановке. И по тому, как докладывал начальник егорьевской милиции, чувствовалось, что он принял необходимые меры — все свои наличные силы, не ожидая приказа, уже бросил на борьбу с огнем. Чтобы не терять времени, Мелихов предложил проехать на место пожара. Во дворе милиции стояли четыре оседланные лошади.

Следом за Мелиховым все перешли на рысь, держа путь к задымленному сосновому лесу. По мере приближения к пожару они встречали на дороге людей с лопатами, топорами, пилами. Мелихов, придерживая коня, окликал знакомых. Люди здоровались с начальником милиции, рассказывали ему, где идут работы. Чугунов отметил про себя, что Мелихова тут все знают.

Всюду стоял горький запах дыма. Огонь бился в вершинах деревьев, разбрасывая во все стороны искры и горящие ветки. Пламя ухало и свистело, пожирая ели и сосны, березы и осины. В ста метрах от горящего леса стояла неимоверная жара.

В этом аду из дыма и огня работали жители города: окапывали лес канавами, рубили просеки, засыпали огонь песком. Ими руководили сотрудники уездной милиции. Не боясь людей, из объятого пожаром леса выходили лоси. Ища спасения, забирались в болотную жижу.

Соколов попросил Мелихова кратчайшим путем провести его к Шатурстрою — Большой Шатуре, как его тогда называли, потому что возле Черного озера была построена опытная временная станция Малая Шатура, которая уже давала ток. В обход очагов пожара Мелихов повел москвичей к Шатурстрою.

Картина всюду была одна и та же. Там, где верхний слой земли уже сняли для добычи торфа, огня не было видно. Над болотом курился синеватый дымок. Поверхность же нераскрытого болота оставалась ровной. Она чем-то напоминала картофельное поле после уборки, высушенное ветром и солнцем. Коровы и лоси, спасаясь от огня и дыма, смело ступали на эту кажущуюся твердой поверхность и проваливались в огненные ямы. Торф горел под слоем дерна. Во многих местах чернели зловещие провалы, разнося запах горелой шерсти и мяса. Огненные ловушки подстерегали не только животных, но и людей.

Благополучно миновав опасную зону, милиционеры подъехали к зданию конторы. Навстречу вышел начальник строительства, инженер А. В. Винтер, будущий академик, строитель Днепрогэса. Он руководил строительством Большой Шатуры. Соколов представился.

— Прибыли вы вовремя,— приветствовал их Винтер.— Люди для борьбы со стихией есть, но нужно их организовать, научить тушить пожар. Строителей, верно, не много, но на добыче торфа занято около семи тысяч рабочих. Я думаю, что мы договоримся,— женщины, в основном, молодые, сильные, хорошие труженицы, если нужно, они станут неплохими пожарными. Правда, вся их спецодежда — лапти и брезентовые бахилы. Им бы сапоги выдать. Да где их взять?

— Товарищ Винтер, не могли бы вы нам показать строительство и подступы к нему? — попросил Соколов.

— Это моя обязанность.— Винтер позвал инженеров и прорабов.— Время дорого, пошли, товарищи. За лошадей не беспокойтесь: напоят и накормят. Я распорядился.

Наибольшая опасность угрожала стройке со стороны Егорьевска. Там, куда ни посмотришь, над болотом высились огромные пирамиды заготовленного торфа — миллионы тонн.

— Наша Большая Шатура будет самой крупной электростанцией в мире, работающей на торфе. А это ее пища,— показал Винтер на пирамиды.— Надо спасать. Если они сгорят, долгое время станция не сможет давать ток. Ей просто не на чем будет работать. Вернетесь в Москву, передайте это товарищам.

Милиционеры возвратились в Егорьевск. Соколов по телефону связался с Волковым. Доложил: на территории Егорьевского уезда лесные пожары полыхают в двадцати семи местах. Есть человеческие жертвы. Наибольшую опасность пожар представляет на торфяном болоте, примыкающем к Шатурстройю. Огонь идет глубоко. Толщина горящего торфа достигает трех метров. Мелихов работает самоотверженно, но ему нужна поддержка. Передал Соколов и беседу с Винтером.

Выслушав его, Волков распорядился:

— С Чугуновым выезжайте немедленно в Москву. Меры будут приняты.

После доклада Волкова президиум Моссовета принял решение — для борьбы с огнем направить в Егорьевский уезд сотрудников столичной милиции. Командующий войсками Московского военного округа К. Е. Ворошилов назначил уполномоченным по тушению лесных пожаров в районе Егорьевска комкора М. М. Ольшанского и выделил ему 1000 красноармейцев-саперов. Его помощником от Моссовета назначили Соколова. Административный отдел сформировал из сотрудников милиции отряд в 420 человек. Москва, кроме того, направила две мощные пожарные автомашины и команду пожарных. Инспектора милиции Василия Сергеевича Чугунова назначили уполномоченным по организации тушения пожа-

ров на торфяных болотах, примыкающих к Шатурстрою, и непосредственно на строительстве. Ему выделили кавалерийский взвод и самокатную команду милиции, всего около ста человек, и наделили особыми полномочиями. Его уже ждал начальник строительства. Прочитав мандат, Винтер вернул его Чугунову.

— Со своей стороны буду оказывать всяческую поддержку, уважаемый Василий Сергеевич. Действуйте смело и решительно, ставьте меня в известность о всех затруднениях. Для координации действий, если не возражаете, будем встречаться в конторе.

Ознакомившись с обстановкой, Чугунов сразу понял, какая ответственная задача ложилась на плечи милиционеров, множество неотложных дел. Он уловил главное — люди боролись с огнем самоотверженно, но единого руководства не было. Каждый действовал по своему усмотрению.

Чугунов, получив согласие Винтера, написал первый приказ: «С этого числа все наличные силы, привлекаемые к тушению пожара в секторе Шатурстроля, поступают в мое распоряжение. Территория стройки и торфоразработки объявляется на осадном положении. Ее могут покинуть только лица, получившие разрешение начальника строительства и начальника сектора. Мои указания обязательны для всех!»

Отряд разместился в двух бараках.

Первый приказ уполномоченного остался вроде бы незамеченным, все шло по-старому: люди бегали с ведрами, лопатами. Погасят огонь в одном месте, появляется очаг в другом. Вместе с начальником пожарной охраны Венке Чугунов предложил руководству строительства разбить всю аварийную местность на секторы. Работниц и строителей разбить по сотням. Во главе людей, выделенных в секторы борьбы с огнем, поставить командира из наиболее опытных сотрудников милиции, сотни тоже возглавят милиционеры. За каждым сектором закрепить постоянных людей. Команда столичных пожарных — резерв, в случае необходимости используется в полном составе.

Винтер утвердил план.

— У нас как на фронте, Василий Сергеевич, вы — командир, мы — солдаты. Приказывайте.

На наиболее опасный сектор Чугунов поставил командира взвода самокатчиков Александра Прокопюка. Помощником у него была ударница, девушка из Рязанской губернии Настя Голубева.

— Девчата, теперь мы как солдаты, командиры у нас красивые, сильные. Если будем хорошо работать, огню не устоять против наших бабьих рук,— обратилась Настя к подругам. Сказала и зарделась: так много ей еще не приходилось говорить при народе.

За то время, пока Соколов и Чугунов были в Москве, огонь продвинулся к Шатурстрою, до стройки оставалось не более пятисот метров. Сгорело несколько штабелей торфа.

Воды поблизости не было. Ближайшее озеро находилось в трех километрах.

— Товарищ Чугунов, пока нет воды, нужно делать земляные отвалы от огня,— сказал Венке.— Одновременно на осушительных каналах необходимо соорудить надежные перемычки и подать в них воду из озера пожарными машинами. Это приблизит воду к стройке.

Перед обедом Венке разыскал Чугунова.

— Товарищ Чугунов, до озера пожарных рукавов не хватило, а начальник местной пожарной команды отказывается помочь, саботирует мои распоряжения, воду самовольно берет из канав...

Чугунов попросил Венке прислать к нему Александра Прокопюка. Когда тот появился, распорядился взять двух милиционеров и арестовать пожарного за саботаж и нарушение приказа на двое суток.

— Арестуем, а куда денем?

— Освободите кладовку возле второго барака, где хранятся лопаты, и оборудуйте в ней кутузку, выставьте часовых. Арестованного посадить на хлеб и воду.

Узнав о приказе уполномоченного, перепуганный пожарный побежал к начальнику строительства.

— Ничем, к сожалению, не могу помочь, сами виноваты, голубчик. Все мы подчиняемся товарищу Чугунову,— выслушав его, ответил Винтер.

Чугунов меры принимал крутые, но иначе поступить не мог: пока убеждаешь, занимаешься уговорами — электростанция сгорит. Здесь сейчас как на фронте. Нужны твердость и строжайшая дисциплина, необходим порядок, без которого люди не справятся со стихией, как бы много их ни было.

Приказ об аресте начальника местной пожарной команды вывесили на видном месте.

Вскоре на станции задержали пятерых плотников, самовольно покинувших стройку. Чугунов назвал их в приказе дезертирами. Они тоже попали в кутузку. Шатурстрой почувствовал твердую руку уполномоченного. Винтер одобрил мероприятия, и рабочие оценили распорядительность Чугунова, его находчивость и решительность, одергивали нарушителей. А начальник строительства теперь без Чугунова не отдавал распоряжений о снятии или привлечении рабочих к тушению пожара.

Прошло пять дней. На Шатурстрой приехали командир корпуса Ольшанский и Соколов и остались довольны четкой организацией и твердым порядком.

— Как у вас организовано питание людей, товарищ Чугунов? — поинтересовался комкор.

— Горячие обеды подвозим прямо на участки, чтобы не отвлекать людей. На питание никто не жалуется. Дым одолевает. Нужны противогазы, но где их возьмешь?

— Помочь можно, но люди не тренированны, особенно женщины, они не смогут работать в масках,— ответил Ольшанский.— От моего имени объявите всем благодарность.

В тот же день комкор и Соколов уехали на другой участок.

В один из дней, когда ветер снова раздул огонь в восточном секторе, где работали девушки Насти Голубевой, Александр Прокопюк пошел обследовать очаги и провалился в огненную яму, взметнулся сноп искр. К счастью, девушки не растерялись: облившись водой, кинулись на помощь. Опоздай

хоть на минуту — случилось бы непоправимое. На Прокопюке сгорели сапоги, местами прогорело белье, он получил ожоги.

Настя прибежала к Чугунову и рассказала о случившемся. Прокопюку оказали медицинскую помощь. Чугунов, бросив дела, пришел на медпункт. Александр лежал на носилках забинтованный.

— Что же ты сплеховал, Александр Николаевич? Людей учил, а сам полез в огонь, как мальчишка.

— Сам знаешь, Василий Сергеевич, на такое дело приказом посылать нельзя, самому первым надо идти. А если бы огонь перекинулся на электростанцию?

«Это было бы преступлением», — подумал Чугунов.

Вся страна следила за строительством на шатурских болотах. Энергию электростанции ждали сидевшие на голодном энергопайке московские заводы и фабрики. Шатурская ГРЭС была не только крупнейшей электростанцией, но и вестником новой жизни. Ради этого стоило рисковать.

Чугунов нагнулся над товарищем:

— Спасибо, Саша, потерпи, отправим тебя к лучшим врачам в Москву, они быстро поставят на ноги.

Только отвезли в больницу Прокопюка — в огненную яму угодил другой боец милицейского отряда, Саша Фигельсон. В приказе Чугунов отметил мужество милиционеров, их высокую сознательность, однако призвал к бдительности. Отныне запрещалось ходить по огненным секторам и участкам в одиночку.

Десять суток шла самоотверженная борьба с огнем. Пожар укротили.

За спасение от огня Шатурской ГРЭС В. С. Чугунов вместе с другими был отмечен. Он получил серебряные часы и Грамоту Президиума Моссовета. В ней говорилось: «...Отмечая Вашу преданную работу в московской милиции, Президиум вручает Вам при этом серебряные часы за № 89740 в награду за долголетнюю, энергичную и полезную деятельность и умелое руководство милицией при тушении лесных пожаров. И надеемся, что впредь Ваша служба будет направлена к

укреплению завоеваний Великого Октября и защите интересов трудовой Советской Республики».

За «долголетнюю деятельность...». Чугунову в то время было 25 лет.

...Пробный пуск турбогенератора на новой Шатурской ГРЭС имени В. И. Ульянова-Ленина мощностью в 44 тысячи киловатт состоялся 2 сентября 1925 года. На торжество, среди других гостей, пригласили Венке и Чугунова.

ГРЭС заработала, а у Черного озера поднялся новый город энергетиков — Шатура.

«Червонцы»

В 1922 году в стране были выпущены особые деньги — червонцы. Счет денежных купюр исчислялся не в рублях, как это было принято раньше, а в другой денежной единице — червонце. За все предыдущие годы Советской власти не было таких полноценных денег. Один червонец приравнялся к десяти дореволюционным золотым рублям, или 175 рублям, ходившим до выпуска червонцев. Государство обеспечивало червонцы золотом и другими ценностями. Советское правительство выпустило купюры в один червонец, три, пять, десять, двадцать пять и пятьдесят червонцев.

Было чему радоваться советским людям. Ведь червонец быстро укреплял денежную систему, способствовал улучшению жизни. Но их радость была омрачена появлением на рынке фальшивых червонцев. Сначала они появились в Новороссийске, потом в Ростове-на-Дону. Новенькие, хрустящие, они ничем не отличались от настоящих.

Началось все с того, что в Новороссийский банк принесли из магазинов дневную выручку и специалисты «выловили» несколько фальшивых купюр. Бесспорно, делала их опытная рука. Преступнику нельзя было отказать в таланте. Два взаимоисключающих слова: талант и преступление. К сожалению, в жизни бывает и так: человек применяет свой талант во вред другим, несет людям горе.

Спустя две недели фальшивые червонцы обнаружили в Краснодаре. В милиции довольно быстро установили, что червонцы, хотя и появились в разных местах, сделаны одной рукой. Так возникло дело о фальшивомонетчиках.

Самые опытные сотрудники краснодарской милиции занялись розыском преступников. Было ясно, что больше всего фальшивых денег просочилось через базары, рынки. Люди, не зная, что у них в карманах фальшивки, несли их в магазины. Время от времени в магазине задерживали покупателей с фальшивыми червонцами. Но на допросах они ничего определенного сказать не могли. Многие даже не помнили, где, при каких обстоятельствах попали к ним эти «деньги», кто вручил, не заметили. Описать не могли.

Среди задержанных чаще других оказывались крестьяне, продававшие на рынке говядину, колбасу, овощи, фрукты... Покупатели у них обычно женщины, реже мужчины. Разве всех упомнишь! Конечно, преступников можно было искать через покупателей и продавцов. Но этот путь был слишком долгим. А время, как всегда, не ждало!

Тогда поиск преступников повели через лиц, имевших доступ к бумаге и краскам. Без специальной бумаги и красок купюр не изобразишь. Взяли на учет художников и гравиров. Кончалось лето, а сотрудники уголовного розыска все еще не располагали ни одной сколько-нибудь надежной зацепкой. Ни одна версия не подтверждалась. А на базарах и в магазинах снова и снова обнаруживали фальшивые червонцы.

В ноябре сотрудники милиции заинтересовались шумным домом на Дубинке. В особняке этом жил известный когда-то в городе кутила, бывший купец Дмитрий Водолапин. Он и сейчас любил выпить, погулять. Среди завсегдатаев пьяной компании Водолапина появился Брызгалов — художник из Царицына. Этот человек с бледным лицом аскета еще недавно был местной знаменитостью. Богатые купцы, владельцы пароходов, священники считали за честь приобрести картины Брызгалова. И платили за его полотна большие деньги.

Советской власти Александр Брызгалов не принял. Новые

порядки он считал насилием над свободой и искусством. Хотя Советская власть никаких мер к художнику не применяла, наоборот, ему предложили рисовать плакаты и картины для рабочих клубов, Брызгалов от этого предложения наотрез отказался. Последние годы его никто не видел за мольбертом. Жил он отшельником, друзей не имел. О художнике понемногу стали забывать.

И вот после нескольких лет одиночества Брызгалов вновь приехал в Краснодар и поселился в доме Водолапина на Дубинке. Раньше они не дружили, почти не встречались. А теперь бывший художник стал в доме купца дорогим гостем. Что привело Брызгалова на Дубинку? И что общего было между этими людьми? Вполне возможно, что после длительного перерыва художник снова взялся за кисти. Согласился написать портрет Водолапина. Версия была вполне правдоподобной. Но ее следовало проверить.

Ноябрь на Кубани стоял погожий. Листья на каштанах держались долго. Люди радовались теплу. Работы в полях были закончены, и теперь, как никогда, пестрели многолюдьем базары. Казаки везли в город сало, хлеб, птицу... Играли свадьбы. По старому календарю на 8 ноября праздновали дмитриев день.

У Водолапина всю ночь гуляли. Но Брызгалова среди гостей не было.

— И теперь и раньше на нас, на купцах, держались и мир, и война. Никакая власть не может обойтись без торгового человека! — шумел Водолапин. — И деньги, хоть рубли, хоть червонцы, всегда у нас есть, — хвастался хозяин.

Его мало кто слушал, гостей больше интересовали зернистая икорка, балычок, заливные поросята...

Кто-то крикнул:

— Ура хозяину!

Гости нестройными голосами подхватили здравицу.

Шумная компания не заметила прихода новых гостей. Прежде чем зайти в залу, они остановились перед домом. Осмотрелись. Яркий свет из окон верхнего этажа бил в глаза. Хлопали двери подвала, это слуги носили вино к столам.

Но кроме винного подвала, внизу была еще комната. Оттуда тоже пробивался свет. Не то чтобы яркий, но заметный с улицы.

Собственно, вновь прибывших интересовала не гостиная, не винный подвал, а эта комната.

Двое из приехавших прошли наверх, а остальные спустились в подвал. Вошли без стука. Внезапно. И это имело смысл: они получили возможность увидеть Александра Брызгалова в «деле». Он стоял в короткой вельветовой синей куртке возле пресса. И, судя по всему, был совсем не рад приходу гостей. В поздний час праздничного вечера он был в подвале не один. Пятеро помощников трудились в поте лица. В подвале разместилась целая мастерская. На простом дубовом столе, залитом красками, лежали клише, заготовки, специальные краски и аккуратные пачки еще пахнувших краской червонцев. Хрустящие и блестящие.

— Очень рад с вами познакомиться, гражданин Брызгалов, собирайтесь! — приказал старший оперативной группы. — И вы тоже одевайтесь, — кивнул он остальным фальшивомонетчикам. — Не торопитесь, спешить вам теперь некуда. Прошу, граждане свободные художники, на столах ничего не трогать, приберем сами. Понятно? А теперь на выход!

Брызгалова и его помощников провели к закрытым легковым машинам. Водолашина и некоторых гостей — к пролеткам. Шума не было, операция прошла спокойно.

Вот что выяснилось. Во главе группы фальшивомонетчиков стоял Александр Брызгалов, бывший художник. Изменив искусству, он изменил и народу. Попробовал рисовать деньги. Получилось. Почему бы не повторить? Остановиться уже не мог. Засосало.

Изготовив первые фальшивые червонцы, Брызгалов долго не решался их сбыть. Но страсть к наживе взяла верх. Надев парик, изменив внешность, он долго ходил по лавкам и базарам. Порой Брызгалову казалось, что по пятам за ним следуют чекисты. От каждого шага за спиной он вздрагивал... Изготовленные «червонцы» он измял, чтобы они походили на те, что люди носят в кошельках и карманах. Теперь брызгалов-

ские «червонцы» совсем нельзя было отличить от настоящих.

Однако самому сбывать «червонцы» было небезопасно. Это Брызгалов отлично понимал. Когда прошел первый страх, он стал искать сообщников. И нашел подобных себе, людей без совести и чести.

После того памятного вечера ниточки от дома Водолапина потянулись в другие города Северного Кавказа, к хозяевам квартир, где Брызгалов изготавливал фальшивые червонцы, и сбытчикам... Тридцать преступников предстало перед судом по делу фальшивомонетчика Брызгалова.

Церковь на окраине

У участкового инспектора Сергея Терехова «владения» огромные. Верхом за три дня не объедешь. Широкое степное раздолье. Табуны коней. Бескрайние поля пшеницы, над которыми в небе неподвижно застыли степные орлы, высматривая с высоты сусликов. Немало разбросано по степи станиц и хуторов. Многих людей щедро кормит кубанская земля. Закончилась гражданская война, настал мир, и казаки быстро стали на ноги. И пшеницы у них вдоволь, и всякой домашней живности, и птицы развелось много.

Не понукая коня, Терехов по-хозяйски въехал в Платнировскую. В станице жил его брат Митрофан, тоже милиционер. «Вместе и пообедаем»,— решил Сергей и повернул к станичному Совету.

Напротив дома Москаленко Терехов придержал коня, встав на стремянах, заглянул через плетень. Москаленко, еще крепкий старик, налаживал упряжь.

«Чего это он сам? Видно, в город на базар ехать собрался, коль такую работу батракам не доверил»,— подумал Сергей.

Конь потянулся к траве, торчащей из плетня, звякнул удилами. Старик обернулся:

— Езжал бы своей дорогой, нечего тебе тут вынюхивать.

— Здорово, Москаленко! — словно не слыша сердитого голоса старика, приветствовал Сергей.— На базар один аль с Глафирой?

— Ты хоть, Серега, и власть, только до того, о чем спрашиваешь, дела тебе нету. Иль опять грабить собираешься? Смотри, кабы кровью не отрыгнулись тебе мои слезы. Бог, он все видит! Как есть все забрали, безлошадники...

— Ой, врешь, Москаленко, люди говорят, что у тебя много осталось, куда больше, чем требуется на жизнь.

— Опять ты, Серега, за свое? Сказано тебе, все забрали. По налогу, что положено, выплатил сполна, чтоб вы сдохли...

— А награбленное золото?

— Коль такой храбрый, слушай.— Старик в ярости потрянул головой и залился визгливым смешком.— Есть! Есть и золото, да не про вашу честь! Ищите, коль найдете — будет ваше.

— Ладно, Москаленко, бывай! — Сергей тронул коня.

Недовольных Советской властью среди казаков было немало, к примеру Москаленко. Первый богатей в станице. Двое его сыновей служили офицерами во врангелевской армии. Из Крыма, спасаясь от красноармейцев, бежали в Турцию. Старик, если бы хотел, давно мог уехать из Платнировской: капиталы имел. Но что-то держало его на насиженном месте. На удивление станичникам остался с женой старшего сына. Особой дружбы ни с кем не водил. Как и при царе, держал двух батраков. Конечно же, не любовь к Советской власти удерживала Москаленко в Платнировской. Может, надежда, что рано или поздно вернутся сыновья, а с ними придет и его власть? Никто об этом кроме самого старика не знал. И то верно, что все налоги платил исправно, хозяйствовал крепко.

Участковый инспектор Терехов давно размышляет над этим. Вопросов у Сергея возникало много, только ответов на них пока он не находил. Разговаривал с москаленковскими батраками. Спрашивал у них про золото — ничего не знают. Сноха Глафира — та знает, но на Терехова зверем смотрит. Видно, одной крови со свекром.

«Нечего голову ломать, поживем — увидим»,— решил Терехов.

Обедали вдвоем с Митрофаном. Сергей поинтересовался, много ли самогонных аппаратов брат отобрал в станции.

— Пять человек оштрафовал.

— Не густо,— подытожил Сергей.— Что успел узнать о конокрадах?

— Тут на днях в сельсовет приходил Коваленко, тебя спрашивал...

— Это тот, что в офицерах служил?

— Он самый, хоть и «благородие», а мужик честный, ничего плохого за ним не замечаю.

— Не сказывал, по какому делу?

— Нет, он в город уехал, обещал вечером вернуться.

— Значит, свидимся. Подожду.

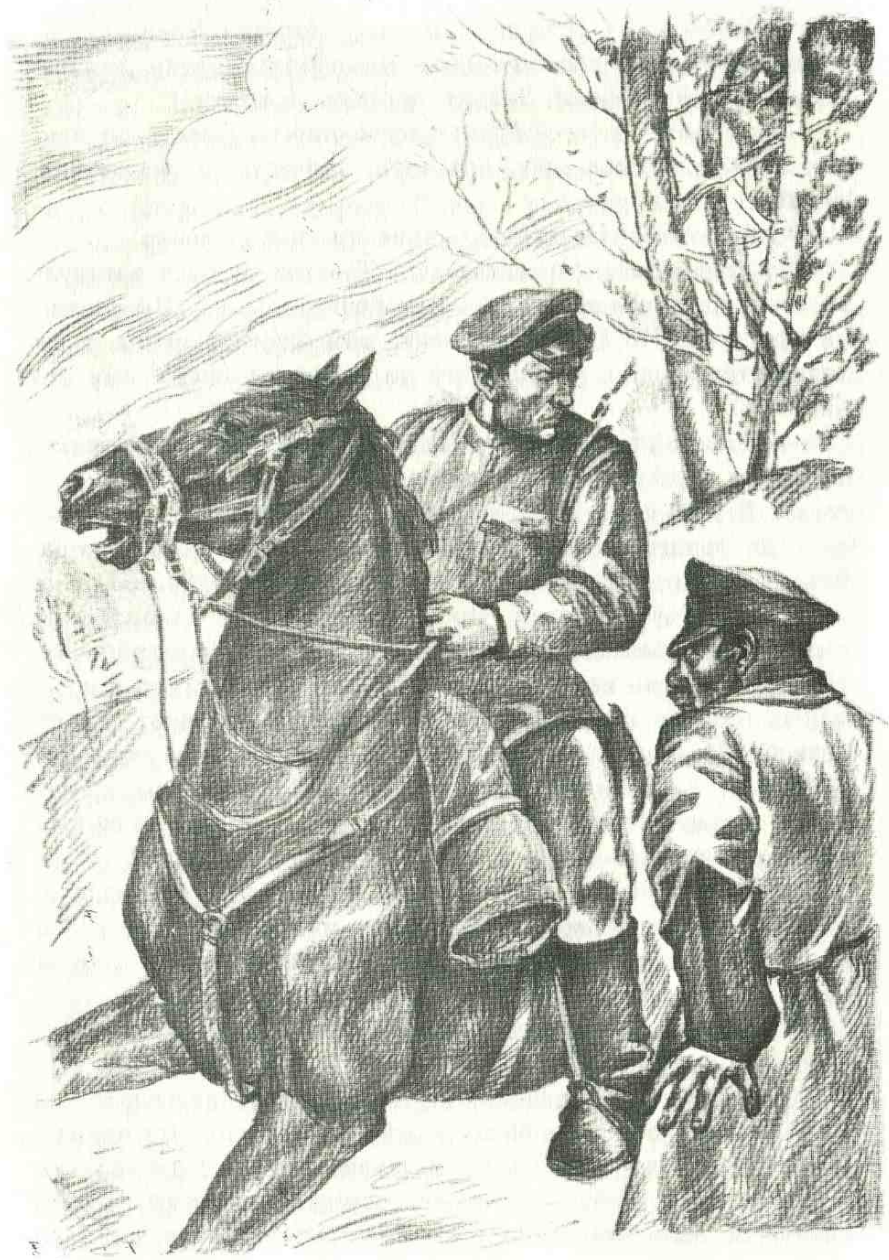
На другой день Коваленко сам пришел в сельсовет. Сергей поговорил с ним о том о сем, о ценах на рынке, о видах на урожай. Не затем же Коваленко пришел к нему, чтобы сигарку выкурить да о пустяках гутарить. Однако Сергей не спешил с расспросами, терпеливо ждал, пока Коваленко сам заговорит.

К Терехову заходили люди, кто с жалобой, кто с просьбой, а кто и просто расспросить про новости. Но как только они остались одни, Коваленко покосился на дверь, сказал:

— На той неделе, в субботу, вечером случайно проходил мимо храма. Шел тихо, возле кладбищенских ворот заметил двух человек. Затаился, про себя думаю: кто же в такой поздний час гуляет. Может, воры? Говорят тихо, слов не разобрать. Подошли к дверям, зажгли фонарь. Москаленко со снохой. В руках какие-то свертки. Старик открыл дверь.

— Ключи от церкви у священника...— проговорил Сергей.— Как они у Москаленко оказались?

— В том-то и дело, что у него имеются ключи от храма. Еще когда сыновья у него жили, он мне об этом говорил. Он же церковный староста.

— О ключах я не знал.

— Потому-то я и пришел к вам,— ответил Коваленко.— Вскоре старик со снохой вышли из церкви. Задули фонарь. Свертков уже не было. Значит, оставили в храме.

— Ну и что из того? Может, церковному старосте священник поручил свечи или просвири принести к воскресной службе.

— Ночью-то?! Не думаю,— усмехнулся Коваленко.

— Давно хотел спросить вас.— Терехов глубоко затянулся, лицо его почти скрылось в махорочном дыму.— Вы служили офицером. По духу Москаленко вам ближе, чем мы, а вы заявляете милиции на близкого по классу человека. Как понимать?

— Понимайте как есть. Только служил я не Москаленко, а России,— спокойно ответил Коваленко.— А это не одно и то же. В этом суть. Наверное, слыхали о декабристах? Все — знатные офицеры, а оказались к народу ближе, чем к царю. Что на это ответите, Терехов? Чести русского офицера я не запятнал и горжусь этим. Но я не мог быть в одном строю с сыновьями Москаленко, грабившими и убивавшими рабочих. И когда из меня попытались сделать карателя, стало ясно — мне с ними не по пути, ушел от белых. Как решит насчет меня Советская власть, так и будет, но я навсегда останусь с Россией и своим народом. На золоте, которое вы ищете, много крови и горя. Так пусть же оно вернется к своему хозяину — народу.

Коваленко умолк, сжал тонкие губы, лицо побледнело. Разговор был для него неприятным, милиционер усомнился в его искренности, задел его честь. Но он пересилил себя и очень тихо, но так, чтобы Терехов расслышал, сказал:

— Офицер еще не есть враг Советской власти. Простите, мне пора.

Хотя ничего определенного Коваленко не рассказал, но то, что кулак золото спрятал в церкви, походило на правду. Разве мало укромных мест? Церковь же Москаленко мог выбрать не случайно. С давних пор у религиозных людей считается она святым местом. Даже подозрением ни один

верующий не посмеет оскорбить божий храм. Но у многих богатеев золото выше ценится.

«Допустим, Москаленко ночью был в церкви,—рассуждал Сергей.— Но прятал ли там золото? Обыск в церкви — дело серьезное. Может, ничего и не найдем, а народ обозлим».

Церковь стояла на окраине, до разговора с Коваленко мало интересовала Сергея. Раньше времени подходить к ней было опасно. Сергей долго рассматривал колокольню из окна Совета. Перебрал в памяти данные, которыми располагал. А в ушах все звучал москаленковский злой смешок, наглый, самоуверенный: «Ищите».

«Что ж, будем искать,—решил он.— У офицера глаз зоркий».

Терехов взял постановление на обыск. Он пришел в церковь в сопровождении Митрофана, двух понятых и отца Константина. Прежде чем приступить к обыску, Сергей цепким взглядом осмотрел иконостас, алтарь, прошел по всем помещениям. Попросил священника открыть кладовую, ящики.

— Послушайте меня, в храме никого не было,— уверял священник.— Не богохульствуйте!

Не обращая внимания, Терехов молча ходил по церкви, стараясь представить, как ночью ходил здесь Москаленко, куда мог спрятать свертки.

— Пожалуй, приступим. Митрофан, простучи стены. А мы,— обратился участковый к станичникам,— осмотрим с вами ризницу и кладовую.

Гулко застучали в церкви удары дерева о кирпич. Если тайник в стене, звук сразу изменится. Митрофан нетерпеливо простукивал стены. Но звук всюду был ровным, однотонным. В старинных церковных стенах, сложенных на века, пустот не было.

В ризнице и кладовой тоже ничего не нашли. Но в кладовке не было свечей с просвирками. Если бы Москаленко шел с ними, они лежали бы на виду. Значит, другая забота привела старика в церковь.

Тук-тук, тук-тук. Звук внезапно прекратился.

— Что там, Митрофан? — окликнул брата Терехов.

— Ничего, закончил работу. Простучал все стены. Что дальше делать?

— Осмотри иконы.

Митрофан полез к иконостасу, снял старинную икону, потряс.

— Не оскверняйте икон, прошу вас,— обратился отец Константин.— Одумайтесь!

«Может, прав священник, зря шарим? — подумал Терехов.— Может, Коваленко свертки почудились. В темноте всякое бывает...»

— Митрофан, поднимемся на колокольню.

По шаткой, скрипучей лестнице забрались наверх. Всюду на досках и стенах лежал толстый слой пыли, затянутый паутиной. Терехов сразу понял: что-либо искать на колокольне бесполезно. Спустились.

Сергей поднял голову, чтобы рассмотреть роспись на потолке. Яркий солнечный лучик, прорвавшись между решетками окна, на какой-то миг ослепил Сергея. Он зажмурился, наклонил голову и замер. В дубовом крашеном полу чернела узкая щель. Собственно, щели были и между другими половицами. И не уже и не шире этой. Только те были забиты пылью и грязью, а эта — чистая!

— Митрофан, неси ломик!

За окном мелькнул человек, он прошел быстро и скрылся за углом. Но Терехову было достаточно, чтобы узнать Глафиру.

«Вот и прилетела пташка»,— обрадовался Сергей.

— Где ломик, Митрофан?

Терехов провел пальцами по щели. Осмотрел доску. Гвозди были все целы.

— Остановитесь, не портите пол,— взмолился отец Константин.— Я буду жаловаться.

— Погодите, успеете пожаловаться. Казаки, ну-ка, поднимите доску!

Толстая дубовая половица подалась удивительно легко. Из подпола дохнуло застарелой плесенью, гнилью. Ожидая

увидеть что-то необычайное, все нагнулись над дырой. Нагнулся и отец Константин. Пусто. Земля как земля, с полусгнившей щепой. Понятые разочарованно переглянулись.

— Что я вам говорил, разве может быть недозволенное в святом храме?! — торжественно произнес священник.

Терехов спустился вниз и увидел, что земля была свежесрытой. Осторожно копнул лопатой, послышался легкий скрежет, металл уперся во что-то твердое. Руками Сергей сбросал рыхлую землю, наткнулся на глиняный кувшин, на второй. Они были очень тяжелыми.

— Смотри не разбей! — Терехов передал кувшины брату.

Сняли тряпки с кувшинов, перевернули — из них посыпались золотые пятирублевки.

— Это не мои, — запричитал отец Константин, — видит бог, я ни при чем.

— А вы хотели жаловаться...

Сергей присел на корточки, снял фуражку с красноармейской звездочкой. Митрофан кидал в нее попарно монеты, сверкающие желтизной.

2415 пятирублевых золотых монет хранилось в кувшинах. Целое состояние! Такого богатства участковому еще не приходилось видеть.

Глафира прибежала от церкви в слезах. Москаленко, забыв обо всем, с головой выдал себя: ворвался в церковь с вилами.

— Убью! Разнесу!

— Опомнись, это же церковь! — остановили старика казаки.

Отец Константин, крестьясь, спрятался за Сергея.

— Твоя взяла, Серега! — кричал Москаленко, когда его увозили под конвоем в город. — Кровью заплатите с братом за разбой. Придут наши, они сполна рассчитаются.

И отомстили-таки кулаки семье милиционера. Темной ночью подстерегли Митрофана в степи. Изрубленного шашками, его нашли в заброшенном колодце.

...Велика степь. Велики у участкового инспектора Сергея

Терехова владения. Не скоро верхом объедешь. Он в ответе перед Советской властью за революционный порядок. Пройдет время, и он отыщет палачей, что зарубили Митрофана.

Оборотень

Всю ночь просидели они в засаде в одном из глухих переулков Марьиной рощи, поджидая Хрыню и его сообщников. Но бандит опять не пришел на квартиру...

Возвращаясь домой, Яковлев забежал на минутку на службу. Да так там и остался; бросил фуражку на ободраный стол, снял венгерку, нервно заходил по кабинету. Он снова и снова перебирал в памяти всю подготовку к операции. Видимо, был в чем-то просчет... Возможно, кто-нибудь «настучал». Но тогда кто? А может, Хрыня заподозрил неладное, стал осторожным... Как ни прикидывай, а засада провалилась.

Донесся шум подъехавшего автомобиля, громкие голоса. Яковлев подошел к окну, посмотрел на улицу. Милиционеры вывели из машины окровавленного человека невысокого роста, без шапки, в осеннем пальто. Руки он держал за спиной.

За дверью раздались шаги. Вошел Андрей Иванов, его помощник,—веселый, румяный, в клетчатой кепке, из-под которой выглядывал густой русый чуб.

— Тишина привезли,—сообщил он.— Отстреливался, гад... Но на этот раз взяли.

— Наши-то все живы?

— Семенова ранил, когда брали, и чуть не задушил Струкова.

— Кто занимается Тишиным?

— Ножицкий. Сейчас его тепленького «расколет».

— Плохо ты знаешь Николая Леонтьевича. «Тепленьких» он не допрашивает, у него своя метода, прежде всего попытается хоть каплю совести в бандите пробудить, душу затронуть. Тишин-то сейчас не пойдет на признание. Ну, ладно, давай

подумаем, где нам Хрыню искать, на какой квартире скрывается, дьявол, в какой щели?! Возьми дело и фотографии... И присаживайся...

Когда Андрей вернулся, Яковлев взял из его рук пачку фотографий и стал задумчиво перебирать их.

— Вот, посмотри для общего развития... Это знаменитый Петров-Комаров. Слыхал, конечно?

С фотографии смотрел пожилой мужчина в картузе, с иконописным лицом и аккуратно подстриженной бородой.

— Ну, чем не святой? Ему бы только на клиросе стоять... Легковой извозчик, верующим был, а убийца. Под видом продажи коня заманит доверчивого крестьянина домой, чаем угостит, и... пропал человек. Больше тридцати мужиков загубил. А вот это неменьшая знаменитость — Мишка Культияпый; на его черной совести почти сто сорок жизней... И того, и другого муровцы брали.

— Эти портретики зачем вам, Николай Александрович?

— Храню, может, еще и сгодятся. А вот и наш знакомый — Хрыня. Посмотри внимательно на его бандитскую физиономию... Грабит всех без разбора. Но трусоват — любит окраину, тихие переулочки, тупички. Там и на убийство легко идет, не задумываясь. На этот раз, Хрыня, ты нас перехитрил, — продолжал Яковлев, — но встретимся обязательно... Пожалуй, поеду домой, немного сосну, а ты на свежую голову помозгуй.

Срочных дел не было. Андрей сбегал за газетой. Хотя оперативную сводку он читал, однако по привычке отыскивал на четвертой странице раздел происшествий. Репортер общал читателям о том, что в деревне Елизаровка Московской губернии появились преступники по кличке «оборотни», занимающиеся хищением скота. Несколько крестьянских хозяйств стали их жертвами, милицией принимаются меры по задержанию грабителей. «Медвежатники», «домушники», а теперь вот «оборотни» — о них Андрей никогда ничего не слыхал. В МУРе работал не так давно, но кое-чему научился с тех пор, как пришел по комсомольской путевке с «Рускабеля».

Андрей еще раз внимательно перечитал все документы и донесения о Хрыне. Запер их в сейф. Мысленно вернулся к новому слову — «оборотни»; от него веяло чем-то потусторонним...

Перед обедом позвонили из административного отдела Моссовета. Вызвали Яковлева. Андрей ответил, что Николай Александрович должен быть дома.

— Тогда пусть зайдет кто-нибудь из его помощников.

В административном отделе секретарь передал срочный пакет для Яковлева. Не мешкая, Андрей сел на трамвай и поехал на Пресню. Дверь открыла жена Николая Александровича, Катя, миловидная женщина.

— Андрюша! — обрадовалась она. — Совсем нас забыл. — Катя протянула руку и, не переставая улыбаться, пригласила: — Проходи, сейчас обедать будем. Поди, голодный?

— Спасибо, Катюша, я на минутку. Дома хозяин?

Услышав голос Андрея, Яковлев вышел в прихожую, одетый по-домашнему: в шлепанцах, синих бриджах, косоворотке. Лицо усталое, желтое. Взглянув на него, Андрей подумал: «Совсем замотался, отдохнуть бы ему месячишко».

— Выкладывай.

Андрей вынул из внутреннего кармана пакет. Яковлев, надломив печати, осторожно надорвал его и вынул вчетверо сложенную бумагу. Обычно все распоряжения он получал от начальника уголовного розыска, а тут... Видно, произошло что-то необычайное.

— Зайди в комнату, чего у порога стал?

— У вас, как всегда, секреты, — улыбнулась Катя. — Как они мне надоели! Впрочем, можете шептаться сколько угодно, а я пойду щи наливать, не задерживайтесь.

Яковлев молча читал мандат.

Старшему оперуполномоченному Московского уголовного розыска Яковлеву Н. А. с пятью милиционерами предлагалось срочно выехать в деревню Елизаровка, разобраться в обстановке и навести там революционный порядок. Мандат предписывал местным властям оказывать всяческое содействие оперативникам.

— Я в газете уже об этой Елизаровке читал. Там какие-то «оборотни» появились.

За обедом мужчины, не скупясь, хвалили наваристые щи. Андрей внезапно замолчал, с интересом рассматривая орден Красного Знамени на армейском френче, который висел на спинке стула возле окна.

— А я и не знал, что вы орденоседец! За Комарова-Петрова получили?

— Нет, орденом наградили в 1921 году за подавление Кронштадтского мятежа. Я тогда был в сводном милицейском полку.

— Здорово! Трудней, чем сейчас было?

— Не скажи. На войне врага видишь, а сейчас он всегда за спиной, и не знаешь, когда ударит... А что делать с Хрыней?

— Начальник просил передать, что им другая группа займется, поскольку он предложил для поездки вас, как самого опытного. В Елизаровке похоже на политический бандитизм.

Обед подходил к концу.

— Под пельмени не мешало бы чарочку пропустить,— хитровато подмигнул Яковлев. Катя удивленно подняла брови.— Я шучу, все равно нам нельзя... Надо ехать.

— Куда?! — насторожилась жена.

— Недалеко. Дня на три, на четыре, может, чуть больше. Да ты не беспокойся.

— Всю жизнь он у меня вот так. Не поймешь,— вздохнула Катя,— когда шутит, когда серьезно. Андрюша, вы уж, пожалуйста, присмотрите за моим героем. Чтобы на рожон не лез.

— Будет сделано, товарищ Катя.

Из Москвы выехали поездом. В полночь вышли на станции. От нее до деревни двенадцать километров. Шли по осенней проселочной дороге. Ночь выдалась теплой, небо вызвездило. Невидимые, сонно шумели у дороги осины. В деревне отыскали избу кузнеца Ивана Самсоновича. Усталые милиционеры, как по команде, уселись подле дома на завалинку. Яковлев

постучал в окно. Никто не отозвался. Повременив, он забарабанил сильнее.

— Кого бог послал? — окликнул заспанный женский голос.

— Не пугайтесь, милиция, — ответил Яковлев.

В избе закрипели половицы, хлопнула дверь, зажгли лампу.

— Заходите.

Милиционеры прошли в горницу. В просторной избе сразу стало тесно.

— Может, у соседей разместимся? — Яковлев вопросительно посмотрел на хозяина.

— Чего там, располагайтесь. Места хватит.

Милиционеры сняли шинели, придвинулись к столу, разложили хлеб, сахар, колбасу.

— Садитесь с нами за компанию.

— Благодарствуем, отужинали. Самовар еще не остыл, я его мигом подогрею, — заторопилась хозяйка. Поставила на стол соленые огурцы, чугунок картошки. — Своя, не купленная, угощайтесь.

Кузнец степенно присел на лавку.

Хозяйка, как только узнала, какое дело привело в Елизаровку милиционеров, запричитала:

— Какой день коровушек в поле не выгоняем. Сами не знаем, за какие грехи послал господь на нас эту кару. Ране были бандиты, а ноне, вишь ли, оборотни какие-то объявились.

— Хозяюшка, господь тут ни при чем, может, кто-нибудь из ваших озорует? — намекнул Яковлев.

Женщина перестала всхлипывать, вытерла лицо передником, пригладила волосы, принесла самовар.

— Кто его знает, может, и злые люди. Отец, что ты молчишь, сидишь как пень.

Кузнец покосился на жену:

— Не бабье это дело, без тебя разберемся.

Заговорил обстоятельно, взвешивая и обдумывая каждое слово.

— Видите ли, уважаемые, я сызмальства ружьишком балуюсь. Пошел на медведя на зайцев с собакой на вырубке. Поздняя осень, а погода стояла парная, дожди шли, а потом ведро устоялось. Теплынь, что летом. Походили часа полтора, Динка старается, а поднять беляка не может. Сам не пойму, в чем дело...

— Опять про свое, люди за важным делом прибыли, им отдохнуть с дороги нужно, а он им охотничьи байки рассказывает,— сердито перебила жена.— Хлебом не корми, только бы по лесу пошататься.

— Ну что ты в военном деле понимаешь, для сыска все важно, так ведь? — спросил кузнец у Яковлева.

— Все верно, а дальше-то что было?

— Возле старых хуторов заметил дымок. Думал, деревенские костер жгут. Ближе подошел. Вижу — двое, заметили меня — и в кусты. Один вроде на сына барышника похож, на Соловки по этапу был сослан. Другой постарше, с бородой, по облику не здешний. Может, насчет барышникова сына показалось мне, вблизи не рассматривал, мало ли людей в лесу ныне шастает. Повернул к деревне... Неподалеку ельничек по болотинке растет. Там всегда рябчики вспархивают. Зарядил ружье бекасинником. Поманил пищиком — слышу, рябок отзывается, свистит, а не подлетает, затаился на дереве. Птица неказистая, однако ловкая, вытянется вдоль сучка, прижмется, и не сыщешь глазами. Тут Динка издавая забамкала, слетел рябец. Не пойму, на кого лает. То ли на человека, то ли на зверя; был у нее порок: брехала в лесу на людей. Завизжала и смолкла, ночью домой не пришла. На другой день нашел ее мертвую, горло перерезано — похоже, ножом. Могли и те двое... Вернулся в деревню, жены дома нет. Собрался обедать, слышу, пастух кричит: «Беда, беда! Оборотень на выселках объявился, телушку тетки Натальи сожрал». Вышел к нему, говорю: «Чего зря людей пугаешь?» А он: «Ей-богу, правда. Сам видел — ростом с телушку, полосатый, клыки что сабли, сам длиннуший, а глаза — с блюдце, не меньше...» После того в округе коровы пропадать стали. Вот и весь мой сказ. Да вы у пастуха сами спросите...

— Может, медведь-шатун в лесу появился или волки?

— Сейчас не зима,— возразил кузнец,— медведь в лесу корм себе найдет, шатун по зиме случается. Кабы корова одна пропала...

Подъехал председатель волисполкома.

— С благополучным прибытием! — приветствовал он Яковлева.— Давно поджидаем, можно сказать, вся волость на осадном положении. Такие-то вот дела... Дров нужно завести в школу, так в лес калачом никого не заманишь...

— Нечего ждать, самим надо было действовать! — прервал Яковлев.— Распустили слухи на всю губернию.

— Чего-чего, а этого хватает,— согласился председатель.

Яковлев послал милиционеров в соседние деревни опросить хозяев, у которых пропала скотина. А сам с Андреем решил осмотреть местность. В лес на разведку выехали на телеге. Затемно — на рассвете легче горячий след отыскать. Кузнец правил, а Яковлев с Андреем сидели на сене в задке. Вороной жеребчик шагал ходко, поскрипывала монотонно телега. Яковлев попросил кузнеца проехать к оврагу: там, по рассказам очевидцев, скрывался «оборотень». На всякий случай положил наган в карман венгерки, зарядил карабин.

— Кабы пороша, тогда другое дело: на снегу любой след видно. Сказывали соседи, опять позавчера корова пропала у лесника,— сообщил кузнец.— Жалко, Динка погибла, страсть как чутыстая была, она бы нам пригодилась.

На дороге безлюдно, ни пешехода, ни подводы не встретишь. «И верно, осадное положение»,— вспомнил Яковлев председателя волисполкома.

Чуть забрезжил рассвет. Андрей с любопытством разглядывал светлеющие поля, еще темные стога сена, озимые. Он вырос в городе, и многое ему было в новинку.

— Рожь почему не убрали? — спросил он, указывая на белеющую полоску у берез.

— То не рожь,— охотно пояснил кузнец. Овсы. Весна холодная была, сеяли поздно. Самое время убирать, иначе мужики в поле боятся выходить...

Погода испортилась, внезапно подул северный ветер. В воздухе замельтешили снежинки. Припудрило одежду, убелило поля.

— Здесь,— кузнец показал кнутом на размашистые черемухи.

Андрей и Яковлев, как по команде, соскочили с подводы.

Берега оврага густо поросли ольхой, орешником, от деревьев, хотя они и сбросили лист, стоял полумрак, пахло груздями и прелыми листьями, слышно было, как на дне журчал ручей.

— Года два назад я тут отыскал волчье логово, вон под тем обрывом,— припомнил кузнец.

Втроем спустились в овраг, облазили кусты. Никого. Вернулись к подводе. Решили немного проехать в глубь леса. Но оказалось — тоже безрезультатно.

Слухи о необычном существе, разведка в лесу придали еще большую таинственность этому странному делу. Андрей почти уверовал в существование загадочного преступника. В уголовном розыске он слышал немало историй о «попрыгунчиках», «клюквенниках» — грабителях церквей в саванах... Иной раз страшные и невероятные слухи распускали сами бандиты с умыслом — пугливого человека грабить легче.

Как бы там ни было, но милиционеры должны или задержать «оборотня», или успокоить людей, развеять слухи. «Пусть крестьяне примут участие в облаве и сами во всем убедятся», — другого выхода Яковлев не видел. Он возглавит загонщиков, с которыми заодно еще осмотрит лес, Андрей и два милиционера будут в засаде...

На рассвете кузнец обошел по свежему снегу кромку леса и наткнулся на странные следы вроде кошачих, но размером с шапку, и тут же побежал в деревню... Лес оцпили по правилам волчьей охоты. Андрей в полушубке и валенках, взятых у кузнеца, укрылся за густой елочкой.

По сигналу крестьяне, вооруженные ружьями и вилами, во главе с Яковлевым и оставшимися милиционерами начали

прочесывать лес. Вспугнутые людьми, мимо Андрея пробежали три зайца. Огненно-красная лисица прошла совсем близко, он даже рассмотрел колючий репей на лисьем хвосте.

То ли от холода, то ли от напряжения немного знобило. Справа хрустнула сухая ветка. Андрей повернулся: огромная полосатая кошка большими прыжками бежала на него. Он не поверил глазам своим: тигр! Готовый к встрече с вооруженным бандитом, с чертом, с дьяволом, с кем угодно, но только не с тигром, Андрей обмер. Можно было уже различить на желтоватом лоснящемся боку зверя черные полосы, белые пятна, щетину усов на морде. Заметив Андрея, тигр рыкнул, метнулся назад, но из-за леса ветер донес шум и запах людей. Какую-то секунду зверь стоял в замешательстве и потом пошел прямо на Андрея. Он угрожающе зарычал, припал к земле. Чуть подавшись вперед, Андрей приложил карабин к плечу...

Тигр прыгнул, но страшная боль бросила его на землю. Зверь поднялся и снова кинулся на Андрея. Тот выстрелил второй раз...

Шестеро мужиков поднимали тигра на подводу — зверь весил не менее двенадцати пудов. Тигр был красив: крупный самец, более двух метров длиной и метр с лишним высотой. Андрей попытался обхватить мощную грудь зверя, да так и не смог.

— Клыки-то какие! — удивлялся кузнец. — Он ими Динку зараз заporол, а жрать не стал. Может, спугнул кто или сытый был.

Вместе с мужиками милиционеры на подводах вернулись в Елизаровку. На последней телеге, оскалив пасть, лежал «оборотень». Вся деревня высыпала посмотреть на диковинного зверя.

В этой необычной истории Яковлев не мог уяснить одного: как в подмосковные леса попал тигр?

На Петровке в приемной начальника он первым делом заинтересовался у дежурного о Хрыне.

— Нормально, взяли. А тогда ты был прав: Хрыня узнал о засаде.

— Товарищ Яковлев, заходите,— пригласил начальник.— Докладывайте о поездке.

Яковлев рассказал все как было.

— А можно было не стрелять, поймать тигра?

— Разве такого поймаешь?.. К тому же тигроловством не приходилось заниматься, все больше с двуногими дело имел.

— Жаль,— начальник управления протянул телеграмму.

Яковлев бросил на нее недоуменный взгляд. «Время переезда Ленинград вагона бежал уссурийский тигр. Прошу принять меры задержанию. Директор зоопарка Зверев».

Все стало на свои места.

— Надо же...— усмехнулся Яковлев.

— А куда же коровы исчезали, не мог же он их один съесть?

— Их подкулачники сами резали, а на тигра сваливали, точнее, на «оборотня».

Автомобиль, извозчики и пешеходы

Тоненькая книжечка в мягкой, серой, с голубыми квадратами обложке называется «Правила движения по городу Москве пешеходов и всех видов транспорта». Это первые правила движения, изданные в 1930 году. При Управлении Московской милиции тогда был создан подотдел регулирования уличного движения — РУД. Потом стал отдел — ОРУД. Начальником его назначили Б. М. Соколова. Всеми вопросами правил уличного движения занимался бывший шофер-выдвиженец, инспектор А. Г. Швайко. Комиссию по выдаче прав водителям возглавил инженер Мерецкий. Из наиболее технически грамотных милиционеров был сформирован отряд ОРУДа.

Необходимость в таком учреждении уже давно назрела, потому что из года в год уличное движение в Москве росло. А вместе с ним росло и количество несчастных случаев на улицах. Чаще всего они происходили от незнания правил

уличного движения не только жителями города, но и работниками транспорта: шофёрами, извозчиками. Чтобы правила знало население, необходимо было их напечатать. Так появилась книжечка «Правила движения по городу Москве пешеходов и всех видов транспорта». В ней четко указывался порядок сдачи экзаменов и получения водительских прав на управление лошадью и машиной. Подробно назывались, например, неисправности, с которыми автомобиль нельзя выпускать из гаража. Не допускалась езда по городу на автомобиле с разошедшимися колесами, с погнутой или надтреснутой рамой, с милицейским свистком вместо сигнала, с чрезмерным дымом при движении... Разрешалась скорость движения по городу не более 40 километров в час.

С изданием правил повышалась ответственность водителей и пешеходов за безопасность на улицах, а тех, кто их нарушал, штрафовали.

Автомобили и лошади по городу могли передвигаться только в том порядке, какой указывали правила. Автомобили и лошади! В жизни города лошади еще занимали большое место. На гужевом транспорте тогда перевозилось более половины всех грузов. Да и у легковых извозчиков пассажиров было много. Не по всем улицам Москвы проходили трамвайные пути, автобусов ходило мало, о троллейбусах не было и речи. Многие москвичи добирались домой на пролетках, а зимой — на санях. Потому-то в «Правилах» 1930 года так подробно говорилось об использовании конного транспорта.

К управлению конными легковыми экипажами допускались граждане не моложе восемнадцати лет, а на ломовых подводах могли работать только с двадцати лет. Раз в неделю, по средам, к площади Свердлова тянулась вереница извозчиков, тех, кто хотел им стать. Громко цокали по мостовой подковы. Нужно было спешить, потому что в этот день у Китайской стены с 9 до 11 часов утра специальная комиссия с ветеринарным врачом проверяла, исправен ли экипаж, умеет ли хозяин обращаться с лошадью, упряжью, управлять экипажем. Выдержавшие экзамен получали справку на выдачу городских знаков.

Легковым извозчикам выдавались два знака. Знак большого размера с крупными цифрами крепился на задке пролетки или санок. Другой знак был на левой стороне козел. По правилам, ломовые подводы для езды по городу тоже должны были иметь два знака. Знак большего размера с крупными цифрами прикреплялся к дуге с левой стороны, другой знак извозчик носил при себе.

Кто не выдерживал испытания, к езде по городу не допускался.

Извозчики обязаны были хорошо содержать лошадей. Так, правила извозчикам категорически запрещали ездить на больных и хромых конях. Ломовые извозчики должны были нагружать повозки так, чтобы вес груза соответствовал силе лошади и она могла свободно везти его, не выбиваясь из сил. Хозяин лошади обязан был гуманно обходиться с ней, не применять на вожжах шипы, острые удила и другие мучительные для лошади предметы упряжи. Жестоких людей лишали права работать извозчиком.

В книжке первых Правил был загадочный раздел, не имеющий никакого отношения к транспорту. На последних двенадцати страницах находились объявления. Объявления самые разные, в том числе и частных предпринимателей, рекламирующих свое производство. Например, вот это: «Рессорная мастерская Василия Семеновича Титова. Москва, Каретный ряд. Кр. Пролетарская (быв. Пименовская ул.), дом № 10, тел. 5-54-74». А вот еще: «Сварка всех металлов и резка. С. Бобков...», «Авто-кузовная мастерская В. С. Иванова изготовляет новые кузова ко всем машинам разных марок...»

Объявлений много. Но какое отношение они имеют к московскому ОРУДу, издавшему Правила? Попытался узнать у ветеранов милиции. Безуспешно. Но была же какая-то причина для их публикации!

Разгадать ее помог бывший инспектор по регулированию уличного движения в Москве Альфред Григорьевич Швайко.

— Еще в 1928 году, до организации подотдела РУД,— рассказывал Швайко,— меня направили в московскую мили-

цию инспектором по регулированию уличного движения. Я возглавил первую группу энтузиастов-регулирующих. Работы навалилось много. Начальник административного отдела Московского Совета товарищ С. Б. Лобанов поручил мне подготовить проект Постановления Президиума Моссовета «О движении по улицам гор. Москвы». В марте Постановление утвердили, оно включало основные требования к уличному движению и к транспорту.

За прошедший год мы накопили кое-какой опыт, в отделении регулировки предложили свести все документы в единые правила и издать их книжечкой, недорогой, которую бы легко мог купить и водитель, и житель Москвы. Товарищ Лобанов поддержал нас. «Дело важное, готовьте! — сказал он. — Рассчитывайте на мою поддержку».

За полтора месяца подготовили правила к изданию. Поехали на Чистые пруды. Заведующий издательством поинтересовался: «Каким тиражом хотите издавать? Бумага на книжку имеется?» Я ответил ему, что бумагу найдем. «Хорошо, — отвечает заведующий, — сейчас подсчитаем». Придвинул счета, постучал быстро костяшками и назвал сумму типографских расходов. Деньги нужны были порядочные. Доложили Лобанову. И выяснилось, что таких денег он выделить не может. Не было денег и в транспортном отделе коммунального хозяйства, куда мы обратились. Конечно, приуныли. Опять поехали в типографию. Объяснили ситуацию. «Чем же вам помочь? — и заведующий предложил: — Поместите в книжке объявления, соберите за них деньги (а они публикуются за плату) и на них издадите Правила. Заведующий издательством обещал нам выделить знающего человека. Доложили Лобанову. Он согласился. Мы так и поступили. На собранные за объявления деньги Правила были отпечатаны в 10-й типографии «Заря Коммунизма» тиражом в десять тысяч экземпляров.

Судьба первого начальника отделения регулирования уличного движения Швайко необычна, о нем стоит рассказать подробнее.

В 1917 году унтер-офицер А. Г. Швайко служил в 41-м от-

делении автоброневоего дивизиона в Петрограде. Броневики в то время были самым грозным оружием в царской армии. Поэтому дивизион находился на особом положении, а на командных постах были наиболее преданные царской фамилии офицеры, многие — выходцы из титулованных дворянских семей: графы и даже князья. Дисциплина поддерживалась строжайшая. И, несмотря на все запреты, революционные настроения проникли в казарму, затронули определенную часть нижних чинов.

Большевикам удалось создать в броневом дивизионе подпольную ячейку. Руководил ею бывший рабочий коломенского завода унтер-офицер Георгий Васильевич Елин.

В дни Февральской революции многие офицеры, боясь расправы солдат, покинули дивизион. Под влиянием большевиков дивизион без колебаний примкнул к восставшему народу. В те тревожные дни к солдатам пришли за помощью рабочие делегаты от Петроградской стороны. Офицеры и юнкера, засевшие на баржах, держали под обстрелом мост через Малую Невку. По нему рабочие отряды не могли пройти к центру города. Выслушав делегатов, Елин разыскал Швайко в мастерских.

— Возьми четыре машины и турни юнкеров от моста.

Примерно через час к Малой Невке подошли броневики, развернулись и пулеметным огнем разогнали юнкеров. В тот же день шоферы разоружили в Лесном самокатную команду, выступившую на стороне царя.

Швайко непосредственно руководил захватом особняка балерины Кшесинской. В нем разместились околоток (санчасть) и общежитие дивизиона. Особняк еще не раз будет упоминаться в истории революции как штаб большевиков.

Большевики понимали, какую силу представляют броневики в грядущих революционных событиях, поэтому видные работники партии Н. И. Подвойский и В. И. Невский вели неутомимую работу среди солдат и шоферов броневоего дивизиона. И им удалось привлечь солдат на сторону революции.

3 апреля 1917 года утром Подвойский — председатель

Военной организации большевиков — встретился с Елиным и сообщил ему, что вечером в Петроград приезжает В. И. Ленин. И попросил для встречи вождя вывести к вокзалу броневые автомобили.

— Пусть Ильич сам увидит, каким грозным оружием располагает пролетариат Петрограда, — сказал Подвойский.

Но к этому времени буржуазное правительство ввело в дивизионе, как и по всей армии, жесткую дисциплину — самовольный вывод боевых машин грозил смертной казнью. Елин обещал Подвойскому подумать, как выполнить просьбу Военной организации большевиков.

Унтер-офицер Швайко был старшим в мастерских, где находилось в ремонте несколько бронемашин. Елин встретился со Швайко, таиться не стал, рассказал о просьбе Подвойского.

— Что делать будем?

— Все очень просто, Георгий Васильевич. Механики закончили ремонт двух машин, будем обкатывать, вот их и выведем к вокзалу. Только ребят подберите надежных.

Елин повеселел, все складывалось как нельзя лучше. Договорились о времени.

Вместе с Невским Швайко поехал на Финляндский вокзал, чтобы определить, где поставить машины. Когда они приехали, вся привокзальная площадь была заполнена народом. На перроне выстроился почетный караул из красногвардейцев и моряков-кронштадтцев. Оркестр. Рабочие, солдаты с нетерпением ждали приезда вождя. Однако поезд запаздывал. Стемнело. Швайко вышел на улицу встретить броневики, они должны были вот-вот подойти. Постоял несколько минут. Уловил знакомый шум. Урча моторами, сигналя, требуя дороги, похожие на огромных жуков, к вокзалу подъезжали броневики. Швайко посмотрел на часы, машины прибыли вовремя. Он вышел на мостовую, поднял руку. Когда машины остановились, он показал водителям, где остановиться. Перед царским павильоном броневики развернулись и часовыми неподвижно застыли по обе стороны от выхода.

Вскоре к вокзалу подъехали грузовики инженерной части с прожекторами. Огромные голубоватые иглы яркого света

осветили красные знамена. В дрожащем свете блестели штыки. Люди тихо переговаривались.

Поезд, в котором ехал В. И. Ленин, прибыл в одиннадцать вечера. Оркестр заиграл «Марсельезу». Ленин вышел из вагона. Почетный караул взял винтовки «на караул». В сопровождении Подвойского и других товарищей В. И. Ленин в легком темном демисезонном пальто, держа в руках круглую жесткую черную шляпу, подошел к красногвардейцам и морякам почетного караула. Поздоровался и обратился к ним с речью. Потом прошел в царский павильон. Там он задержался на несколько минут и вышел на площадь к народу.

Подвойский предложил ему выступить с броневика, чтобы все собравшиеся на площади хорошо его видели. Владимиру Ильичу помогли подняться на машину. С броневого башни Ленин протянул руку над морем рабочих, солдат, матросов и заговорил. Вся его речь была страстным призывом к дальнейшему развертыванию революции. Он закончил словами: «Да здравствует социалистическая революция!»

С вокзала В. И. Ленин приехал во дворец Кшесинской, который охраняли солдаты бронедивизиона. Перед дворцом собралось много народа. Никто не расходился, несмотря на поздний час, ждали выступления Ленина. Владимир Ильич с балкона особняка обратился с речью к рабочим Петрограда.

В мае 1917 года Швайко демобилизовался из армии по болезни. Устроился в Петрограде шофером Петрокомпрода. В начале 1918 года коммунист Швайко добровольно вступил в Красную Армию, в только что сформированный третий бронеполк. В его рядах он сражался с белогвардейцами и интервентами.

Не думал и не гадал Швайко, что ему придется снова встретиться с В. И. Лениным. Но судьба распорядилась иначе. Шел 1919 год. Красный бронеполк прибыл в Москву, чтобы отремонтировать на заводе броневика, поврежденные в боях с белыми. Ночью Швайко и еще двух красноармейцев-шоферов вызвал командир отряда Вольберг.

— Швайко! Приведите себя в порядок, почиститесь, побрейтесь и с утра вместе с товарищами отправляйтесь в Кремль.

— Зачем?

— Этого я не знаю...

Было раннее утро, когда они подошли к Троицким воротам Кремля. Дорогу преградил часовой. Спросив, по какому делу и к кому пришли, он вызвал начальника караула. Тот проверил документы и провел шоферов к начальнику транспорта Совета Народных Комиссаров Садовскому.

Разговор был коротким.

— Товарищ Швайко, мы решили тебя, как большевика, и твоих товарищей направить на работу в гараж, ну, знаешь, бывший царский, тот, что в Каретном ряду, для укрепления партячейки и налаживания работы.

Присутствовавший при разговоре уполномоченный ЧК Бельский заметил:

— Учти, солдат, посылаем не только баранку крутить, а как представителя большевиков — наводить революционный порядок у бывших царских шоферов. Держи меня в курсе всех дел.

В тот же день Швайко рассчитался в бронеотряде, попрощался с товарищами. А на другой день отправился в Каретный ряд в гараж СНК.

Новая работа, новые люди.

Партийная ячейка состояла из трех коммунистов. Швайко избрали секретарем. Помимо технических вопросов коммунистам предстояло заняться воспитанием людей, которые еще недавно возили царя и членов царской фамилии. Теперь им предстояло обслуживать членов ВЦИК, народных комиссаров. Конечно, хорошо бы набрать водителей из рабочих. Да где их взять?

Швайко стал водителем на автомобиле И. В. Сталина.

Каждое утро Швайко выезжал из гаража в Кремль. Он был знаком уже со многими народными комиссарами. Но особую радость испытывал, когда встречал В. И. Ленина. Проходя мимо шоферов, он обязательно остановится возле маши-

ны, тепло улыбнется, снимет кепку и поклонится: «Здравствуйте, товарищи шоферы!»

— Я не раз слышал,— вспоминал Швайко,— как в разговоре с соратниками Владимир Ильич в шутку называл шоферов деклассированным элементом. «Удивительно,— смеялся Ленин,— эти люди могут превосходно уживаться с любым правительством. Вчера они возили царя, министров Керенского, фабрикантов, а теперь возят народных комиссаров». Владимир Ильич любил, когда выпадала свободная минута, погулять по кремлевскому двору. Излюбленным местом для прогулок у него была асфальтированная дорожка, что шла от Большого Кремлевского дворца к Боровицким воротам. Здесь я его не раз видел гуляющим с Демьяном Бедным.

— Приходилось мне бывать и на квартире у Ленина,— рассказывал Швайко,— когда требовалось отвезти куда-нибудь Марию Ильиничну или Надежду Константиновну Крупскую.

Не раз доводилось Швайко возить М. В. Фрунзе, Ф. Э. Дзержинского, В. В. Куйбышева, К. Е. Ворошилова и других членов первого советского правительства.

В гараже СНК он проработал до 1928 года. К этому времени партийная организация гаража насчитывала уже более ста коммунистов. По предложению Московского профсоюза шоферов Швайко, как отличный специалист и политически подкованный коммунист, был выдвинут на должность начальника отделения РУД.

С энергией взялся Швайко за организацию нового дела. Но, чтобы контролировать московские автохозяйства, в отделении не хватало специалистов, знающих автодело. А кавалерийский взвод, который выделили в помощь, никак не подходил для регулирования уличного движения. Всадник-регулирующий долго не мог стоять на перекрестке: лошадь не выдерживала, к тому же зачастую пугалась машин. Были кони, которых так и не удалось приучить к автомобилям и автобусам. Доложил по начальству. Обещать пообещали, а конников так и не заменили. Чтобы прекратить бессмыслен-

ное хождение по канцеляриям и писанину, Швайко решил по старой памяти обратиться за помощью к И. В. Сталину. Конечно, это был крайний случай.

Сталин принял Швайко, расспросил о работе, поинтересовался, с какой просьбой пришел. Выслушав его внимательно, довольно резко высказался о головотяпах, а на прощание сказал: «Разберемся».

Швайко получил нахлобучку от наркома за самовольное обращение к Сталину. Но вопрос был решен, конников заменили постовыми милиционерами, прислали пятерых бывших шоферов для работы инспекторами в отделении регулирования уличного движения.

Вскоре все стали специалистами своего дела, изучили правила движения, приемы регулирования, смело и решительно пресекали нарушения. Желание, энергия — дело хорошее. Нужно было внимательно изучить потоки транспорта и пешеходов, чтобы лучше расставить людей, обеспечить безопасность движения.

Теперь московские улицы невозможно представить без светофоров, которые, как маяки, в огромном потоке транспорта указывают водителям путь. Но они появились на улицах не вдруг.

Швайко вместе с инспекторами стал изыскивать наиболее экономный и совершенный метод технического регулирования уличного движения. Потоки транспорта нарастали, чтобы ими управлять, нужны были светофоры. Но в те годы никто их не изготовлял. Пригласили жестянщика и сами в отделении РУД изготовили первые светофоры, которые больше напоминали железнодорожные семафоры с двумя крыльями. Милиционер вручную поворачивал крылья светофора-семафора на 90 градусов.

Порядок на улицах улучшился, меньше стало дорожных происшествий. Швайко с каждым грубым нарушением разбирался сам, строго взыскивал с нарушителей. Случалось, прибегал и к аресту. К этому времени во многих гаражах его уже хорошо знали. Он приезжал в автохозяйства разобрать

с шоферами причины аварий, рассказать об изменениях проезда по улицам, когда они вводились.

Запомнился Швайко такой случай. Регулировщики докладывали не раз, что шофер-лихач из греческого посольства постоянно ездит с превышением скорости. Машину останавливали, шофера предупреждали, но доказательств у милиционеров не было. А без них как привлечь нарушителя, тем более на дипломатической машине!

Швайко тщательно изучил маршрут, по которому обычно ездил лихач. На Тверском бульваре он выставил несколько сотрудников с секундомерами. И когда ничего не подозревавший лихач промчался по бульвару, регулировщики точно зафиксировали скорость автомобиля на каждом отрезке пути. Взяли с собой и свидетелей.

Лихача отстранили от управления автомобилем.

Были разработаны новые системы светофоров, но они тоже не отвечали требованиям. Трудно было управлять потоками транспорта, особенно в темное время.

С созданием подотдела, а потом и отдела ОРУД, с приходом Бориса Михайловича Соколова работа по поиску технических средств еще более оживилась. За плечами у начальника был большой стаж работы в милиции, в которую он пришел в 1917 году. В двадцатые годы, будучи начальником первого Замоскворецкого района, недалеко от Шаболовки, он успешно провел операцию по задержанию преступника-рецидивиста Петрова-Комарова — убийцы, наводившего ужас на жителей Москвы. Соколов, отличаясь незаурядной храбростью, шел на самые опасные задержания. Убийца Петров-Комаров был схвачен, осужден и расстрелян.

Глубокое знание милицейской работы, авторитет Соколова очень нужны были новому отделу. Поддерживая начинания Швайко, он создал при отделе мастерскую. Возглавил ее Н. И. Пупелис. Однажды Соколов пригласил к себе помощников. Они увидели на его столе иностранный плакат с изображением трехцветного светофора.

— Нам бы такой! — размечтался Швайко.

— Попробуем сделать, — сказал Пупелис.

— Сумеете? — поинтересовался Соколов.— Беритесь за работу, но пока об этом не распространяйтесь...

По рисунку на плакате в мастерской изготовили действующий макет. Электрики оборудовали освещение. Светофор получился что надо. Новинку показали в Моссовете, там она всем понравилась. Соколову предложили изготовить и установить для начала два опытных светофора: один на мачте, другой висячий. Мачтовый установили на перекрестке Петровки и Кузнецкого моста, а висячий неподалеку — на пересечении Неглинной с Кузнецким мостом. Новые светофоры работали исправно. Посмотреть на них приходил М. И. Калинин. Он похвалил милиционеров за инициативу.

Лошадей на улицах Москвы с каждым годом становилось все меньше. А потом автомобиль совсем вытеснил их.

Брезентовые мешки

Первая фугаска упала на здание райисполкома, другая угодила в помещение Волковыского отдела НКВД Гродненской области. Вспышки от взрывов бомб осветили ночной город, потом загрохотали так, что со звоном вылетели стекла из окон госбанка. Большая серия фугасных бомб вызвала разрушения и большие пожары. Испуганные люди бегали по улицам, наполняя их криками и плачем. А в ночном небе затихал, удаляясь на запад, вороватый гул фашистских бомбовозов.

Старший милиционер Петр Иванович Косило с милиционером Павлом Васильевичем Семенчуком находились на посту в помещении госбанка. После первого взрыва они выбежали на балкон, не думая об осколках и опасности. Они услышали уходящие от Волковыска самолеты.

Косило немедленно позвонил в райотдел, чтобы узнать, что им делать. Никто не ответил. Милиционеры не знали, что он разрушен. Звонил в райком партии — там дежурный тоже молчал. «Плохи наши дела,— подумал Косило.— Нужно что-то предпринимать, в здании находятся большие ценности».

Опять выбежал на балкон к Семенчуку. Тот стоял, вцепившись в металлическое ограждение балкона, и, словно заколдованный, смотрел, как в разных местах города полыхали пожары. Зловещие блики бились и над кварталом, где жили семьи милиционеров.

— Бежим скорее,— Семенчук потянул Петра вниз.— Ребятишки погибнут. Бежим...

— Они там не одни, им помогут люди. А из отдела кого-нибудь нам пришлют на усиление... Тогда побежим, а пока будем здесь.

Косило снова побежал к телефону. Под ногами захрустело стекло, ветер свободно залетал в распахнутые окна, шелестел бумагами. Тихий шелест отдавался в сердце тупой болью. Косило с остервенением крутил ручку телефона. Молчание. И никто не мог сказать им в ту ночь, что случилось. Они не предполагали, не могли думать, что через несколько минут обстоятельства потребуют от них колоссального напряжения сил и воли. Этого постовые не знали, но были готовы до конца выполнить свой долг, как солдаты.

— Петр! — окликнул Семенчук.— Слышишь, опять летят...

Невидимые в темноте самолеты гудели уже над головами. Госбанк слегка тряхнуло. Потом послышались какие-то удары по крыше — это падали зажигательные бомбы. Пробив кровлю, одна из них застряла на чердаке, зачатила, и тут же от нее сухие стропила загорелись.

— Ключи от хранилища!.. Зови бухгалтера, кассира. Я попытаюсь потушить,— торопил Косило.— Быстрее, Павел!

Разбив огнетушитель, Косило направил струю на вязкую горящую массу. Но не тут-то было. Термитная начинка бомбы разгоралась еще сильнее.

На чердаке вскоре уже бушевало пламя, оно вот-вот могло перекинуться вниз, когда милиционеры вместе с бухгалтером и кассиром вынесли из стального хранилища на площадь перед банком шесть брезентовых мешков, опечатанных сургучом.

— Что же это делается, товарищи! — без конца причитал

бухгалтер.— Куда же мы с таким грузом без машины и без конвоя двинемся? Там же не бумага, а деньги!..

— Не шумите,— остановил Косило.— Кто же, гражданин бухгалтер, об этом так громко кричит, да еще на улице? Запомните: в мешках не деньги, а архивы загса... Понимаете? Простая бумага. Да не дрожите как в лихоманке, вас же никто не убивает! Успокойтесь!

— Вы тут без меня побудьте, а я домой сбегая — попрошаюсь, переоденусь.

Косило внимательно оглядел бухгалтера: костюм на нем приличный, ботинки справные. Времени же у них в обрез, фашист опять вот-вот налетит, тут не до прощания...

— Ничего, сойдет и так ваша одежда, товарищ бухгалтер, сейчас не осень. Куда ехать?

— На Барановичи, а потом в Минск,— покосившись на мешки, ответил бухгалтер.

— Понятно. Семенчук, бегом на площадь, гони сюда первый попавшийся грузовик! Не мешкай и особенно не объясняйся. Ждем тебя!

Семенчук сначала было направился к рынку, там обычно еще с вечера стояли машины с колхозными овощами и птицей. Но увидел на площади только одинокий грузовик-полуторку, прижавшуюся к тротуару. Возле автомашины — ни души. Однако, приглядевшись, милиционер заметил под грузовиком шофера, видимо, спрятавшегося туда от бомбежки.

— Эй, друг! Вылезай! — окликнул Семенчук.— Садись в кабину!

— Ехать далеко? — отряхнувшись, спросил водитель.— А то я своих жду.

— Поехали. Объяснишь, что милиция задержала.

— Скажите, товарищ милиционер, война началась?!

— Точных данных у меня нет, не располагаю. Но похоже,— ответил Семенчук, устраиваясь рядом с шофером.

На полуторке он подкатил к госбанку.

Косило внимательно осмотрел машину. Залез в кузов, отодвинул брезент, смятое ведро, пустые мешки, ватную телогрейку.

Каждый казенный брезентовый мешок с деньгами старший милиционер засунул в те, что лежали в кузове, и аккуратно завязал. Было немного странно: занятый погрузкой, он совсем не волновался, будто всю жизнь только тем и занимался, что возил миллионы на грузовиках. Из районного отдела НКВД так никто и не пришел. Видно, некому было... Погибли...

Здание горело изнутри. Гулко лопались от огня стекла. Но им было не до тушения. Все сразу признали Косило старшим. Так оно и было. Даже шофер — курносый парень в кепке «бобочке» — не возражал. Ему самому не терпелось поскорее выбраться из горящего города.

Когда мешки были уложены и заботливо накрыты брезентом, Косило скомандовал:

— Семенчук, кассир и вы, бухгалтер! побыстрей залезайте в кузов. Поехали!

Косило вынул из кобуры пистолет и переложил его в карман галифе. Шофер покосился.

— Парень, газуй изо всех сил на Барановичи!

Грузовичок затарахтел. Шофер выжимал из старенького мотора те немногие лошадиные силы, которые сохранились в нем. Над Волковыском стоял маслянистый дым — догорала нефтебаза. В посветлевшем небе появилась новая шестерка фашистских бомбардировщиков. Косило откинулся на сиденье, сдвинул на затылок фуражку, вытащил «беломорину» измятой пачки, но так и держал папиросу незажженной. Он многого еще не знал, как и его спутники. Но догадывался, что случилось страшное, непоправимое, что надолго выбьет его из привычной колеи. Он, Косило, находясь на посту, все ли сделал так, как было нужно? Он, старший милиционер Петр Косило, самовольно увезший, не согласовав с начальством, брезентовые мешки... А если бы... Не хватит ли терзаться сомнениями? Любое принятое решение лучше бездействия. По-честному, если что и тревожило Косило, так это неизвестность и оставшаяся там, в Волковыске, семья.

Тем временем благополучно выбрались на большак. Несмотря на столь ранний час, по дороге шли и ехали на по-

возках люди. С узелками, одетые и полураздетые, они, судя по всему, надолго уходили с насиженных мест. Уходили от войны, от смерти. В придорожных кустах Косило приметил замаскированный ветвями военный грузовик.

— Останови! — приказал он шоферу. — Пойду разузнаю обстановку.

Увидя человека в милицейской форме, красноармейцы переглянулись.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здорово! — ответил за всех сержант. — Предъявите документы!

Прочитав удостоверение, еще раз оглядев Косило, сержант вернул документ.

— Куда путь держите? — спросил доброжелательно.

— В Барановичи. Объясни, браток, что все это значит? — спросил Косило, кивнув в ту сторону, откуда доносилась артиллерийская пальба.

— А это значит, дорогой товарищ милиционер; — война! Немцы на нас напали.

— Значит, все правильно...

— Ты это о чем? — переспросил сержант.

— Это я про свою милицейскую службу говорю, — ответил Косило. — Хлебом не богаты?

— Васильев, — позвал сержант. — Выдайте товарищам милиционерам пару буханок и консервов. Что же вы в дорогу тронулись, а харчами не запаслись?

— Так пришлось, — уклончиво ответил Косило.

Вернувшись к своим, он рассказал о том, что услышал от сержанта, и добавил:

— Немцы прут, от границы уже далеко продвинулись. Бои идут жаркие.

Бухгалтер сразу сник.

— Может, сжечь деньги? Составим акт. А иначе пропадем с ними.

— Тоже придумал! — возмутился Косило. — Давайте без паники! Поехали в Барановичи.

На большаке людской поток нарастал. Тесня беженцев на

обочины, гроыхала конная артиллерия, двигались армейские повозки, груженные зелеными ящиками. Шли кавалерийские подразделения, пехота. Временами выныривали из-за облаков удлинненные, похожие на ос, «мессершмидты», и тогда люди разбегались, ища спасения в канавах и кустах. Ржали испуганные кони.

Ни на одну минуту дорога не оставалась пустой. К тому же уставшие, испуганные беженцы окружали грузовик, просили взять хотя бы женщин с детьми. И не было никаких сил отказать им. Но не посадишь же всех на деньги?

Укрываясь от артобстрела и бомбежек, грузовик благополучно въехал в Барановичи. Но опоздали — госбанк эвакуировался.

Косило не покидала надежда, что все-таки удастся сдать деньги. Загнав машину во двор дома, покинутого хозяевами, он отыскал в дровяном сарае топор, и Семенчук нарубил вишневых веток. Ими и замаскировали машину. Бухгалтера с кассиром послал в город договориться с властями о деньгах.

Закрыв машину так, что ее в десяти шагах не стало видно, втроем уселись в тени и стали терпеливо ждать возвращения банковских работников. Клонило в сон. Тревога не оставляла Косило, он то и дело поглядывал на большие карманные часы. Солнце уже клонилось к закату, ветки от маскировки стали сохнуть, а тех двоих все не было. Не пришли они и к ночи. И Косило понял — не придут. Не выдержав напряжения, они отстали, а может, просто сбежали, бросив на произвол судьбы деньги и товарищей.

Встречные военные предупредили, что ехать к Минску нельзя — там идут бои.

— Теперь мы с тобой, Семенчук, в полном ответе за ценности. Что будем делать?

— Если на Минск нам ехать нельзя, двинем на Могилев и там сдадим эти треклятые мешки — и домой. А сейчас самое время перекусить, живот подвело.

— Дело говоришь. Харч и на войне — первое дело.

Косило расстелил на земле чистый носовой платок, раз-

ложил на нем нарезанный крупно хлеб, открыл консервы, принес с огорода несколько луковиц.

— Садитесь, хлопцы, подкрепимся перед дорогой.

Влажный воздух густо настоялся на запахе трав. С огорода вкусно тянуло чесноком и укропом. На землю пал густой туман, недалеко была река. За нею в направлении Минска непрерывно грохотало и гремело. Там шел бой. Косило зябко пожегился.

Хорошо, что они с Семенчуком прихватили шинели. Косило накинул шинель. Прислушался. Грохот за рекой не умолкал.

«Война! — не давала покоя мысль. — Как-то там мои, живы ли?» Хотелось немедленно возвратиться в Волковыск. От невеселых мыслей отвлек шорох. Кто-то крался к автомашине.

— Семенчук! — тормозил Косило товарища. — Семенчук, слышишь?

Мелькнула тень. Косило, нащупав в кармане ребристую рукоятку, вытащил пистолет, щелкнул курком. Шагнул в темноту.

— Кто здесь?

Из-под машины вылезла собака. Ее, видимо, привел сюда запах хлеба. Пес голодал. Он обрадовался людям, появившимся здесь, возле опустевшего дома, в котором когда-то жили хозяева. Пес завилял доверчиво хвостом, подошел к Косило.

— Когда успел так отощать? — Косило протянул собаке хлеб. — И нам веселее. Будешь сторожем. Ешь, не стесняйся.

Как бы соглашаясь с человеком, пес, взяв хлеб, лег недалеко от машины.

Чуть рассвело — грузовик затарахтел. Собака заволновалась: кажется, и эти знакомые хотят оставить ее...

— Извини, пес, спешим. Как-нибудь проживешь один до возвращения хозяев. Вот, возьми. — Косило протянул собаке остатки хлеба.

Пес даже не посмотрел на пищу. Грузовик поехал дальше. Собака еще долго бежала следом, потом отстала.

Бои шли совсем рядом. Беженцы рассказывали о фашист-

ских танках и мотоциклистах, которые заезжали в села. Нередко подразделения Красной Армии у дороги разворачивались и вступали в бой с немецкими дозорами.

Возле Столбцов шофер пошел за бензином и не вернулся.

Пробовали тащить мешки на себе. Да где там! Разве с такой ношей далеко уйдешь? Подтащили груз ближе к дороге, в расчете, что, может, оказия подвернется. Хлеб и папиросы кончились. Денег карманных самая малость осталась. Решили экономить.

Проезжие видели у обочины двух милиционеров, но не останавливались. Кого теперь не увидишь на дороге! Эко диво — два милиционера! И никому не скажешь: «Помогите! У нас же государственные деньги!» Приходится молчать — мало ли диверсантов, темных людишек, которых подняла война с темного дна, теперь рыщут в прифронтовой полосе. Содержимое брезентовых мешков — тайна, которую надлежало хранить. Ведь милиционеры и теперь оставались на посту.

Косило ушел в село, пригнал подводу. Уложили на повозку мешки — и опять в путь. Пошли третьи сутки их неожиданного путешествия. Оба валились от усталости. Но спали по очереди, прямо на подводе.

Радовало милиционеров одно — в полной сохранности груз.

На переправе через Случь осколком бомбы убило коня. Спасибо, выручили красноармейцы. Они накормили сотрудников, а главное, согласились подбросить до Могилева.

— Печетесь о своем грузе, словно в мешках золото или деньги.

— Скажешь тоже, деньги... Товарищ младший лейтенант, кто же их так возит? — небрежно ответил Косило. — И в войну деньги возят инкассаторы. А тут архивные бумаги. Приказали доставить в Могилев, вот и везем.

— Нарветесь на фашистов — тут и бумагам конец, и вам крышка. Закопайте — и дело с концом, — посоветовал младший лейтенант. — Я расписку дам, если нужно.

— Спасибо, но не имеем такого права, товарищ коман-

дир. Сами знаете — приказ выполняют, а не обсуждают. А мы люди маленькие, начальству виднее.

— Молодец, милиционер! Службу знаешь, — похвалил младший лейтенант. — Залезайте со своими бумагами в кузов.

— На ваших мешках все бока отобьешь, — усаживаясь, ворчал белобрысый красноармеец. — Это сколько бумаги исписали, чернильные души! — ощупав мешок, проговорил он. Приятель, подвинься, — обратился он к соседу. — Пусть милиционеры сядут.

Он еще что-то говорил о бюрократах, для которых бумаги дороже людей.

Косило не слышал красноармейца — он сразу уснул. Проснулся, когда машина подходила к Могилеву.

Бойцы сбросили мешки. Попрощались.

— Счастливо оставаться, «бумажные души».

Машина тронулась. Косило только теперь заметил, что не хватает мешка. Везли шесть, а осталось пять. Рванулся вдогонку за грузовиком, который пылил на дороге, набирая скорость. Где там! Выхватил пистолет, дважды выстрелил вверх.

На грузовике услышали, остановились.

— Что случилось? — спросил младший лейтенант.

— Мешок в кузове остался, — подбежав к машине, задыхаясь, проговорил Косило.

— И настырный же ты, товарищ милиционер. Сейчас пощем. Ну-ка, просыпайтесь! — приказал командир.

Мешок отыскался: его положил под голову белобрысый.

— Из-за чего людей беспокоишь! — ругнулся боец. — Держи свой мешок!

На улицах Могилева, как после пожара, белели листки, бланки каких-то квитанций, валялись детские коляски, матрасы...

Найти в городе госбанк было делом нехитрым.

— Мы привезли деньги,— заявил управляющему Косило.
— Никаких денег мы не ждем. Откуда? Вы инкассатор?
— Мы из Волковской милиции.
— Куда вас занесло... Документы на деньги?
— Какие документы? — переспросил Косило. — Они у бухгалтера.

— Где же он?

— Нет его. Одним словом, отстал,— объяснил милиционер.

— Чтоб бухгалтер отстал от денег... Такого еще не бывало.

— Может, раньше не бывало, а теперь случилось. Отстал не один, а на пару с кассиром. А может, просто сбежали.

— Без документов деньги не приму, не хочу под трибунал идти. Много денег?

— Шесть мешков.

— Сумма какая?

— Этого я не знаю. Мы их спасли из горящего банка...

— Мой вам совет, дорогой товарищ. Везите их в Шклов. Мы свои ценности туда уже отправили, а сами через час выезжаем.

— Захватите и наши мешки, в них деньги не чужие — народные,— настаивал Косило.

— Я же вам русским языком объяснил — без документов принять не могу. Надо еще разобраться, откуда они у вас.

— То есть как — разобраться? — не понял Косило. — Мы сотрудники органов. Вы что, форме не доверяете?

— Теперь форму многие носят. Будете скандалить — вызову охрану.

«И вызовет,— подумал Косило. — Телефонной связи с Волковыском нет. Пока выясняют личность, то да се, денежки могут пропасть. Ищи потом».

В горотделе НКВД, кроме дежурного, никого из начальства не было. Рассказывать ему о своих бедах Косило не стал. Сунулся в горком партии — секретари в отъезде.

Чем больше будет знать людей о деньгах, на столько же убавятся шансы их сохранить. Косило вздохнул: «Как же это

мы об этом раньше не подумали?» Трое уже знали о брезентовых мешках: бухгалтер, кассир, шофер... Теперь — управляющий. Вот как дело-то обернулось...

— На автомашину нам рассчитывать не приходится, — задумчиво проговорил Семенчук. — Какие имелись в городе, уже укатили. Коней надо искать. Такое мое предложение, Петр Иванович, их много шастает.

Конечно, кони! Как же он сам об этом не подумал! Еще с машины он приметил на поле недалеко от города несколько лошадей, брошенных, видно, хозяевами. Может, среди них были и раненые, и больные, но были и здоровые.

Три лошади понуро стояли недалеко от обочины, две спокойно паслись на огородах. А если хорошенько пошарить по дворам, отыщутся и седла, которые запасливые мужики снимали с убитых красноармейских лошадей.

Косило сразу повеселел от таких мыслей. Даже о неприятном разговоре с управляющим забыл. Теперь он знал, что им с Павлом делать.

Не ахти каких раскормленных рысаков, но трех коней милиционерам удалось поймать, отыскиали и седла. Даже реквизировали у мальчишек кавалерийский карабин с десятью патронами. Его Косило отдал Павлу Семенчуку.

Лошади милиционерам попались смирные: две гнедые, третья, серая в яблоках, чуть припадала на заднюю левую. Конечно, с конями морока немалая: прокормить, напоить, следы, как бы холку не набить. Но теперь у милиционеров был свой транспорт.

Днем они сворачивали с большака в укромное место; стреножив лошадей, пасли поочередно. В темноте все-таки двигаться было надежнее, села и деревни обходили стороной, лишних глаз избегали.

На окраине Шклова перед шлагбаумом милиционеров остановили красноармейцы-пограничники. Потребовали документы, поинтересовались, откуда и куда путь держат, что за груз в мешках.

— Мы выполняем особое задание, — коротко объяснил Петр Косило.

— Какое?

— Об этом могу доложить только комиссару, и никому более.

— А вот он и сам едет,— показал сержант-пограничник на приближающуюся со стороны города «эмку».

Выслушав доклад старшего по контрольно-пропускному пункту, комиссар кивнул в сторону милиционеров.

— Что за люди?

— Сотрудники Волковыской милиции, ждут вас.

При виде красной с золотым шитьем звездочки на рукаве гимнастерки, сердце у Косило радостно забилось.

— Слушаю вас, товарищи,— нетерпеливо бросил батальонный комиссар.

Косило предъявил удостоверение и рассказал, что за груз они везут в мешках, возле которых стоял с карабином Семенчук. Комиссар пощупал их.

— Если бы не увидел, ни за что бы не поверил в вашу одиссею. Сказка, да и только! — удивлялся он.— Вы даже не знаете, не представляете, что спасли для страны! И верю — и не верится! Садитесь в мою машину, берите для охраны автоматчика и сдавайте поскорее свой груз.

— Товарищ комиссар, пусть пока наши кони возле КПП побудут. Они нам еще пригодятся.

— Не возражаю.

Комиссар подошел к машине и переговорил с шофером. Он и не пытался скрыть своего восхищения двумя неизвестными милиционерами. «Надо будет фамилии записать. Не часто такое встречается, да и бойцам не лишне узнать о патриотах»,— решил комиссар.

Деньги сдавал Косило, а Павел Семенчук поджидал его на скамейке напротив банка. Из окон высовывались люди, что-то рассматривали. Павлу и невдомек было, что они хотели посмотреть на него.

Не обращая внимания на любопытных, Семенчук ждал. Он потерял счет времени, когда увидел наконец в дверях сияющего старшего милиционера Петра Косило.

— Что-то ты долго. Приняли?

— Пересчитали до последней бумажки и приняли. Все нормально. Зайдем теперь, Павел, в столовку, пообедаем по-настоящему.

— А на какие шиши? У меня копеек пятьдесят наберется.

— Да у меня около рубля будет,— прикинул Косило.— Порядок. На борщ и котлеты хватит. Деньги от учебников еще остались: в воскресенье с дочкой собирались учебники купить,— пояснил он приятелю.— Как они там? В Волковыске уже немцы, я ничего не сумел узнать о наших семьях.

— Скверно! — только и сказал Семенчук и помрачнел.

Утешать Косило его не стал. Сам отойдет. Так оно и случилось. В столовой Павел поинтересовался:

— Петр Иванович, много ли денег в тех мешках было? Может, мытарств наших не стоили, зазря таились?

— Ой, много, Павел! Страшно даже выговорить — два миллиона пятьсот восемьдесят четыре тысячи рублей. Вот какая грудища!

— Ух ты! И верно, много. Расписку дали?

— А как же, благодарность объявили. И расписку по всей форме вручили. Акт, вот смотри.— Косило протянул документ с гербовой печатью.— Полный порядок. Читай...

Павел Семенчук внимательно прочитал всё, и подписи тоже. «Акт подписали: управляющий Шкловским отделением госбанка З. Сигалов, главбух А. Козловский, старший кассир М. Воробьева. 31 июля 1941 года».

Хлебные карточки

Зеленоватые, красноватые, серые листки, расчерченные на аккуратные квадраты. В годы войны они были буквально жизнью для каждого городского жителя. Теперь же их можно увидеть только в музеях. Если бы эти бумажки могли вдруг заговорить, ты услышал бы суровую историю о том, что они впервые появились 1 июля 1941 года. В этот день московские газеты опубликовали сообщение Московского Совета о введе-

нии в городе карточной системы торговли хлебом, мясом, сахаром, крупами, жирами и промышленными товарами, одеждой, обувью.

Это была вынужденная мера. Она означала, что с этого дня страна переходит на строгий режим экономии. Как никогда, надо было беречь каждый килограмм хлеба, так необходимого для воинов Красной Армии, для тружеников тыла, для нашей победы.

Дневная норма хлеба для рабочих и инженерно-технических работников устанавливалась 800 граммов, для служащих — 600 граммов, а для неработающих и детей до 12 лет — 400 граммов. Рабочим полагалось на месяц: крупы — 2 килограмма, сахару — 1,5 килограмма, мяса — 2,2 килограмма, рыбы — 1 килограмм, жира — 800 граммов. Для служащих, неработающих и детей нормы были значительно ниже. Что делать? Это было все, чем тогда располагало государство. Хлеб и другие продукты можно было купить по карточкам не в любом, а только в определенном магазине, к которому был прикреплен человек.

Скромные пестренькие бумажки. Побежал Ленька с ними в булочную. А на улице столько интересного: красноармейцы с винтовками в строю идут, кони пушки тянут, аэростаты воздушного заграждения... Мальчишка отщипывал корочку от теплой еще буханки хлеба — хлеб такой вкусный! — засмотрелся на пушки. А хлебные талоны мимо кармана сунул. Лишь дома обнаружил, что карточек нет. Потерял.

— Что ты наделал?! Без карточек как жить будем, где хлеба возьмем! — плача, причитала мать.

Испугался Ленька. Побежал в карточное бюро, постучал в окошечко. Из него выглянул симпатичный старичок в очках, с седой бородкой. Лицо у старичка в маленьких морщинках, доброе.

— Что тебе, мальчик?

— Дядя, я карточки хлебные потерял, мама плачет. На меня не выписывайте, я обойдусь, а на папу с мамой вы-
дайте...

— Ай, ай, ай! — заохал старичок. — Такой большой, а порядка не знаешь. И рад бы помочь, да не могу. Взамен утеранных карточки не выдаются и вперед не выдаем. Придется ждать нового месяца. Так и объясни маме.

Что ей объяснять? Она сама знает. Задумался мальчишка. Может быть, впервые за свои двенадцать лет. Увидел отец, что сын переживает, даже ругать его не стал. Только и сказал:

— Ленька, это тебе урок на всю жизнь.

Мать уже не плакала. Пока Ленька в бюро ходил, они с отцом обговорили, как будут жить до выдачи новых карточек.

— Продам на толкучке пуховый платок, летом он мне все равно не нужен, а на вырученные деньги хлеб будем на рынке покупать, — вздохнула мать. — Жалко платок — мамин подарок мне. Ну, да ничего, проживем.

Прошло несколько дней.

— Одно не пойму, — сказал как-то отец. — Конечно, бывают обстоятельства, когда человеку срочно деньги понадобятся, волей-неволей хлеб продашь. Да только такое не часто бывает. Ты же, мать, хлеб у тети Доры покупаешь. Она что, святым духом питается?

— Дора — женщина культурная, ни в чем плохом не замечена. Напраслину, отец, на нее не возводи. Спасибо, что выручает. Карточки ей, она рассказывала, шоферы оставляют. Конечно, тоже не бесплатно.

— Что-то тут не так.

Иван Семенович знал, что рабочие и служащие хлебные карточки получают по месту работы, а остальные — по месту жительства в карточных бюро при домоуправлениях.

В Москве скопилось много эвакуированных. Начались перебои с хлебом. Цена на хлеб на рынке подпрыгнула. Спекулянты просили за буханку ржаного хлеба 120—150 рублей. Разве пухового платка хватит, чтобы прожить?

Неизвестно, по каким каналам, но хлеб попадал спекулянтам. Нечестные люди воровали и карточки, а потом продавали на черном рынке. Получив об этом первые сигналы, опера-

тивные сотрудники ОБХСС взяли на учет все карточные бюро при домоуправлениях. Участковым уполномоченным было приказано проверять работу всех точек: кому и как выдаются хлебные карточки. Теперь без проверки и разрешения органов милиции ни одного человека не назначали на работу в карточное бюро. Распределять хлеб могли только честные люди.

И все-таки хлеб и карточки продолжали продавать на рынке.

Преступников искали, но для такой работы не хватало людей. Ведь многие сотрудники столичной милиции ушли на фронт.

Надев штатский костюм, оперуполномоченный ОБХСС Андриашин встал в очередь в булочную. До открытия магазина было еще часа полтора, но народу уже собралось много. Люди терпеливо ожидали открытия магазина. Две энергичные женщины стали переписывать номера. Хлеба на всех могло и не хватить, поэтому люди сами строго следили за порядком в очереди. Номера на руке нет — к прилавку не подпустят. Андриашин, как и все, протянул женщине руку. Послужив химический карандаш, она написала ему на ладони цифру 201.

— Гражданин, вы, наверное, новенький? Больше переписывать не будем. Можете погулять, но далеко не отходите, булочную скоро откроют.

— Спасибо, — поблагодарил Андриашин. — А у вас строго.

— Без этого нельзя! Разве мало ловкачей толкается? Порядок один для всех, — объяснила женщина.

Андриашин отошел в сторону. Приглядывался к людям, прислушивался к разговорам. В очереди говорили о разном, но больше о войне, о знакомых, у которых пропали карточки. Женщины ахали, вздыхали, сочувствовали, проклинали карманников. И снова разговор возвращался к войне, к судьбам сыновей, мужей, которые были на фронте. Одна старушка рассказывала, что возле дома милиция задержала фашистского «ракетчика».

— Сигналы в небо пускал, — поясняла она, — ёропланам

ихним, значит, указывал, где завод стоит. Вот что делается.

Прислушиваясь к старушке, Андриашин подумал: «Молодцы ребята, если только бабуся рассказывает правду». В том, что фашисты имели в Москве свою агентуру, сомнений не было. Не одного и не двух шпионов уже задержали милиционеры. У Андриашина другая задача: предстояло проверить человека, о котором рассказал рабочий Иван Семенович, отец Лёньки — пацана, потерявшего недавно хлебные карточки.

Привезли хлеб. Очередь зашевелилась, вытянулась к ободраным дверям булочной. Андриашин вошел внутрь. Возле прилавка толпился народ. На него, сидящего в стороне, никто не обращал внимания. Как было условлено, продавщица громко называла карточки:

— Одна рабочая, одна иждивенческая, две детские. Итого: два килограмма.

Называла цену, взвешивала хлеб и протягивала покупателю.

У прилавка еще не старая женщина в легком костюме и желтом берете. В руках у нее добротная коричневая кожаная сумка. Движения энергичные, голос громкий, повелительный. Она протягивает продавцу карточки и сама называет:

— Три рабочие!

За ней хлеб покупает старушка, та, что рассказывала про ракетчиков. Свои четыреста граммов она берет от продавца неторопливо и бережно заворачивает в чистую тряпицу.

Приближается очередь Андриашина. Пока ничего интересного в магазине он не заметил. Люди приходили и уходили. Дверь хлопала беспрерывно. Андриашин оглянулся: за ним стояло человек тридцать, а может, и все пятьдесят. Он уже многих запомнил. Появился новый покупатель. Новый ли? Он узнал ее сразу. Только что-то изменилось в облике. На голове уже нет желтого берета, а поверх костюма светлый пыльник, в руках авоська. На глазах очки. Но тот же энергичный поворот головы.

«Она же только что получила хлеб по трем рабочим карточкам», — подумал Андриашин.

В этот раз женщина получила две рабочие и две детские нормы хлеба. Хороша семейка! Почти полных четыре буханки. Это уже интересно.

Следом за женщиной Андриашин вышел из магазина.

— Разрешите помочь, — галантно предложил он.

Женщина вздрогнула, увидев незнакомого мужчину. Но быстро справилась с испугом.

— Если уж вам так хочется, пожалуйста. — И протянула авоську.

Андриашин легонько взял женщину за локоть. Некоторое время они шли молча. Андриашин слышал, как старушка сказала им вслед:

— Не иначе как спекулянты, вон сколько хлеба нахватили.

— Мне направо, спасибо, — женщина протянула руку за авоськой.

Андриашин не отпускал ее.

— Что вы делаете? Сейчас же отпустите, иначе закричу!

— Не советую, — тихо ответил Андриашин и крепче сжал ее локоть. — Мы пойдем с вами прямо.

— Куда?!

— Не догадываетесь? В милицию.

Женщина работала заведующей карточным бюро в одном из Московских трестов хлебопечения. В сумочке рядом с деньгами, зеркальцем и губной помадой лежали семь хлебных карточек. У одинокой женщины семь карточек. Откуда?

При обыске на квартире у «доброй» тети Доры сотрудники милиции нашли 28 продуктовых, 16 мясных и 6 промтоварных карточек. Поискали получше, нашли еще 104 талона на картофель, 119 талонов на масло, 29 талонов на крупу, 42 талона на сахар. Большую сумму денег, изделия из золота, серебра.

Тетя Дора не обворовывала квартиры, никого не грабила. Она, по ее выражению, «просто умела жить». Путем различных махинаций ей удалось скопить много продовольственных и промтоварных карточек. Часть из них она скупала за водку у водителей автомашин, уезжающих из столицы. На

приобретенные таким способом карточки покупала в разных магазинах продукты и товары. Затем «выручала» нуждающихся, перепродавала им дефицитные вещи. Конечно, не по государственным, а по ценам «черного» рынка.

Приговор военного трибунала спекулянтке был суровым.

С поля боя не вернулся

В 8-й стрелковой дивизии, сформированной в свое время из подразделений Московской краснопресненской дивизии народного ополчения, старых бойцов почти не осталось. Еще в 1941 году на Смоленском направлении многие сложили головы в боях с отборными фашистскими войсками.

Но боевые традиции московских рабочих в дивизии крепко жили в новых бойцах.

И вот после тех боев, спустя почти три года, 22 сентября 1943 года командир дивизии полковник П. Гудзь доложил командующему армией о том, что в районе населенного пункта Навозы передовые батальоны вышли к Днепру. В боях на подступах к реке особенно отличились подразделения 151-го стрелкового полка под командованием полковника Г. Томиловского, которые после тридцатикилометрового марша прорвались к Днепру и без всякой паузы, с ходу готовятся к форсированию.

Преодолеть могучую реку готовились и воины 2-го стрелкового батальона. Среди них был командир взвода старшина Дмитрий Шурпенко. Перед тем как пойти на наблюдательный пункт командира батальона, разместив взвод среди приречного, начавшего желтеть ивняка, он решил сам прикинуть, где и как лучше всего организовать переправу, если поступит такой приказ. Потому, что понтоны, судя по всему, не подвезли, мостов же поблизости не было. Удивляться тут нечему — наступление шло в таком быстром темпе, что даже кухни отстали.

«Значит, придется плыть на плотках и других подручных средствах,— подумал Шурпенко,— а выгребать будем солдат-

ской смекалкой». Такое уже бывало. Шурпенко расстегнул пуговицы на новенькой, еще пахнувшей складом зеленой телогрейке, ибо солнце палило по-летнему жарко. Вздохнул всей грудью и сразу почувствовал, как речная прохлада коснулась разгоряченного тела. Старшина, не теряя времени, полез прямо через кусты поближе к воде. Раздвинув автоматом густые ветви кустарника, увидел широкую гладь реки и остановился как вкопанный. «Ух ты, широк!»— невольно вырвалось у Шурпенко.

Как ни пытался Дмитрий рассмотреть в бинокль знаменитый «восточный вал», который, как писали в газетах, фашисты построили на берегу Днепра, но, кроме кустов, одиночных осокорей, да порыжевших от солнца холмов, ничего не увидел. Видно, гитлеровцы умело замаскировали укрепления. Если бы располагал временем, может, и обнаружил какую-нибудь огневую точку, но долго рассматривать вражеский берег не мог: пора было идти на НП.

На наблюдательном пункте командира батальона уже собрались командиры взводов и рот. Шурпенко доложил ротному о прибытии, поздоровался со всеми. А чтобы не маячить у начальства перед глазами, по своей давней привычке отошел в сторону.

Он еще раз оглядел собравшихся. У многих командиров из-под расстегнутых ватников и шинелей на гимнастерках сверкало по одному, а то и по два ордена. А у него была пока только медаль «За отвагу». Медаль Дмитрий получил не на фронте, а в Москве, за отражение налетов вражеской авиации, когда работал постовым в 9-м отделении. Тогда он лично обезвредил более сорока зажигательных авиационных бомб. Медаль Дмитрию вручил Михаил Иванович Калинин в Кремле. Поэтому эта награда была для него особенно дорогой и памятной. Если бы спросили, Шурпенко мог бы рассказать товарищам о бессонных, полных опасности днях и ночах, когда он со своими товарищами спасал из-под развалин москвичей, боролся с бандитами и грабителями. Он и на фронте гордился тем, что служил в московской милиции и прошел в ней хорошую школу.

На фронты Великой Отечественной войны из столичной милиции ушло более десяти тысяч сотрудников, которые сражались теперь на различных участках фронта. В 8-ю дивизию Дмитрий Шурпенко попал после прохождения ускоренных курсов из пехотного военного училища.

Капитан Колокольцев внимательно осмотрел собравшихся командиров.

— Только что мне позвонил полковник Томиловский, просил от его имени поблагодарить всех вас за службу.— На какое-то мгновение лицо комбата стало грустным и суровым.— Не густо, товарищи командиры, нас перед Днпром осталось. Но, как говорят, врага будем бить не числом, а умением. Итак, получен боевой приказ. Будем форсировать Днепр.— Капитан для убедительности показал рукой в сторону реки.— Кто не успел, посмотрите! Переправляться приказано с ходу, без артподготовки и на подручных средствах. Что это означает, думаю, объяснять вам не надо. Кой-какие переправочные средства и материалы для нас припасли партизаны. Пушкари нас поддержат чуть позже, при бое в глубине вражеской обороны. Первыми пойдут передовые отряды. Последующими рейсами переправятся тылы, минометы, перекинем боеприпасы... Нам необходимо по-настоящему уцепиться за тот берег и стоять насмерть: пока не подойдут главные силы дивизии! Дело нам поручено не легкое: имейте в виду, что плавать не все умеют, воды боятся, особенно солдаты из нового пополнения. Помогите им, прикрепите к ним шефов из обстрелянных бойцов.

Колокольцев перешел к постановке боевых задач подразделениям.

Дошла очередь и до Шурпенко.

— Старшина, ваш взвод наводит переправу вон в том месте.— Колокольцев показал на маленький, тихий заливчик.— Будем делать плоты! Задача понятна, Шурпенко?

— Так точно, товарищ капитан! Людей бы во взвод подкинули.

— Просьба законная,— кивнул командир батальона.— На усиление получишь отделение саперов. Старшина, на большее

не рассчитывай. Запомни, следом за передовым отрядом должен отвалить твой первый плот. Это боевой приказ!

Шурпенко вернулся во взвод, где его уже поджидали солдаты. А вскоре подошли и обещанные комбатом саперы.

— Товарищи, времени у нас в обрез. Лодок почти нет. Пока светло, будем вязать плоты. Нам поручено переправить на противоположный берег минометчиков, повозки с боеприпасами, кухни, коней...

— Велики ли делать плоты, товарищ командир? — спросил у него сержант-сапер.

— Очень большие не вяжите, — предупредил Шурпенко. — На воду не спустим. Тяжело, — пояснил он. — Плот чем меньше, тем живучей, — говорил Дмитрий. — Из пушки в него не скоро попадешь, а бомбой с самолета и тем более. Делайте такие, чтобы можно было переправить сразу три повозки, если без лошадей, а с конями — две.

Сержант-сапер, судя по всему, добродушный человек, сдвинул на затылок линялую пилотку, взял в руки топор, большим пальцем попробовал лезвие, хорошо ли отточено, и, лукаво глядя на Шурпенко, ответил весело:

— Задание яснее ясного, товарищ старшина! Построим в самый аккурат, мы же тверские!

— Спасибо, коли так. Скоб не жалейте, крепите понадежнее.

Строительный материал подтащили ближе к воде, приступили к работе. Бревна для прочности связывали проволокой и веревками.

Дмитрий Шурпенко в своем неизменном ватнике мелькал по расположению взвода. Он то помогал бойцам подтаскивать бревна, то проверял надежность крепления, то бежал узнать, не подвезли ли кухни.

— Беспокойный у вас командир, — кивнул на Шурпенко сапер.

— А он всегда такой. Мы на него не обижаемся, — ответил ефрейтор, командир отделения. — С нашим старшиной не пропадешь. Ему бы не взводом, а ротой командовать.

— Ну, насчет роты ты загнул,— возразил сапер.

— А тут и погибать нечего... Вот речку переедем, и пошлют нашего старшину на роту, и вся стратегия,— не сдавался ефрейтор. Ему просто не терпелось сказать еще что-нибудь хорошее о командире.

Заканчивали вязать второй плот. Уже в темноте Шурпенко, оставив за себя помощника командира взвода, вызвал двух бойцов, приказал им в рыбацкую лодку погрузить крепкую пеньковую веревку. Когда груз уложили, скомандовал:

— Сержант, к моему возвращению оба плота должны быть на плаву.

Лодка тихо отошла от берега. Весла, чтобы не хлопали по воде, по совету партизан обвязали тряпками. Еще какое-то время слышались легкие всплески, словно рыба била по воде. А потом и они стихли.

Шурпенко правил лодку к вражескому берегу. Конечно, в этом был большой риск, но на войне на каждом шагу рискуешь. Да и другого выхода у командира взвода не было. Самое трудное и опасное взял на себя — это пока все, чем мог он помочь своим солдатам.

Еще в темноте, через час, а может, несколько позже, Шурпенко вернулся живым и невредимым. И на этот раз сопутствовала ему воинская удача и солдатская сметливость.

Теперь оба берега реки надежно соединились прочной веревкой, на которой, как на обычном пароме, по канату будут переправляться на плотах солдаты, кони, имущество...

— Эй, там, на берегу! На погрузку! — вполголоса подал команду Шурпенко.

Первыми подошли минометчики.

— Здорово, земляк! — приветствовал старшину командир минометной батареи младший лейтенант Огородников.— Славный ковчег соорудили. Молодец, старшина. Можно грузиться?

— Младшой, давай живее, не задерживай.

Лично проверил, как разместились на плоту солдаты и, убедившись, что минометы надежно закреплены, Шурпенко встал к рулевому веслу.

— Дружно взялись за канат! — скомандовал старшина.—
Поехали!

Вода забурлила за кормой, течение было подхватило, но веревка надежно удерживала плот, который сразу осел на глубине, но на плаву держался хорошо.

Высадив минометчиков, Шурпенко со своими бойцами пошел в обратный рейс. Огородников напомнил:

— Ждем тебя на этом берегу, старшина! Пока!

На этот раз переправщики попали под бомбежку, однако плот уцелел. Только осколком ранило бойца.

Переждав налет, Шурпенко приказал ездовым грузиться прямо с конями. Повозки с боеприпасами на том берегу сейчас очень нужны войскам. Там уже на пространстве в несколько километров гремел бой. Хваленый «восточный вал» не смог остановить, даже задержать советских солдат.

И старшина снова плыл к вражескому берегу.

По приказу командующего 13-й армии генерала Н. Пухова выше переправ поставили дымовые завесы. Но дымы не спасали положения, они лишь в какие-то минуты мешали вести противнику прицельный огонь по плотам.

Над плотом пронеслись «мессеры», Шурпенко невольно пригнулся. Бомбы и снаряды вспороли черную днепровскую воду.

Никто не знает, сколько мужества и воли потребовалось от подчиненных Шурпенко, чтобы в эти минуты не выпустить веревку, не выпрыгнуть за борт, ища спасения в реке. Тяжесть ожидания, что вот-вот они попадут под прямое попадание вражеского снаряда или бомбы, происходило еще и оттого, что все, кто находился на плоту, знали: ничем не защищенные, они отлично видны противнику. Знали и поэтому невольно ждали удара. И только уверенность командира придавала солдатам силы. Шурпенко ни разу не выпустил руль, не повысил голоса.

Дмитрий потерял счет времени, для него оно слилось в один какой-то огненный круг, из которого скоро не выберешь.

Пристали к берегу и поставили плоты-ковчеги только

после того, как переправили на правый берег последними батальонные кухни.

А бой нарастал все сильнее, звал старшину туда, где остались минометчики младшего лейтенанта Огородникова.

151-й стрелковый полк, форсировав Днепр, повел успешное наступление на Чернобыль. Однако в междуречье Припяти и Днепра батальоны попали под мощный удар контратакующей немецкой дивизии. Бойцы не дрогнули, с ходу перешли к обороне. Жертвуя собой, они прикрыли остальные полки дивизии, дав им возможность развернуться, занять выгодную позицию и изготавиться к бою.

С 5 по 8 октября, три дня 8-я стрелковая дивизия вела кровопролитные, изнурительные бои с фашистами, сдерживая продвижение танков и пехоты противника.

Теперь успех армии зависел от мужества и стойкости бойцов дивизии.

Как ни сжимались вражеские клещи, полкам все-таки удалось вырваться из вражеских тисков.

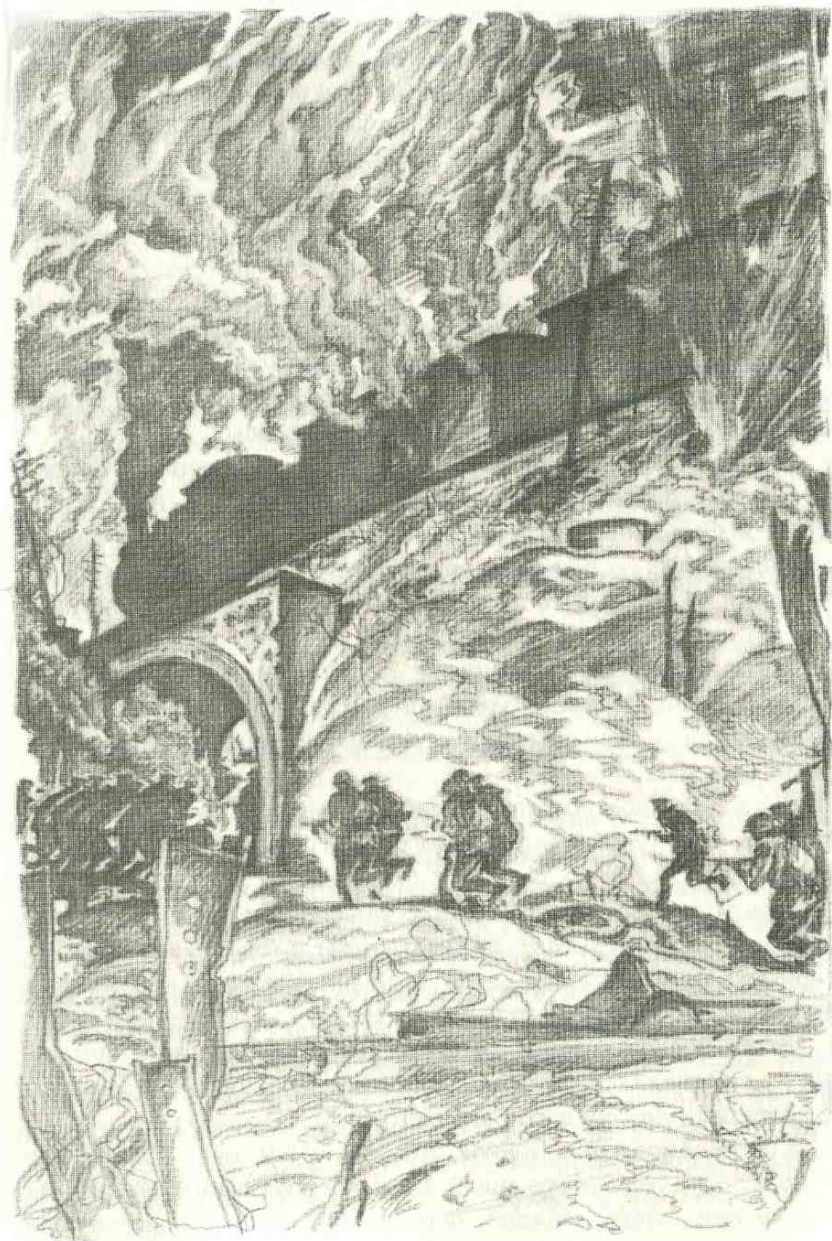
Боевое мастерство, отвага бойцов и командиров восьмой дивизии получило высокую оценку Военного совета Центрального фронта и его командующего генерала армии К. К. Рокоссовского.

Но среди тех отважных, которые остались в живых после этих боев, старшины Дмитрия Васильевича Шурпенко не было.

За героизм и мужество, проявленные при форсировании Днепра, старшине Д. В. Шурпенко было присвоено звание Героя Советского Союза.

В архиве Министерства обороны СССР хранится книга учета личного состава 151-го стрелкового полка, в которой значится, что Дмитрий Васильевич Шурпенко родился на смоленской земле в Шумячах в 1915 году. Служил в Красной Армии, воспитанник московской Краснознаменной милиции.

Идут годы. В том самом здании, в котором когда-то работал постовым Дмитрий Шурпенко, теперь размещается 108-е отделение милиции. Здесь его помнят. На самом видном

месте в Ленинской комнате оборудован стенд, посвященный герою, вывешена его фотография, копия наградного листа, подписанная генералом К. К. Рокоссовским, другие документы. И Дмитрий Васильевич как бы снова в строю сотрудников милиции. Его мужество и бесстрашие молодые милиционеры берут себе в пример, стараются быть похожими на героя.

Четвероногий пожарный

В темноте где-то у Никитских ворот приглушенно тарактели военные грузовики. К улице Горького по Тверскому бульвару прошли строгие патрули. Когда полная луна вышла из-за туч, она уже осветила пустынные улицы.

Но тишина в городе была военной, а не сонной, и далеко не каждый в ту ночь мог уснуть. В два часа во весь голос, пугая дремавшие на деревьях стаи галок, заговорили уличные репродукторы: «Граждане, внимание! Воздушная тревога!» Черными облачками со звонкими криками взлетели галки, наполняя над домами небо шумом крыльев.

Потом, оповещая москвичей об опасности, завывли надрывно сирены. И после этого ни в одном доме свет в окнах не зажегся — они оставались темными, наглухо зашторенными.

Но внутри домов шла своя жизнь: захлопали двери, стали слышны приглушенные голоса людей, спускавшихся в бомбоубежища.

Почти одновременно с этим с чавкающим звуком застучали часто-часто зенитные автоматы. Загрохотали крупнокалиберные пушки. Военное небо в разных местах прожекторы пронзили серебряными стрелами лучей.

В это первое военное лето Москва от воздушного противника ощетибилась сотнями зенитных орудий, прикрылась аэростатами воздушного заграждения.

Сергей Андреевич Бойков, начальник милиции Советского района, как только объявили воздушную тревогу, вышел из помещения, чтобы самому определить места, подвергшиеся

бомбардировке. Присматриваясь к красноватым вспышкам разрывов, Бойков иногда успевал разглядеть маленькие серебристые самолеты, которые, попав в цепкие лучи прожекторов, начинали пикировать, чтобы вырваться из яркого света в спасительную темноту.

Однако прожектористы цепко держали их на виду у артиллеристов. Снаряды разрывались все ближе у цели. И Бойкова охватил азарт болельщика. Он азартно охал, ахал, когда снаряд, посланный с земли, разрывался сбоку от бомбовоза. «Врешь, не уйдешь!» — шептали его губы, словно он сам стоял у орудия.

Близкий разрыв авиабомбы, от которого задрожали стены райотдела, напомнил Бойкову, что он не просто наблюдатель. Судя по направлению взрыва, бомба упала где-то в районе Тишинского рынка. По телефону он уточнил у постового, находившегося на НП в кабине крана на улице Горького, где произошел взрыв.

— Тишинский рынок горит! И зоопарк, — доложил наблюдатель.

— Понял. А ты, если начнутся новые пожары в районе, звони сразу, не жди, — напомнил Бойков милиционеру.

— Есть!

Бойков направился к комнате сотрудников уголовного розыска.

— Ефимов! Алексей Иванович! — позвал он.

— Я здесь, слушаю вас, Сергей Андреевич!

— Бери троих сотрудников и вместе с Корниловым выезжайте на Тишинский. Останешься на рынке, а он поедет до зоопарка. С Корниловым будут Козинец, Зинченко и Бобков. Передай ему, чтобы захватили ручной пулемет.

— Пулемет? — удивился Ефимов. — Зачем?

— Затем, что там не телята, а дикие звери. Если тигр вырвется из клетки на улицу, головы нам не сносить. Шуму наделает... Передай ребятам, чтобы ни один крокодил не убежал за ворота. Сам объяснишь по дороге: по зверям стрелять в крайнем случае, если не будет другого выхода, — инструктировал Бойков.

Райотделовский автобус тархтел мотором у ворот, поджидая группу.

Ефимов, занимавшийся в райотделе уголовным розыском, со своими сотрудниками высадился на рынке. И вовремя: еще из окна автобуса он заметил, что возле горящих магазинов и ларьков орудовали какие-то подозрительные типы. Их высеяли, но откуда-то они снова появлялись в Москве.

Ефимов подождал, пока из машины выйдут сотрудники.
— Пока! — махнул он рукой.

Алексей Иванович Корнилов, заместитель Бойкова по службе, с оперативным уполномоченным Евгением Бобковым, милиционерами Василием Козинцем, Сергеем Зинченко высадился прямо у решетчатой калитки главного входа в зоопарк.

Подоженный фашистской зажигательной бомбой, рядом с территорией горел двухэтажный деревянный дом. Дом полыхал, и от него тянул густой дым.

На пруду, мимо которого проходили сотрудники, как в зеркале отражалось зловещее, бьющееся пламя. Испуганно кричали утки, гуси, лебеди. Метались в клетках звери, пронзительно верещали обезьяны.

Дом горел сильно, даже от калитки было слышно, как под натиском огня трещало сухое дерево.

— Поторапливайтесь! — напомнил товарищам Корнилов. Бобков было вырвался вперед, направляясь к пожару.

— Евгений, вертай назад! — остановил Корнилов. — Останься на аллее, расчехоль пулемет, изготвься к стрельбе...

Он еще хотел что-то объяснить, но над головой раздался шум моторов, и Корнилов невольно пригнулся к земле, увлекая за собой Бобкова.

Фашистский летчик, чтобы уйти из-под обстрела зенитных батарей, опустился на предельно малую высоту. Летел и поливал из пулеметов.

Теперь, спасаясь от пуль, сотрудники прижались к кирпичной стене. Летчик, конечно, не мог их видеть. Но то, что под ним находился не военный объект, он, видимо, знал: зарево

сильно освещало зоопарк, фашисту сверху должны быть видны клетки и вольеры с животными.

Появление фашистского самолета внесло заминку. Но ждать, когда он улетит, милиционеры не стали.

— Ну, Бобков, держи оборону. Без приказа — никуда! — распорядился Корнилов. — Остальные на пожар!

Сотрудники видели, как возле горящего дома метались люди.

Когда к ним подбежали, Корнилов окликнул:

— Никого там не осталось?

— Нету, все выскочили из дому! — громко, с надрывом ответила женщина. Она работала в зоопарке служителем, ухаживала за животными.

Увидев милиционеров, немногочисленные жители воспрянули духом.

— Слоновник спасти надо, — сказала женщина Корнилову. — Он ближе других помещений к огню.

— Где?

— Да вон, на задворках, — показала она. — Как бы слоны не погибли, — торопила она. — Ну, скорей же...

— Не знаете, тигры не убежали? — поинтересовался Корнилов. — Крокодилы и всякие ползучие гады?

— Не знаю, — растерянно ответила женщина. — Может, и убежали. К вольерам никто еще не ходил, боязно, — пояснила она. — Слышите рев? Львы беснуются.

— Львы?!

— Они самые...

— А в клетке, мимо которой мы сейчас пробежали, кто живет?

— Бурый медведь, недавно привезли. Такой злющий! — женщина несколько успокоилась, семеня рядом с Корниловым и теперь охотно отвечала на вопросы.

— Что-то не шевелится... Может, спит?

— Проклятый фашист убить мог. — И они посмотрели на небо, где рвались снаряды и откуда еще доносился гул вражеского самолета.

— Потом узнаем о медведе, — женщина за рукав потянула

Корнилова.— Идемте к слоновнику, там никак ворота не откроят.

В мерцающем, тревожном свете пожара Корнилов увидел, как сторожа сбивали замки. Заметив на аллее доску с пожарными инструментами, он распорядился:

— Зинченко, Козинец, срывайте ломы, помогите! Я проверю вольеры и клетки, потом подойду к вам. Действуйте! — Корнилов поискал глазами сторожа.— Идемте!

Вдвоем в едком дыму они обошли территорию зоопарка. Осматривая клетки, не заметили, как дошли до Бобкова, лежащего за пулеметом.

— Как дела, Женя?

— Пока ни одного зверя не видел,— доложил Бобков.— Только слышно, как они на разные голоса воют.

— И я наслушался. Нам повезло, что на клетках крепкие запоры и замки,— ответил Корнилов.— Ступай к слоновнику, помоги ребятам. Мы следом.

Они подоспели, когда только что открыли ворота. В красноватом свете видны стали слоны, которые находились на привязи. Они возбужденно трубили и гремели железом. В такие минуты лучше было к ним не подходить — они становились опасными. И хотя бивней у самок индийских слонов нет, но, обладая огромной силой, они легко могли убить, расплющить ногами. Корнилов не успел предупредить, как его спутница смело вбежала в помещение. На всякий случай Корнилов вытащил пистолет, чтобы защитить женщину от разъяренных животных. Но стрелять ему не пришлось.

В слоновнике первой успокоилась громадная слониха. Увидев женщину, а с ней людей, которые пришли им на помощь, она закачала головой, подняла правую ногу и протянула хобот.

— Чего это она? — посторонился Зинченко.— Как бы не хватила. Ногой вдарит — и дух вон.

— Теперь не тронет,— успокоила женщина.— Это она здороваеся. Сколько лет ее обхаживаю, меня признала.

Как за руку, она огромную слониху взяла за хобот, и та послушно пошла за ней. Повинуясь инстинкту, следом за

ними вышли остальные животные. Ведь на воле, в джунглях, самка, а не самец является фактическим вожаком стада.

На улице слоны совсем успокоились, и их отвели в безопасное место.

Когда Бобков прибежал к слоновнику, там стояла не жара, а настоящее пекло. Козинец и Зинченко уже самоотверженно сражались с огнем. По-другому их работу не назовешь. Они, отыскав поливальные шланги, не переставая поливали водой стены помещения. Отстоять слоновник от огня оказалось делом не простым.

Едва коснувшись стены, струя тотчас превращалась в пар, который, перемешиваясь с дымом, еще плотнее заволакивал зоопарк.

Пожарные, видимо, сюда не могли приехать, было не до зверей. В Москве полыхал не один пожар, из горящих домов они спасали людей. Поэтому сотрудникам милиции приходилось рассчитывать только на свои силы.

Василий Козинец бесстрашно забрался на крышу слоновника. Ему подали шланг, и он им ловко орудовал. Однако жара доставала милиционера и там, наверху. Чтобы не вспыхнула одежда, ему пришлось обливаться из шланга водой.

— Попытайтесь дать воду на заднюю стену! — крикнул Козинец. — Я туда не достаю.

Бобков решил, что это лучше всего можно будет сделать из огнетушителя. Он было направился по аллее, но внезапно за собой не то что услышал — почувствовал в кустах подозрительное движение. Сработала профессиональная привычка. Схватив пулемет, он обернулся, чтобы ударить очередью. На Бобкова из темноты надвигалось что-то огромное, живое. Вот когда пригодился пулемет! Но в последнее мгновение что-то удержало Бобкова от стрельбы.

Привыкнув к темноте, он узнал старую слоницу и невольно попятился. Зверь, подняв хобот, воинственно шел на него. Слониха осторожно обошла Бобкова, приблизилась к помещению, из хобота выпустила сильную струю на дымящуюся стену. Словно в раздумье, постояла какое-то время, поверну-

лась к огню лопухой головой, полюбовалась на свою работу и отошла.

Повидавшие всякое за свою службу, сотрудники милиции да и остальные несказанно удивились слону-пожарному.

К слонихе подошла женщина, окликнула и, прижавшись к морщинистой щеке, погладила, сказала что-то ласковое. Слов Бобков не разобрал, но заметил, как слониха, опустив хобот, неподвижно слушала женщину. И в знак согласия покачивала головой, медленно переступая, направилась снова к пруду.

— Теперь нам легче будет! — крикнул Бобков товарищам. Его поняли, и все засмеялись.

— Как бы они все втроем...— сетовал Зинченко.— Тогда и пожарной машины не надо.

Но другие слоны почему-то в тушении пожара не участвовали. Может, слониха работала до зоопарка в цирке, и ее там обучили тушить огонь? Но этого никто не знал.

Воду носить с пруда было все-таки далековато. Слониха в раздумье остановилась возле ящика с песком.

— Умница! — похвалила слониху женщина. — Можно и песком.

Животное работало на пожаре солидно, не спеша, как бы понимая важность происходящего. Поощряемая служительницей, набрала полный хобот песку и с силой выдула на тлеющие доски.

Работа нравилась слонихе. За доброе отношение людей она у всех на виду усердно тушила огонь и делала это, судя по всему, с интересом. Пламя вовсе ее не пугало, в этом Бобков окончательно убедился.

Так, на дымившуюся постройку через равные промежутки времени слониха хоботом вылиwała, выдувала несколько ведер воды или песка, а на крыше все еще находился Козинец. Он рукой и голосом показывал слонихе на заднюю стенку, и та аккуратно выполняла его просьбы. Под дружным натиском огонь угасал...

Корнилов с Бобковым под утро еще раз обошли территорию зоопарка, убедились, что никто из его четвероногих

обитателей не пострадал. И только после этого сотрудники ушли в райотдел.

Все военные годы Московский зоопарк работал, неся людям радость от встреч с братьями меньшими.

В сутках двадцать четыре часа

Понятие времени у майора милиции Леонида Вайнера сместилось: давно не было выходных и даже перерывов на обед. У него, старшего оперативного уполномоченного Московского уголовного розыска, все двадцать четыре часа в сутках слились в единый поток действий. Часто дело, начатое сегодня, переходило на другие сутки.

Наступившая очередная неделя вроде ничем не приметная, а Леонид вернулся домой только в пятницу, и то уже под утро. Сунул пистолет под подушку. Разогреть чайник не стал, выпил остывшего чаю. Завел будильник, снял сапоги, повесил пиджак на спинку стула. Присел на кровать, привалился к подушке, подняться сил уже не было, словно в глубокую яму провалился.

Ошалело загремел будильник, Леонид дотянулся до него не вставая с кровати, приглушил звонок. Он никак не мог освободиться от сна. Не так уж плохо, поспал — четыре часа. На то, чтобы побриться и позавтракать, у него оставалось пятнадцать минут.

И снова на службу. К такому распорядку дома привыкли. Ни мать, ни жена давно не спрашивали Леонида, когда он вернется. Да если бы он и хотел, не смог бы сказать родным что-то определенное. Будучи с детства аккуратным, на первых порах пытался обещать родным и даже называл час, к которому будет дома. Но вскоре сам убедился, что ничего путного из этого не получится, а дома лишнее волнение.

Служебное задание — оно и есть задание, по минутам не распишешь — он же оперативный сотрудник милиции. Спрашивали товарищи у Леонида, какие задания он считает

простыми, а какие трудными. Улыбался, но отвечал односложно: «Да кто же их знает». И разговора дальше не продолжал, словно этим все было сказано.

Ведь как в МУРе, идет человек на самое простое, обыденное задание, а оно вдруг так обернется, что на всю жизнь запомнишь. Оперативной группе, которую он возглавил, поручили проверить документы у пассажиров на Казанском вокзале. Какое это задание: простое или сложное? Леонид сказал свое обычное: «Посмотрим». Вайнер никогда не спешил с выводами.

Военным патрулям и сотрудникам милиции предоставили право требовать у любого гражданина паспорт, удостоверение, командировочное предписание или любой другой документ, удостоверяющий личность. Никто не удивлялся и не возмущался таким требованиям милиции. Война. Проверка документов — испытанный метод выявления вражеских шпионов и диверсантов. Каждый гражданин понимал, что этого требует военная обстановка, диктует бдительность. Ведь документов терялось немало.

В войну в Москве проводилась проверка документов на всех железнодорожных и речных вокзалах, в аэропортах. И не зря. Сотрудники милиции проверяли документы в разное время, чаще ночью, когда на улицах города пустынно и безлюдно. Ночью проводить проверку во всех случаях было удобнее и безопаснее. Конечно, каждую такую операцию муровцы держали в тайне. О времени знал только старший оперативной группы.

Как обычно, сотрудники вместе с Вайнером зашли к дежурному по отделу милиции вокзала. Тот кратко ознакомил их с оперативной обстановкой на дороге: на станции Рязань II обокрали вагон с продовольствием, два ограбления пассажиров в ростовском поезде. Дежурный попросил записать приметы преступников, которые могли появиться в городе.

— Если вопросов ко мне нет, пошли к военному коменданту, — сказал дежурный. — Что-нибудь новенькое узнаем по их линии.

Сотрудники милиции осторожно, чтобы не наступить на

ноги лежащим на полу пассажирам, поднялись на второй этаж. Пожилой майор — комендант ждал их.

Он вежливо поздоровался, пригласил садиться. Комендант плотно закрыл дверь, вынул из сейфа папку с образцами военных проездных документов.

— Это командировочное предписание,— показал он листок.— Обратите внимание, оно действительно только в том случае, если на нем имеется шифр.

Майор показал работникам милиции соответствующий условный знак... Вайнер внимательно осмотрел документ, прочитал и передал товарищам.

— Шифры проставлены на всех воинских предписаниях,— напомнил комендант.— Известные вам ранее шифры не действительны. Поэтому всех военнослужащих, независимо от воинского звания, не имеющих на документах условных обозначений, задерживайте, оружие отбирайте. Товарищ Вайнер, сколько оперативных групп МУРа сегодня будет работать? — повернулся комендант к Леониду.

— Три, как всегда.

— На нашем вокзале сегодня особенно много пассажиров. Управитесь? В помощь выделяю командира и по три красноармейца на оперативную группу. Проверку сегодня производите не выборочно, как обычно, а подряд, у всех без исключения. В случае осложнений с военнослужащими вызывайте меня или помощника. Понятно?

— Так точно! — по-военному ответил за всех Вайнер.

Каких-либо других важных сообщений у военного коменданта Казанского вокзала не было. Вайнер отметил про себя, что проверку документов лучше начинать с боковой двери, там меньше толпится народу, да и не так заметно.

От коменданта вместе с Леонидом Вайнером снова все прошли в отдел милиции. Минут тридцать до проверки можно было еще отдохнуть.

В привокзальном репродукторе было слышно, как часы на Спасской башне Кремля пробили полночь.

— Приступим! — сказал Вайнер товарищам.— Сразу все идите к входным дверям, закройте их на запоры!

С этой минуты без разрешения Вайнера из помещения никто не мог выйти. У выходов встали оперативники и вооруженные красноармейцы.

Вокзал в эти поздние часы напоминал огромный муравейник. Даже огромная высота потолков не спасала — воздух в зале ожидания был спертый, прокуренный. Пассажиры рады были теплу, не обращая внимания на духоту и тесноту, притулившись кто на вещах, кто на скамейке, спали. Многих приходилось будить. Большинство молча протягивали милиционерам документы, некоторые же ворчали: «Сами не спят и людям не дают...» Но при виде молчаливых сотрудников торопливо лезли в карманы, кошельки, сумочки за паспортами и справками. Среди ночи будить усталых людей, конечно, невежливо, но что делать — служба. Сотрудники работали парами, быстро и четко — профессиональный навык. Наметанным взглядом, еще до того как взять документ, часто безошибочно определяли, что за человек перед ним.

На деревянном казенном диване, стоящем возле прохода, облокотившись на вещевой мешок, в накинутой на плечи шинели дремал капитан-артиллерист. Судя по всему, фронтовик. Вайнер решил сам проверить у него документы. Легонько тронул капитана за плечо.

Капитан открыл глаза и вопросительно посмотрел на Леонида.

— Проверка документов, — вежливо объяснил Вайнер.

Шинель у капитана сползла с плеча ровно настолько, чтобы сверкнули ордена Красной Звезды и Отечественной войны I степени. Заметив, что это произвело впечатление, артиллерист порылся в кармане гимнастерки, протянул Вайнеру удостоверение и вложенное в него командировочное предписание.

— Пожалуйста.

Удостоверение у капитана было в порядке. Леонид развернул предписание — на нем, как положено, стояли печать и штамп воинской части. Но зашифрованного знака не было. Не спуская глаз с командира, Вайнер медленно сложил документы. Потом, что-то вспомнив, снова развернул и еще

раз стал читать предписание — это был условный сигнал рядом стоящему оперативному сотруднику: внимание!

Прочитав предписание, Вайнер вежливо вернул его капитану вместе с удостоверением.

— Какие претензии у милиции? — спросил капитан, при этом снова сверкнув орденами.

— Товарищ капитан, документы у вас в порядке, — устало ответил Вайнер, — но в командировочном предписании Москва не указана пересадочным пунктом, поэтому, согласно приказу наркома, вы не имели права заезжать в столицу.

Капитан насторожился:

— Я этого не знал, видимо, в полку писарь ошибся; еду в Н-ск на завод за новой техникой.

— Ничего страшного не случилось, — успокоил Вайнер. — Это формальность, но к военному коменданту придется пройти, без его визы вам билет не закомпостируют. Мы же этим не занимаемся. Человек военный, фронтовик, сами должны понимать, — миролюбиво проговорил Вайнер. — Мы вас проводим.

— К коменданту так к коменданту, — согласился артиллерист, закинул за плечо вещевой мешок и пошел с Вайнером.

Никто из пассажиров, сидящих в зале ожидания, не заметил, что следом за капитаном, слева и справа, пошли оперативные сотрудники.

В комендатуре у артиллериста отобрали наган. Он не возражал.

— Содержимое из вещевого мешка сами положите на стол, — предложил Вайнер. — Документы тоже...

Артиллерист вынул две банки американской тушенки, кусок сала, завернутый в пергамент, буханку хлеба, сахар, охотничий нож — финку в металлическом чехле.

— Все. — Чтобы сотрудники убедились, что он выполнил их требование, капитан тряхнул пустым мешком.

Делая вид, что занят осмотром вещей, Леонид Вайнер пристально наблюдал за задержанным. Заметил: под гимнастеркой у него подозрительно топорщится задний карман

брюк. «Скорей всего, пистолет. Судя по всему «артиллерист» — пташка знатная, как бы не улетела», — подумал Леонид. Интуиция его еще не подводила.

— Повернитесь к стене! — приказал Вайнер капитану.

— Товарищ майор, я протестую — это обыск! — с нескрываемым возмущением обратился артиллерист к военному коменданту. — Как смеют так обращаться с фронтовиком!

— Капитан, выполняйте приказ!

Вайнер вытащил у капитана спрятанный в заднем кармане брюк браунинг. Осмотрел пистолет. Патрон был загнан в патронник. Разрядив, Леонид положил пистолет рядом с тушёнкой.

— Не много ли оружия, капитан?!

— Трофейный, — пояснил задержанный. — Да не держите же меня! — гневно потребовал он. — Я же не преступник, с которыми вы привыкли иметь дело, тыловые крысы.

«Артист, играет что надо, — отметил про себя Вайнер, — держится уверенно». Кивнул товарищам.

— Отпустите!

И по тому, как артиллерист торопливо, как-то по-воровски вынимал вещи из многочисленных карманов, Леонид понял: выдержка изменила задержанному. Только бы теперь не прозевать, вовремя разгадать то, что задумал капитан. У него одна задача — избавиться от улик.

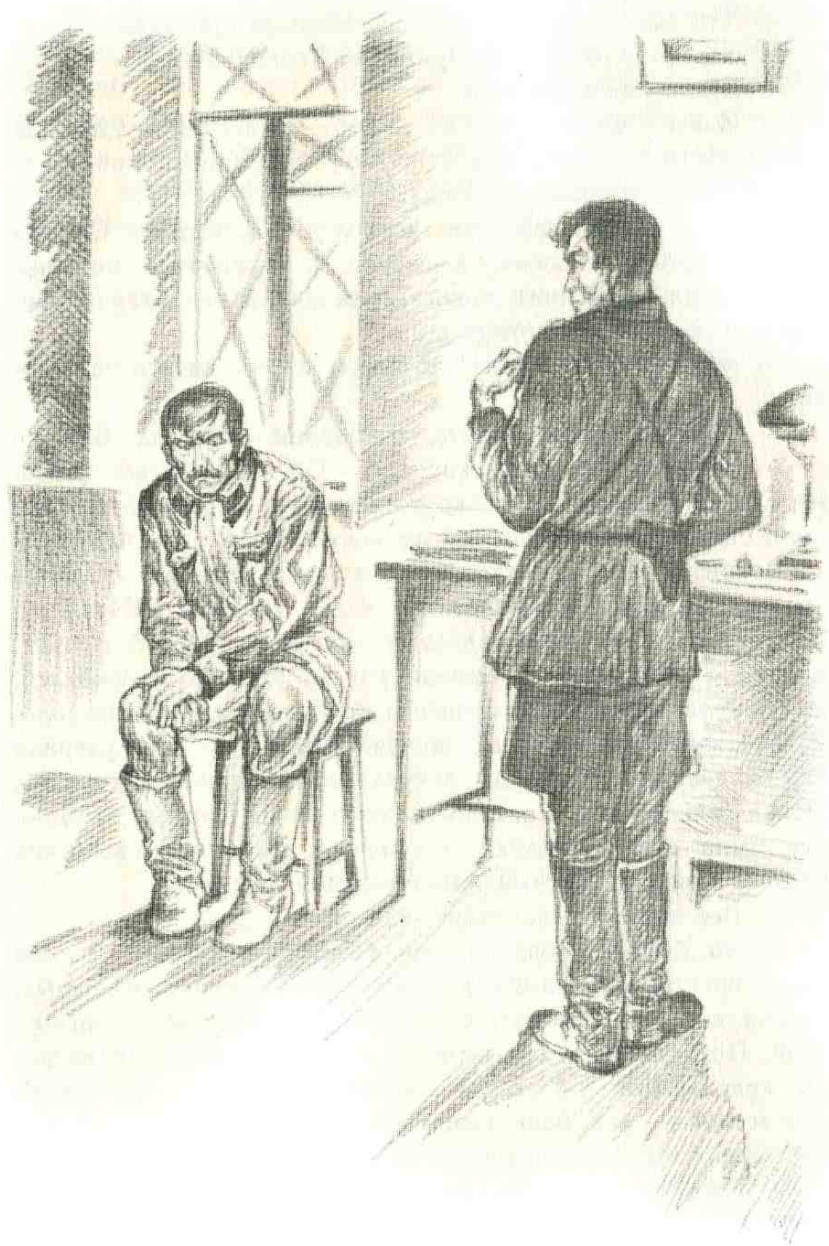
Выложив несколько смятых тридцатирублевков, пятерок и горсть монет и положив их рядом с записной книжкой, задержанный привычно одернул гимнастерку.

— Что в шинели?

— Спички и папиросы.

Осмотр вещей сейчас чем-то напоминал детскую игру — «горячо — холодно». При упоминании о шинели Вайнер заметил, что капитану стало «горячо». Шинель его лежала на стуле в углу комнаты. Леонид перевел взгляд на стул. Этого было достаточно, чтобы артиллерист попытался сунуть в рот какую-то смятую бумажку.

Оперативный сотрудник, помощник Вайнера, сработал молниеносно, а Вайнер перехватил бумажку.

— А вот это ни к чему, желудок можете испортить.

— Что там? — поинтересовался военный комендант.

Развернув и распрямив бумажку, Леонид показал:

— Бумажная квитанция.

— Идите немедленно в камеру хранения, — приказал майор своему помощнику, старшему лейтенанту, — получите по ней багаж и принесите сюда!

Вскоре старший лейтенант вернулся с чемоданом. Он был доверху набит деньгами, а сверху, в клеенчатом мешочке из-под индивидуального пакета, лежали чистые бланки паспорта, воинского удостоверения...

— Милиционеры, чисто работаете, от вас ничего не скроешь.

— Спасибо, сами видите, стараемся, — ответил Вайнер.

— Пишите, — вздохнул капитан. — Служил в штабе танкового полка, полк попал в окружение. Я не выдержал трудностей, струсил, забрав с собой полковую кассу, дезертировал...

Вайнер с любопытством рассматривал шинель, стараясь угадать, отчего же «капитану» было «горячо». Багажная квитанция — сама собой. Осмотрел карманы — действительно, папиросы «Беломор» и спички. Но на этом не успокоился, как заправский портной осмотрел подкладку, швы... Несколько раз встряхнул шинель и почувствовал — по руке ударило что-то твердое. Распоров аккуратно ножичком подкладку, Леонид нашел то, что искал, — тонкую пачку плотных бумаг — это были чистые бланки документов различных воинских частей, командировочные, удостоверения личности.

— Все понятно, «капитан», идемте.

Гордо блеснули ордена, они были настоящими. Это на груди преступника блестела чужая слава — слава отважных, судьба которых неизвестна, но, скорей всего, была трагической. Предстояло еще выяснить, кому принадлежали награды, красовавшиеся на груди лжекапитана. И Леонид Вайнер почувствовал, как боль резанула по сердцу — боль за тех, настоящих героев, попавших в беду.

— Может, снять, товарищ майор? — кивнул Вайнер на ордена.

— Без нас там снимут,— ответил военный комендант.

Так закончился обычный день службы Леонида Вайнера.

Под надежным конвоем «артиллериста» передали в «смерш». А вскоре советские контрразведчики сообщили в управление милиции, что рассказ задержанного о дезертирстве и краже денег — прикрытие, выдумка то есть. «Капитан» — резидент фашистской разведки, в Москву переброшен через линию фронта.

Содержание

О чем рассказали газетные вырезки	3
Начало биографии	7
Первый нарком	9
Товарищ Ленин беседует с постовым Левашовым	30
Винтовка № 109409	35
Шаг в бессмертие	41
Облава	53
Починка обуви	60
Именем революции	66
Снегири	80
Навечно в строю	82
На степном шляхе	88
Краснознаменцы	101
Именные часы	107
«Червонцы»	116
Церковь на окраине	120
Оборотень	128
Автомобиль, извозчики и пешеходы	137
Брезентовые мешки	148
Хлебные карточки	160
С поля боя не вернулся	166
Четвероногий пожарный	174
В сутках двадцать четыре часа	181

Для среднего и старшего
возраста

Владимир Сергеевич Киселев

В СУТКАХ

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Очерки

ИБ № 5055

Ответственный редактор

И. М. Пугачева

Художественный редактор

Л. Д. Бирюков

Технический редактор

Г. Г. Седова

Корректоры

Л. А. Лазарева и И. Н. Мокина

Сдано в набор 11.01.84. Подписано к печати 11.11.84. А 13171. Формат 60×90/16. Бум. офс. № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,0. Усл. кр.-отт. 13,5. Уч.-изд. л. 9,73. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2627. Цена 55 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Дорогие ребята!

*Отзывы о прочитанной книге
присылайте по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Киселев В. С.

К44 В сутках двадцать четыре часа: Очерки/Рис.
В. Воробьева.— М.: Дет. лит., 1984.—190 с.

В пер.: 55 коп.

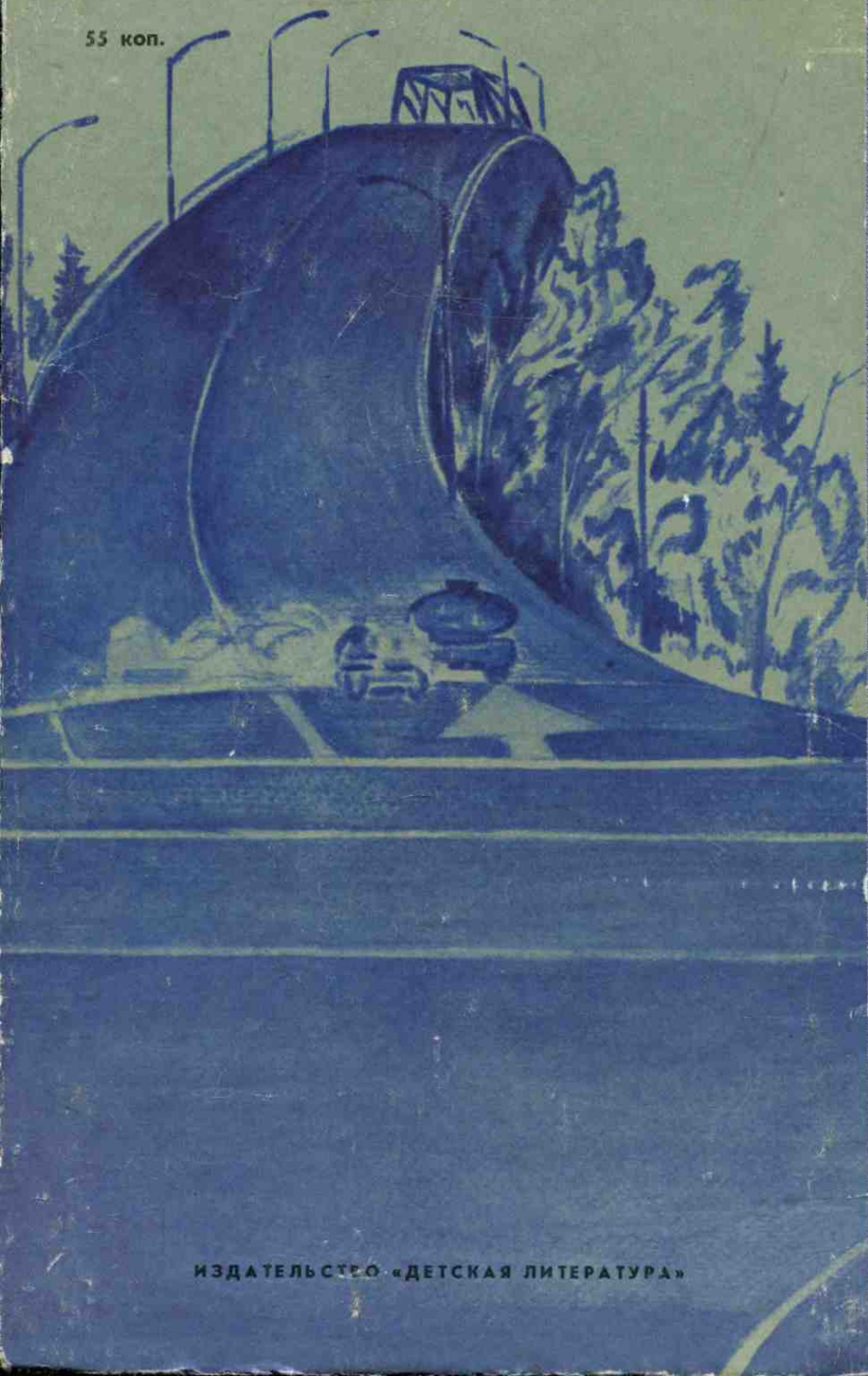
Книга о работе советской милиции, об истории создания милиции в первые годы Советской власти. Книга поможет воспитанию у подростков уважения к нелегкому труду советского милиционера.

К 4802010000—553 330—83
М101(03)84

ББК 67
34С

55 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

